

Юлия Риа

Проклятие демона

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Мне казалось, в этом мире страшно быть человеком. Но, став наследницей одного из двенадцати домов, я поняла — быть полукровкой намного страшнее. Высшие демоны ополчились против меня. Интриги, покушения, угрозы... Как в круговороте опасностей выжить и не потерять себя? А тем более сохранить любовь?

- [Юлия Риа](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)

- [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [Эпилог](#)
-

Юлия Риа
ПРОКЛЯТИЕ ДЕМОНА

ГЛАВА 1

— Дорогие гости, в эту особенную ночь я хочу представить вам кое-кого не менее особенного...

Голос Маорелия Рингвардаада, главы шестого рода высших демонов, звучал торжественно и громко. Он эхом расходился по празднично украшенному залу и уносился вверх, под потолок, будто стремясь затеряться в зачарованном снегопаде. Этому голосу внимали все присутствующие. Сотни высших в дорогих нарядах и родовых украшениях, с кокетливыми масками, прикрывающими верхнюю часть лица, с хрустальными бокалами игристого вина... Все они смотрели на Маорелия и меня, замершую по левую руку от него.

Я стояла, изо всех сил стараясь казаться невозмутимой и уверенной. Спина прямая, подбородок вздернут, дыхание... Пожалуй, только оно и могло выдать бушевающие меня страхи.

В поисках якоря я скользила взглядом по толпе, пока не нашла того, кого высматривала, — юную демоницу с собранными в высокие хвостики белыми волосами и в золотой маске, не скрывающей напряженного взгляда черно-серебристых глаз.

Маорелий все говорил и говорил, взывая к добрым отношениям между высшими, напоминая об особенностях сегодняшней ночи, о волшебстве самого праздника. А потом он повернулся ко мне:

— Дорогая, будь добра, сними маску.

Пять слов прозвучали слишком быстро, слишком коротко. Но вместе с тем показалось, что на каждое из них мое сердце успело трижды стукнуться о ребра.

Стараясь сохранять внешнее спокойствие, я выполнила просьбу и снова оглядела толпу. Праздничные полумаски не скрывали выражения глаз, я отчетливо видела эмоции, отражающиеся на лицах высших: недоверие, непонимание, смятение.

— Уважаемые махры, — снова обратился к гостям Маорелий, — позвольте представить вам Сатрею Рингвардаад — мою наследницу и родную дочь, чьей матерью была человеческая женщина.

Вместе с последним звуком на зал обрушилась тишина, казалось, полная скрытой ненависти и злобы. Лица всех в этом зале теперь выражали лишь одну эмоцию — гнев. Точнее, почти всех. Черно-серебристые глаза в прорези золотой ажурной маски глядели на меня с удивлением и...

беспокойством?

— Я признаю Сатрею Рингвардаад наследницей шестого рода, — громко произнес Кеорсен, делая шаг вперед и снимая маску. — Отныне и навсегда она должна оставаться истинной дочерью своего рода и нашего вида, чтить прошлое и нести ответственность перед будущим. Да будет она достойна оказанной чести.

— Я признаю Сатрею Рингвардаад. — Рейшар говорил уверенно, твердо. — Да одарит Великий ее благодатью.

— Я признаю Сатрею Рингвардаад наследницей шестого рода и приветствую ее в рядах высших.

Я не поверила собственным ушам. Амарелия? Да, вряд ли она пошла бы против воли брата, но все же я не ожидала увидеть ее в числе первых признавших. И пусть взгляд демоницы горел недовольством, я все равно была ей благодарна.

— Я признаю Сатрею... — Звонкий голос Лунары едва слышно подрагивал, когда она произносила заветные слова.

Один за другим высшие повторяли фразу принятия. Звуки сливались, наполнялись разными тембрами и расходились эхом по огромному праздничному залу.

Уверена, не поддержи меня двое сильнейших высших, остальные семьи тоже остались бы в стороне. Но спокойная уверенность Кеорсена и Рейшара давила на присутствующих, вынуждая повторять заветные слова. Кому-то из гостей они давались легко, другим казались едва ли не мерзостью — их выплевывали быстро, зло, будто не желая пачкать рот их произношением. Но, как бы там ни было, высшие всех двенадцати родов меня признали.

— Благодарю вас, уважаемые махры! — Маорелий улыбнулся, будто не замечая царящих в зале настроений. — А теперь предлагаю насладиться праздником! Счастливой Зимней ночи! — торжественно закончил он и кивнул музыкантам. Те с готовностью заиграли.

Я старалась сохранять на лице спокойное выражение, держаться уверенно и с достоинством. Увидев Кеорсена, растянула губы в вежливой улыбке. Я не позволю высшим заметить, какую радость во мне вызывает сильнейший из них.

— Ты молодец, — похвалил Кеорсен, оказавшись рядом. — Теперь держись, настоящая игра начинается именно сейчас. — Он протянул руку в приглашающем жесте. — Готова ко второму акту нашей грандиозной затей?

Я кивнула и вложила пальцы в крепкую ладонь. А уже в следующий

миг Кеорсен закружил меня в танце.

— Не бойся, — тише произнес он, наклоняясь к моему уху, — тебе нечего опасаться. Пока идет праздник, никто не посмеет тебе навредить. Сегодняшняя ночь священна, и любое преступление в это время карается особенно жестко.

Снова кивнув, я попыталась выкинуть из головы беспокойные мысли. Для волнений еще будет время, а сегодня мой первый праздник зимней ночи, и я не хочу запомнить его полным страхом и волнений. Сегодня я буду наслаждаться.

Кеорсен вел уверенно, но мягко. Свет зачарованных огней казался волшебным, а падающий снег — даром Великого. Оторвав взгляд от магического убранства зала, я посмотрела на демона и утонула в его черно-серебристых глазах.

Интересно, всегда ли я буду чувствовать себя настолько защищенной в его объятиях? Не знаю. Но сейчас попроси меня кто прыгнуть в темную пропасть, сказав, что Кеорсен ждет внизу, я бы рискнула. Не задумываясь. С ним одним я чувствую себя готовой на любые безумства. И осознание этого пьянит сильнее любого игристого вина.

Вместе с последним аккордом мы замерли. Склонили головы в знак благодарности за танец и отступили ближе к стене, давая другим парам закружиться вокруг празднично украшенного иглолиста.

Тут же, будто ниоткуда, возник темный с подносом, уставленным бокалами с игристым вином. Кеорсен взял два и один из них протянул мне.

— Мои поздравления, дорогой братец. — Возле нас остановилась Амарелия, сверля демона хмурым взглядом. — Твоя карта сыграла. Ты с самого начала это планировал? Поэтому просил заняться ее воспитанием?

Кеорсен улыбнулся:

— Ты меня переоцениваешь, дорогая. Но мне лестно.

Амарелия расслабленного настроения брата не разделяла. Она явно с трудом сдерживала kloкочущий в груди гнев. Серебро ее глаз подернулось алым.

— Надеюсь, интересы рода по-прежнему стоят для тебя на первом месте? Нашего, не Рингвардаадов! — свистяще выдохнула она.

— Не переживай, Ли. Я помню, как зовется наш род, — все с той же полуулыбкой ответил Кеорсен. — И не забивай свою прекрасную голову ненужными тревогами. Лучше наслаждайся праздником.

На секунду глаза демоницы полыхнули алым, но уже в следующий миг она смогла взять себя в руки.

— Разумеется, брат.

Еще несколько мгновений она вглядывалась в лицо Кеорсена, потом развернулась на каблуках и отошла к Верине. По дороге взяла с подноса проходившего темного высокий бокал с вином и осушила его залпом.

— Она недовольна, — отметила я очевидное.

— Если бы только она, — качнул головой Кеорсен. — Но насчет Ли не переживай. Она не ударит в спину.

— А вот я бы сейчас тебя точно ударила, — раздался сзади недовольный голос.

Я обернулась и встретила взглядом с Лунарой.

— Привет. — Мои губы дрогнули в улыбке. — Рада тебя видеть.

— Рада? Рада?! Ты издеваешься?! Еще, может, скажешь, что скучала?

— И это тоже. — Моя улыбка стала шире.

— Ты могла хотя бы дать знать, что в порядке!

— Лу, сдержаннее, — холодно напомнил Кеорсен.

Лунара осеклась, бегло огляделась, удостоверилась, что все вокруг слишком заняты обсуждением главного события ночи, чтобы заметить эту вспышку гнева. Потом вновь повернулась ко мне.

— Прости, я правда очень хотела, — поспешила заверить ее, — но не могла.

— Прощу, — буркнула она. — Но если поступишь так хотя бы еще раз, в жизни с тобой не заговорю, Рингвардаад!

Я вновь не смогла сдержать улыбки. Станным образом недовольство демоницы наполняло мое сердце радостью. За фасадом раздражения и обиды чувствовалось плохо скрытое беспокойство. Лунара переживала. За меня. За простую человечку, какой я оставалась в ее памяти все эти недели.

Только я открыла рот, собираясь уверить, что тоже волновалась, как слова вдруг закончились. Заметив перемену в моем настроении, Лунара обернулась и тихо выругалась.

— Побудь пока в стороне, — приказал Кеорсен, и она поспешно отошла.

Я же крепче вцепилась в бокал, словно он был соломинкой, удерживающей меня на поверхности набирающего силу водоворота.

— «Разве это возможно?» — спросил я себя, едва увидев наследницу Маорелия, — громко произнес Леорен, подходя ближе. — Но теперь вижу, что глаза меня не подвели. Ох, моя дорогая, огорчен безмерно! Я все же так надеялся в ближайшее время увидеть вас гостьей моего центра!

Каждое слово падало к моим ногам будто ядовитыми змеями. Казалось, пошевелись я, и опасные твари тут же вцепятся в незащищенную платьем кожу.

— Доброй ночи, Леорен, — заговорил Кеорсен, переводя внимание на себя.

— Доброй, да, — согласился высший, вздыхая. — Но все же печальной... — Его взгляд снова метнулся ко мне. — И все-таки я должен был догадаться. Ведь не могла меня поразить простая человечка! Ох, порой Великий так жесток к нашим надеждам.

Я держалась изо всех сил, не позволяя себе поддаться страху. В памяти против воли всплыли картины центра репродукции, женщин в длинных серых рубашках, детей... Желудок предательски сжался.

Нет! Не сдаваться!

— У Великого на все свои причины, — выдавила я, стараясь говорить ровно.

— Ох, как это верно, но как печально! — снова вздохнул Леорен. Потом обменялся еще парой фраз с Кеорсеном и наконец отклонялся.

Едва пугающий меня высший зашагал прочь, я осушила бокал до дна. Кеорсен без лишних слов забрал его у меня и передал возникшему темному. От предложенного полного отказался.

— Я не стану извиняться за тот визит в центр, если ты этого ждешь, — произнес он, глядя мне в глаза.

Я мотнула головой. Знала, сама природа высших не позволила бы Кеорсену поступить иначе. Но все же от страха перед Леореном и его центром, боюсь, мне никогда не избавиться. Однако уже совсем скоро пришлось спешно выкидывать тревожные мысли из головы и придать лицу спокойное выражение — очередной высший желал поздороваться.

Весь остаток ночи мне приходилось общаться с представителями двенадцати родов. Кто-то из демонов держался невозмутимо, кто-то — исподтишка или в открытую пытался задеть. Разумеется, высшим не давало покоя мое человеческое происхождение.

Через несколько часов я отвечала, едва вслушиваясь в вопросы. Уставший разум просто отказывался фокусироваться на одинаковых насмешках, холодных комментариях и надменности. Несколько раз я мысленно возблагодарила Кеорсена с Рейшаром, которые знали, что так будет, и неоднократно устраивали мне «пробные экзамены».

Первый, помню, я провалила. Да и второй тоже. Ладно, и третий.

Насмешки над моей человеческой сущностью, над рабским происхождением, презрение к моей матери, отчетливо звучащие в каждом слове, — они вызывали во мне либо гнев, либо бессильные злые слезы.

Но только ни Кеорсен, ни Рейшар не позволяли мне сбегать в такие моменты — напротив, заставляли выслушивать ранящие сердце выпады

снова и снова. Они были жесткими учителями. Порой даже жестокими. Но сейчас их уроки принесли плоды: я смогла пережить ядовитые разговоры и не показать своего к ним отношения.

Когда горизонт подернулся оранжево-алым, слуги открыли двери на балконы, защищенные заклинаниями от холода и ветра. И гости вышли встречать первый рассвет нового солнца.

Я стояла немного в стороне от основной толпы. Опершись ладонями на мраморные перила, я смотрела на медленно светлеющее небо и думала, какой будет моя жизнь. Сколько еще восходов мне отмерено? Новое солнце с каждым днем будет становиться все сильнее, отвоевывая у ночи заветные минуты. Смогу ли я подобно ему отвоевать то, чего так желаю? Право не только на жизнь, но и на нечто большее.

То, что еще совсем недавно было моей единственной целью, перестало казаться достаточным. Может, я становлюсь жадной? Или дело в пробудившейся демонической половине? Ответов не было, лишь крепнущее день ото дня стремление не просто выжить, а стать счастливой.

Я искоса взглянула на Кеорсена, стоящего неподалеку. Словно горизонт, разделяющий землю и небо, он отсек меня от большинства присутствующих. Дал возможность встретить новое солнце в спокойствии и гармонии. Он не спрашивал, хочу ли я этого, а понял сам.

«Останься со мной, Сати, — прозвучал в голове его голос. — Я прошу именно тебя. Не наследницу Рингвардаадов, не полудемоницу, способную разрушать магию, а тебя — мою маленькую смелую мышку».

Я хочу остаться. Сейчас, глядя на новое солнце, поднимающееся все выше над снежными шапками, я осознала это как никогда четко. Точнее, я всегда это знала. Просто боялась признаться. Даже самой себе.

Но только... имею ли я право? Несмотря на мой новый статус, высшие не примут меня. И особенно в качестве пары сильнейшему из них. Так смею ли я подставлять Кеорсена? А Лунару? Амарелию? Других высших из рода Артенсейров?

Нет. По крайней мере, пока не изменю представления двенадцати семей обо мне. Я хочу, чтобы они видели во мне не получеловечку — слабую, нуждающуюся в покровительстве сильного, — а одну из них. Ту, с кем бы им приходилось считаться. Пока не знаю как, но я найду способ добиться этого.

— Вот увидишь, — пообещала я новому солнцу.

ГЛАВА 2

Праздник закончился вместе с первым восходом нового солнца. Уставшая, я добрела до покоев, скинула красивое платье прямо на пол и рухнула на кровать.

Белоснежные простыни дарили коже прохладу, одеяло мягко придавливало сверху, даря ощущение приятной тяжести. Голова утопала в подушках, от которых едва ощутимо пахло лавандой...

Новая кровать была большой и удобной, но только в мыслях я снова и снова возвращалась к другой — маленькой, жестковатой. Той, на которой меня обнимал Кеорсен. Я хотела чувствовать его тяжесть, а не одеяла, вдыхать его запах вместо лавандового, скользить руками по его телу, а не пустым простыням... И от этих фантазий становилось жарко.

Я ворочалась, искала удобную позу, но никак не находила. Вымотавшись окончательно, я просто обняла одну из подушек, прижала к себе и наконец заснула.

Проснувшись ближе к обеду. Вставать не хотелось. Выходить из покоев и снова встречаться с напыщенными высшими — тем более. Однако я нашла в себе силы сначала сесть, а потом и выскользнуть из постели.

Босиком, на цыпочках я пробежала до окна, рывком раздвинула шторы и впустила в комнату солнечный свет. Сладко потянулась в его лучах и обернулась, услышав стук в дверь.

В спальню с поклоном вошла высокая, худая как жердь темная демоница.

— С пробуждением, махра, — почтительно произнесла она.

Я оглядела вошедшую. Отметила ее короткие, явно подпиленные рожки, заплетенные в косу черные волосы. Строгое серо-синее платье и выглядывающие из-за спины сгибы крыльев.

— Благодарю. А вы?..

— Грамедя, — поспешила представиться она. — Ваша камеристка. И прошу вас, махра, обращайтесь ко мне на «ты».

Камеристка? У меня?!

Кажется, Кеорсен вскользь упоминал о подобном. Тогда я не придавала значения услышанному, теперь же изо всех сил старалась не дать удивлению стать заметным.

— Вы определились с нарядом, махра? — вновь подала голос темная, не дождавшись ответной реплики.

Я нахмурилась, и демоница поспешила добавить:

— Первая совместная трапеза после Зимней ночи с представителями всех родов. Согласно традициям, это должно укрепить отношения между семьями. Ни один высший не может покинуть замок до окончания обеда.

— Разумеется. — Я кивнула, вспоминая. — Насчет наряда... — на секунду задумалась.

Еще в лесном домике Тина сняла с меня мерки, по которым Маорелий заказал платье на праздник зимней ночи и новый гардероб, достойный его наследницы. Но только утром я была настолько уставшая, что даже не заглянула в него.

— Платье в пол, дорогое, но без излишеств. Цветов рода, — сухо перечислила я.

Грамедея поклонилась и поспешила в гардеробную. Я же направилась в ванную. Совсем скоро ко мне подошла камеристка и помогла с утренними (или все же дневными?) процедурами. Потом мы вернулись в спальню.

Выбор демоницы мне понравился. Насыщенно-синее платье, расшитое по линии декольте и подолу, открывало плечи и часть спины. Дорогие ткани, мерцающие камни в орнаменте узора, расширяющаяся книзу юбка. Все именно так, как я хотела.

Одевшись и дополнив наряд родовыми украшениями Рингвардаадов, я вышла в коридор. Идти старалась неспешно, держа спину и плечи идеально прямыми. Лишь у входа в столовую я на секунду замерла. Мне не хотелось добровольно запускать руку в змеиное гнездо, но, боюсь, я давно уже это сделала.

Глубоко вздохнув и вздернув подбородок, я решительно пересекла последние метры и переступила порог.

— Доброго дня, уважаемые махры. — Внутренне возликовала, отметив, что мой голос звучит спокойно и уверенно.

Под пристальным вниманием собравшихся я прошла вдоль длинного стола и села слева от Маорелия. По правую руку от него сидел высший с темно-синими глазами — отличительной чертой рода Рингвардаадов. Только относится он, насколько я помню, ко второй ветви семьи. Хемильдеор — советник и ближайшее доверенное лицо Маорелия.

Вместе со мной занимали места высшие, что прибыли последними. А едва все расселись, слуги начали выносить закуски.

— Прошу простить мое любопытство, — подал голос щуплый высший с бледно-голубым, точно выцветшим взглядом, — но я бы все же хотел узнать у махры Сатреи, не поделится ли она с нами впечатлениями. Насколько жизнь высших отличается от жизни людей? Сильно ли разнятся

ощущения?

Я повернулась к говорившему. Лерден Вирсейр — глава седьмого рода и, вероятно, мой главный противник. Интересно, он сам понимает, насколько нелеп заданный им вопрос? Пытаться сравнить положение рабов и их хозяев? Он смеется? Хотя о чем я? Конечно, смеется. Надо мной. Над моим происхождением и обретенным прошлой ночью статусом.

— Боюсь, я не в силах сравнить в полной мере, — ответила спокойно, принимаясь за рулет из телятины. — Мне повезло вырасти свободной. Вероятно, о жизни рабов я знаю даже меньше вашего.

Сдержанно улыбнувшись, я обмакнула отрезанный кусочек в брусничный соус, мысленно прикидывая, насколько хорошо его цвет смотрелся бы на голове Лердена.

Голубоглазый демон хмыкнул.

— Скажите, вы ведь были воспитанницей махры Амарелии? — спросила высшая в дорогом платье янтарного цвета.

Я мельком посмотрела на сестру Кеорсена, после чего перевела взгляд на говорившую.

— Это так. — Мой голос прозвучал размеренно и мягко. Всем своим видом я пыталась показать, что чувствую себя уверенно, что не боюсь. — Мне повезло иметь в наставницах такую высшую, как Амарелия: прекрасную, умную, целеустремленную. Я искренне благодарна ей за заботу и внимание.

— И она не обращалась с вами как с игрушкой? — Демоница удивленно хлопнула ресницами. Слишком старательно, чтобы поверить в искренность ее эмоций. — Это все-таки так для нас естественно... — добавила она, бросая взгляд на остальных присутствующих.

Кто-то из сидящих за столом едва заметно кивнул, соглашаясь.

— Нет. — Я снова позволила себе сдержанно улыбнуться. — Амарелии нет нужды развлекаться таким образом. Для этого у нее слишком утонченный вкус.

— Махра Сатрея...

А вот эту демоницу я знаю. Не лично, разумеется, но на вечере Кеорсен показал своих ближайших родственников. Да и серебряный взгляд слишком явно выдает ее принадлежность к Артенсейрам.

Я повернулась к Амадейне Марваде-Артенсейр — матери Лунары.

— Прошу простить мне мое любопытство, — продолжила она, — и если вопрос покажется слишком личным... уверена, мы все поймем, если вы оставите его без ответа.

Чем более витиевато пыталась говорить Амадейна, чем слаще казалась

ее улыбка, тем беспокойнее становилось у меня на душе.

— Скажите, рассчитываете ли вы составить партию одному из представителей нашего общества, как в свое время поступила ваша матушка? Только официально, разумеется, — добавила она, еще шире растягивая губы.

В груди обожгло вспыхнувшим гневом. Слишком отчетливо звучала насмешка, слишком старательно Амадейна пыталась задеть, и слишком страшно мне было отвечать на этот вопрос.

— Боюсь, мне рано думать о подобном. Для начала хотелось бы стать достойной дочерью своего отца, истинной наследницей рода.

— Конечно, — с готовностью отозвалась Амадейна, — но ведь отмеренный вам Великим срок короче нашего. Кто знает, сколько у вас осталось времени.

— Вы советуете мне пойти против воли Великого? — Я подарила демонице лукавую улыбку. Точнее, мне очень хотелось, чтобы она казалась лукавой, а не напряженной, подавленной через силу. — Если мне действительно отмерено мало времени, я хотела бы провести его с отцом в родовом замке.

Серебристые глаза прищурились. Причем, как мне показалось, не только у Амадейны, но и у Кеорсена, внимательно прислушивающегося к нашему разговору.

— Дорогие друзья, — взял слово Маорелий. — Я понимаю ваш искренний интерес к личности моей дочери. Уверяю вас, некоторые вопросы я сам не прочь ей задать. — Несколько высших за столом улыбнулись. — Но сейчас, прошу вас, давайте просто разделим первую совместную трапезу. Уверен, впереди нас ждет много новых встреч, и вы сможете познакомиться с Сатреей поближе. А познакомившись, проникнитесь к ней самыми добрыми чувствами.

Услышав последнюю фразу, я едва сдержала усмешку. Представить высших, восплававших «самыми добрыми чувствами» к полукровке, не получалось при всем желании. Впрочем, всегда остается шанс, что мы с демонами по-разному понимаем значение этого выражения.

После речи Маорелия разговоры за столом потеки в более спокойном русле. На меня если и бросали недовольные взгляды, то лишь урывками, ненадолго. Будто желали убедиться, что получеловечка еще здесь и не привиделась им, словно мираж в пустыне.

А после обеда, как и говорила Грамедея, демоны начали отбывать. Один за другим они прощались с Маорелием в порталном зале и ступали в туманные зевы переходов. Рейшар, подарив мне напоследок ободряющую

улыбку, тоже покинул замок.

Последними у открытого ока портала остались Амадейна с Лунарой.

— Праздник вышел изумительным, — сверкнула белозубой улыбкой старшая из демониц. — Уверена, его еще долго будут помнить. — Улыбка на мгновение уступила место холодной усмешке, выдавая всю гамму вложенных во фразу чувств.

— Искренне рад, что ночь вышла незабываемой. — Маорелий же держался очень спокойно. Так, будто и не заметил попытки ужалить.

Амадейна хмыкнула. Потом бросила взгляд на дочь — та держалась на почтительном расстоянии.

— Пошли, Лу. Еще раз благодарю за гостеприимство. — Развернувшись, Амадейна первой шагнула к portalу. Маорелий шел рядом, оставаясь в образе радушного хозяина.

Едва высшие повернулись к нам спиной, Лунара бросила мне скомканный шариком лист бумаги. Я ловко перехватила его в полете, сжала в кулаке и завела руку за спину.

— Луна? — позвала Амадейна, мельком глянув через плечо.

— Иду, — откликнулась она и поспешила к portalу.

Я же продолжала стоять со сдержанной полуулыбкой, сжимая в пальцах драгоценное послание.

ГЛАВА 3

Опустевший замок казался пугающим. Нет, в нем сновали слуги, слышались звуки приглушенных шагов и разговоров, но без Кеорсена я чувствовала себя потерянной и совершенно одинокой.

Ему пришлось уйти вместе со всеми. На этом настаивал Маорелий, да и сам Кеорсен признавал, что его длительное пребывание в замке может породить ненужные слухи. И без того поддержка со стороны двух сильнейших высших выглядит подозрительно. Не стоит усиливать настороженность двенадцати родов.

За праздничную ночь я несколько раз видела отца Кеорсена, но подойти так и не решилась. Сам он, в отличие от многих, интереса ко мне не проявил. Просто скользнул равнодушным взглядом и переключился на стоящего рядом с ним демона.

Думаю, высшему его уровня просто нет дела до какой-то полукровки из шестого. А вот ближайшие семьи, как и предполагал Кеорсен, заметно оживились. И больше всех — Лерден Вирсейр.

Именно о нем предупреждала Лунара. В ее записке были нацарапаны всего три слова: «Ближайшие ударят первыми». Именно Лерден — глава седьмого рода — по уровню силы стоит ближе других к Маорелию. Близко, но все же недостаточно, чтобы бросить вызов и сместить Рингвардадов по иерархической лестнице вниз. И этот факт явно не давал ему покоя.

За размышлениями я дошла до библиотеки, пробежалась пальцами по широким корешкам книг. Только хотела достать том, посвященный истории рода Рингвардадов, как меня окликнули:

— Махра Сатрея. — На пороге комнаты стояла Грамедая, перекинув через руку подбитый мехом плащ. — Ваш отец просил передать, что будет ждать вас у восточного выхода через пятнадцать минут. Позвольте указать дорогу?

Не понимая причин происходящего, я все же кивнула и приняла у камеристки плащ.

Мы спустились на первый этаж, миновали галерею и большой каминный зал, свернули в прилегающий коридор и очутились у восточного выхода. Едва мы вышли на улицу, Грамедая поклонилась и вернулась в замок. Я же осталась ждать появления Маорелия.

С неба падала снежная крошка. Налетающие порывы ветра кидали ее мне в лицо, и я спешно натянула капюшон, прячась от непогоды.

— Спасибо, что пришла так быстро, — раздался сбоку голос Маорелия.

Я повернулась, отогнула край темно-синей ткани и посмотрела на демона.

— Пойдем, — произнес он и первым зашагал в одном ему ведомом направлении. Я поспешила следом.

К счастью, далеко идти не пришлось. Спустя минут пять мы нырнули под крышу вытянутого приземистого строения. Запах сена, тихое фыркание, стояла, протянувшиеся друг за другом вдоль обеих стен, — конюшня замка Рингвардаадов выглядела чистой и очень ухоженной.

Пройдя почти в самый ее конец, мы остановились возле одного из денников. В нем, запертая деревянной дверцей, стояла лошадь. Высокая, крупная, светло-коричневая, с белоснежной гривой и темно-вишневыми глазами. Из бархатных ноздрей с шумом вырывался пар, мощные челюсти лениво чем-то хрустели.

— Ты знаешь, что это за порода? — Маорелий повернулся к животному. — Это грайсерский конь. Они по праву считаются лучшими, и обладать ими могут лишь высшие. Отныне ты одна из нас, Сати, и этот конь — мой тебе подарок.

Я с недоумением посмотрела на демона:

— Но ты же уже вручил мне подарок на праздник зимней ночи.

Маорелий улыбнулся:

— Бердер — подарок не на праздник. Это дар моей наследнице, новой демонице рода Рингвардаадов.

Я перевела взгляд на коня:

— Его так зовут? Бердер?

— Да. Но если захочешь, можешь выбрать ему другое имя.

Конь тихо фыркнул, будто предложение демона его позабавило. Потом тряхнул гривой, переступил стройными ногами. Я следила за его движениями, чувствуя смутное беспокойство. Оно разрасталось, слово туман, окутывало меня, ложась на плечи вторым плащом. А я все пыталась понять, что же именно меня так настораживает в подарке Маорелия.

— Почему сейчас? Почему не раньше? Не позже?

— Раньше не было времени, — спокойно отозвался высший. — А тянуть дальше я не видел смысла. У любого достойного наследника есть грайсерский конь. Таково негласное правило, показатель доверия рода. Зная, что у дочери Рингвардаадов нет обязательного атрибута, никто и не стал бы рассматривать ее кандидатуру.

— На что? — Я повернулась к Маорелию и встретила его

внимательный взгляд.

Туман беспокойства уплотнялся.

— На брачное соглашение, разумеется.

— Что? — изумленно выдохнула я.

— Тебе нужна защита, дорогая. Поддержка. И младший сын Лердена станет прекрасным выбором.

— О чем ты? Лерден Вирсейр, возможно, самый опасный для меня вышедший, а ты...

— Вот именно, Сати! — перебил меня Маорелий. — Но нам повезло. Торрел, его младший сын, магически слаб. Он никогда не смог бы претендовать на девиц высших родов. Даже восьмой и девятый дома с большой долей вероятности отвергли бы его предложение. Так что Лерден точно не упустит возможности породниться с нашей семьей. Этот брак обезопасит тебя от самого Лердена и от тех, кого он может на тебя натравить. Ведь Лерден до последнего будет лелеять надежду, что его внук возглавит род Рингвардаадов.

— Нет! — Я отступила на шаг, не сводя с Маорелия взгляда. — Ни за что!

Казалось, будто туман свернулся змеей и кольцами обвил мою грудь.

— Не глупи, Сатрея. Это упрочит твоё положение, обезопасит на многие десятилетия.

— Нет! — упрямо повторила я. — Зачем вообще было принимать меня в род, если сразу после этого ты хочешь отправить меня в другую?

Маорелий нахмурился:

— Отправить? Нет же, Сати, наоборот. Наследники никогда не покидают своего рода. Напротив, их супруги вступают в свою новую семью. Торрел станет Рингвардаадом.

— Я не хочу!

Невидимая змея скручивалась все сильнее. В груди закололо.

— Сатрея! — прикрикнул Маорелий. — Ты наследница первой ветви, но я — глава. Ты не посмеешь меня ослушаться. Я пытаюсь тебя защитить, глупая!

— Кеорсен меня защитит!

Он смерил меня тяжелым взглядом:

— Не защитит, Сати.

— Неправда! Все это время он только и делал, что оберегал меня!

— Может быть, — согласился Маорелий. — Но сколько продлится его помощь? И что ты будешь делать, когда ему надоест играть с тобой? Мы не ровня первому роду, и забывать об этом глупо. Только брак гарантирует

тебе пожизненную защиту со стороны супруга и его семьи. А Кеорсен, уж прости, дорогая, никогда на тебе не женится. Хотя бы потому, что давно обручен с Вериной Моргран.

Невидимая змея страха и отчаяния резко сжалась, смяла мои ребра и вспорола их осколками доверчивое сердце.

Я плохо помню, как вернулась в покои, как вообще нашла до них дорогу и что пыталась сказать мне Грамедея. Отослав ее, я заперла двери и опустилась прямо на пол. В душе царила пустота. Мыслей тоже не осталось. Казалось, будто вместо меня в комнате сидела лишь оболочка, не способная думать, чувствовать. Невидящим взглядом я скользила по ковру и моргала, пытаясь избавиться от режущей глаза сухости. Слез не было. Гнева, как ни странно, тоже. Только высасывающая душу апатия. Бесцветная и пустая.

Не знаю, сколько я так просидела. В себя пришла, когда комната погрузилась в полумрак. И то — от требовательного стука в дверь.

— Сатрея!

Непроизвольно мои руки взметнулись вверх, зарылись пальцами в волосы, зажали уши. Я не хочу слышать его голос. Только не его.

— Сатрея, открой немедленно! Иначе, клянусь Великим, я выломаю эту дверь!

Я не пошевелилась. Сжалась, подтягивая колени к груди, и уперлась в них лбом. Вздрыгнула от раздавшегося стука и сильнее прижала ладони к ушам.

— Когда на город опускается метель... И застилает белой пеленой... — тихо запела, стараясь своим голосом заглушить тот единственный, который одновременно хотела услышать и не желала слышать больше никогда.

— Сатрея!

Новый удар.

— В миру Двенадцати, где рабство для людей...

— Проклятье! Сатрея!

Еще удар.

— Откроется проход, но в сердце дверь закрой...

В следующий миг разделяющая нас преграда взорвалась, не выдержав натиска демонской силы. А затем меня грубо схватили за плечи и рывком вздернули на ноги.

— Какого низшего, Сатрея?! — прорычал Кеорсен, впиваясь в меня алым взглядом.

— Отпусти. — Я слабо дернулась.

— О нет, мышка, — протянул он, приближая свое лицо к моему. — Ты моя, не забыла? И я буду делать с тобой, что захочу.

Вновь ощутив себя игрушкой, я вспыхнула вмиг. Ушедшие было эмоции и чувства разом вернулись, подожгли меня и придали сил.

— Я не принадлежу тебе, демон, — выдохнула, прожигая его не менее взбешенным взглядом. — И никогда не стану твоей! Ни игрушкой, ни мышкой — никем!

— Что, — Кеорсен прищурился, — нашла себе нового покровителя?

— А даже если и так, что с того?

Его взгляд полыхнул с новой силой.

— Ты не сможешь быть ни с одним другим высшим! Ты — моя! И только моей ты останешься!

— Боюсь, твоя будущая жена не оценит подобного. Или, может, спросим у Верины лично?

— Кто рассказал тебе?

От низкого раскатистого голоса все внутри затрепетало. Только вот не от страха. Несмотря на принятое решение держаться от Кеорсена подальше, все во мне отзывалось на его слова и голос. Сама душа тянулась ему навстречу. И сознательно удерживать ее в клетке самоконтроля было невыносимо.

— Так кто? Маорелий?

— А тебя волнует только это? — Я горько усмехнулась и дернулась в новой попытке высвободиться. Не яростно, скорее устало. — Отпусти меня, высший.

— Никогда, Сати. И никому не отдам.

Руки демона сжимали меня сильно, но в то же время осторожно. Кеорсен будто чувствовал ту грань, за которой мог навредить мне, и, даже поглощенный яростью, не позволял себе ее переступить.

— Я больше не человек по вашим правилам. Теперь я не принадлежу тебе.

— Мне плевать на правила! — прорычал Кеорсен и попытался притянуть меня к себе, но я уперлась ладонями ему в грудь, не позволяя сократить расстояние между нами.

— А на мои желания тебе тоже плевать? — спросила тихо, заглядывая в алые глаза.

Даже такие, пугающе-красные, они нравились мне. Если бы только могла, я бы смотрела в любые. Его. Вечность и даже дольше. Если бы только могла...

— Отпусти меня, — выдохнула я и удивленно моргнула, когда демон

послушно выполнил мою просьбу. — А теперь уходи и никогда не возвращайся.

Лицо Кеорсена дернулось, а потом застыло пугающей маской.

— Уверена, что желаешь именно этого? — холодно произнес он. Даже голос его изменился.

Заставить себя ответить вслух я не смогла, поэтому кивнула.

Я не хочу, чтобы он улетал. Он нужен мне. Нужен! Но делить его с другой я не в силах.

— Как пожелаете, махра Рингвардаад, — процедил он. Потом развернулся и вышел, оставив меня кусать губы и трястись в беззвучном плаче.

Этой ночью я спала плохо. Просыпалась, подолгу смотрела в потолок и упорно гнала воспоминания прочь. Но они возвращались. Я думала о том, какие чувства Кеорсен рождает во мне с самого первого дня. Страх, гнев, ненависть, гордость, интерес, трепет... желание? Да, было и желание. Но теперь вместо яркого калейдоскопа эмоций осталось лишь одно — горечь.

Когда за окнами посерело от приближающегося рассвета, я поняла, что уже не усну. Встала, распахнула шторы и хмуро уставилась на черный силуэт леса.

Интересно, если бы я не рискнула покинуть дом моей матери, какой была бы моя жизнь? Узнала бы я о Верине? Или так навсегда и осталась бы тайным увлечением, скрытым от всего мира в лесной чаще? Глупые вопросы. Пустые. Но только я никак не могла выкинуть их из головы. Прокручивала снова и снова и увязала в фантазиях, обещающих счастье в обмен на ложь.

Устав от гнетущих мыслей, я ушла в ванную. Долго отмокала в теплой воде, потом вылезла, завернулась в длинный халат и возвратилась в спальню.

На туалетном столике, касаясь овального зеркала огромными бутонами, в высокой вазе стояли розы. Синие, как родовой цвет Рингвардаадов.

Что? Неужели Кеорсен решил извиниться таким способом?

В груди вспыхнул гнев. Причем не на демона — на букет. Словно символ открывшейся тайны, подтверждение ее правдивости, он злил меня. Быстрым шагом я пересекла комнату и выхватила из вазы цветы. Поддаваясь бушующим в груди эмоциям, с силой сжала длинные стебли. Ощутила, как острые шипы впились в ладонь, но не ослабила хватки. Сейчас даже эта боль была мне желанна.

Вгляделась в прекрасные цветы, а потом размашистым движением выкинула их в корзину. Не нужны мне подачки! Мне нужен Кеорсен! Весь! Без остатка!

От удара несколько бутонов оторвались и упали, роняя синие лепестки на ковер. Вместе с ними упала небольшая карточка. Подойдя, я подняла ее:

«Некоторым мечтам лучше оставаться мечтами, а некоторым людям — людьми. Надеюсь, ты насладились праздником. Рейшар»

Едва я дочитала, карточка вспыхнула, обжигая пальцы, и рассыпалась пеплом. Я собиралась стряхнуть его с ладоней, но замерла, с ужасом на них глядя. От кровоточащих уколов, оставшихся после шипов роз, по коже расползалась черная вязь. Змеясь, она тянулась от ладоней к запястьям и выше. Кожа под ней полыхала, болезненно пульсировала.

Во рту пересохло, язык шершавой щеткой прилип к небу. Зрение поплыло.

Что это? Яд? Но не мог же Рей...

Додумать я не успела. Мир резко закружился и — померк.

ГЛАВА 4

Сознание возвращалось с трудом. Едва ли не силой я выталкивала себя из вязкого марева небытия. Голову стянул невидимый обруч, в висках пульсировало. Я попыталась пошевелиться и застонала от взорвавшихся перед глазами слепящих вспышек.

— Все хорошо, — раздался рядом обеспокоенный голос Маорелия. — Если ты пришла в себя, значит, самое страшное позади.

— Махр, ей нужно это выпить. Станет легче.

— Спасибо, Хемильдеор... Сатрея, открой рот. Ну же.

Едва я совладала с онемевшими губами, на язык полилась горькая жидкость. Я закашлялась, попыталась вдохнуть и закашлялась еще сильнее. От судорожных движений фейерверк в голове взорвался с новой силой.

— Все, дорогая, все позади. Отдыхай.

Я хотела уточнить, что же случилось на самом деле, хотела узнать, прилетал ли Кеорсен, хотела попросить воды, чтобы перебить горький привкус на языке, но сознание вновь закружилось, и я провалилась в сон.

Во второй раз пробуждение далось легче. Голова все еще болела, но не сильно — скорее неприятно ныла. Даже вернулась ясность мыслей. Я смогла вспомнить заботу Маорелия, Хемильдеора... а потом и все, что случилось ранее. Воздуха резко перестало хватать, к горлу подступила тошнота. Ладони вспотели.

Ладони... ладони...

Медленно, контролируя каждый вдох и выдох, я заставила себя преодолеть страх и посмотреть на них. Кожа выглядела бледной, с едва заметными розовыми точками затянувшихся проколов, но без пугающих черных змей. Я с облегчением выдохнула. Потом огляделась.

Это точно моя спальня. Судя по льющемуся сквозь неплотно задернутые шторы свету, сейчас день. На ночном столике стоял бокал с водой. Я сглотнула. Смутная до этого жажда тут же заявила о себе. Язык шевельнулся, и я почувствовала желание ощутить прохладную жидкость. Но было страшно. Вдруг там тоже яд?

Взгляд зацепился за серебряный колокольчик позади бокала. Схватив его, я несколько раз потрянула рукой. И совсем скоро — не прошло и пары минут — в спальню вошла Грамедея, а затем и Маорелий с Хемильдеором.

— Что-то желаете, махра? — с поклоном уточнила камеристка.

— Воды, — выдохнула я. — Если можно, свежей.

Прежде чем успела ответить Грамедея, заговорил Хемильдеор:

— Она безопасна. Вам нечего бояться, махра, уверяю.

Маорелий согласно кивнул. Демоница же с готовностью кинулась к ночному столику и подала мне бокал, а едва я опустошила его, с поклоном покинула комнату.

— Что со мной произошло? — спросила я, как только мы остались втроем. — Это был... яд?

— К сожалению, — сдержанно отозвался Хемильдеор.

— Не просто яд, — вздохнул Маорелий, опускаясь на край кровати. — «Шепот прошлого» — самый опасный среди них. Его почти не обнаружить артефактами или считывающими заклятиями, а попав в тело жертвы, он растворяется в течение получаса. Не найди тебя Грамедея, не заметь она «вязь прошлого» на твоих ладонях, ты бы умерла. И никто бы не понял отчего. Это Кеорсен? — Взгляд синих глаз стал колючим, цепким.

— Что? Нет, конечно.

— Но он был у тебя. Вопреки моему пожеланию был.

Я нахмурилась. Маорелий пытался запретить Кеорсену со мной видеться?

— Это ведь он разнес дверь? Что между вами произошло? — допытывался Маорелий.

— Он... ничего, — поочередно ответила я на оба вопроса. И, поймав неодобрительный прищур, пояснила: — Не знаю, зачем он приходил, но я сказала, что не хочу его больше видеть. Он ушел. На этом все. Цветы... цветы уже стояли на туалетном столике, когда я вошла.

Ложь соскользнула с языка очень естественно. Словно ничего другого я и не могла ответить.

— Странно, — заметил Хемильдеор.

— Там была записка? Что-нибудь?

— Не... нет.

— Уверена?

— Я бы заметила. — Мои губы дрогнули в слабой улыбке.

Маорелий задумчиво нахмурился. Потом потряхнул головой, будто отгоняя непрошенные мысли, и поднялся.

— Ладно, дочка, ни о чем не волнуйся. Мы обязательно найдем того, кто это сделал. А пока отдыхай. Тебе чудом удалось выжить.

Я кивнула и проводила выших взглядом. Потом откинулась на подушки. В голове роились сотни мыслей.

Об этом ли пыталась предупредить меня Лунара? «Ближайшие ударят

первыми». Что, если речь не о Вирсейрах, а о Рейшаре?

Нет. Рейшар связан клятвой. Он бы не смог навредить мне.

Хотя...

В голове всплыли заветные слова, которые я вынудила демона произнести: «...клянусь всеми доступными мне способами защищать Сатрею... не использовать полученные от нее знания и не вредить никому под крышей этого дома...»

Получается, под крышей другого дома, например, замка Рингвардаадов — Рейшар мог напасть? К тому же «защищать» и «не вредить» — не одно и то же.

Неужели я все-таки ошиблась, доверившись ему?

Я предавалась тяжелым думам до самой ночи. Искала ответы на невысказанные вопросы и пыталась понять то, что, вероятно, понятным быть не может. Одно решила наверняка: не сдавать Рейшара до тех пор, пока не станет ясно, что за случившимся действительно стоит он.

Но как? Как мне разобраться в происходящем без помощи высших? Привлекать Маорелия и его верного Хемильдеора нельзя. Кеорсена — тем более. Тогда на кого рассчитывать?

На себя. Только на себя.

Решив так, я приподнялась на кровати, села, потом осторожно, прислушиваясь к себе, встала. Чуть покачиваясь, дошла до расписной ширмы и стянула с нее длинный шелковый халат. Надела его, завязала пояс чуть подрагивающими пальцами и, не обуваясь, босиком двинулась к выходу.

Я хотела вернуться в библиотеку. К той книге об истории рода Рингвардаадов, что заинтересовала меня еще в прошлый раз. Именно в ней я надеялась отыскать ответ на вопрос: могут у Рейшара быть другие причины вредить мне? Не полукровке, выросшей в библиотеке, а наследнице Рингвардаадов.

Возможно, спешить не следует. Позволить себе отлежаться и набраться сил больше похоже на правильное решение. Но я опасалась, что времени почти не осталось. Отравленные цветы оказались в моей спальне, попав туда в обход защиты замка и пригляда слуг. И это значит лишь одно: если мой недруг захочет добраться до меня вновь, он сможет это сделать. А потому медлить нельзя.

Поздний час сыграл мне на руку. В коридорах оказалось пусто. Приглушенный свет ламп тянулся тусклой дорожкой по серому камню пола. Очертания стен скрадывались.

За ближайшим поворотом я остановилась перевести дух. Устало прислонилась к широкому дверному косяку и выдохнула. Стопы давно замерзли от тянущего понизу холода, но возвращаться за домашними туфлями я не хотела. Да и, по правде сказать, опасалась, что, вернись я в покои, обратно уже не выйду. Тело ощутимо подрагивало, руки и ноги вновь налились свинцом. И только врожденное упрямство не позволяло мне отступить от задуманного.

— А я говорю, найди причину! — раздался недовольный голос Маорелия.

На секунду я испуганно замерла, пытаюсь понять, откуда идет звук. Потом осторожно придвинулась к неплотно прикрытой двери и заглянула в щелку.

Комната походила на кабинет. Темные, но вместе с тем теплые оттенки кожи и дерева. Камин с потрескивающими от огня поленьями, виднеющийся край стола и угол дивана с каретной стяжкой. Звон соприкасающихся бокалов и звук льющейся жидкости.

— Она Артенсейр, — возразил низкий голос, в котором я узнала Хемильдеора.

— Плевать. — Снова звук приглушенных всплесков, потом шумных глотков и глухой удар, видимо, Маорелий опустил бокал на стол. — Я должен обеспечить безопасность своей дочери, и я это сделаю! И ради своего же блага ей лучше держаться подальше от Артенсейров!

— До сих пор они не вредили ей, — мягко возразил Хемильдеор.

— И за это я выслал им двенадцать картилий сапфиров!

Кто-то из сидящих в кабинете хмыкнул.

— Разве это не дерзость — слать камни своего рода вместо положенных Артенсейрам бриллиантов?

— Совсем меня разорить хочешь, Хеми? Ты не хуже меня знаешь, в каком мы сейчас положении. Даже десять картилий было для нас на грани возможного. Я же отправил двенадцать — по числу родов. Теперь Кеорсену не в чем нас упрекнуть. За доброе отношение к рабыне, — подчеркнул Маорелий, — я заплатил достаточно. А к моей наследнице я его не подпущу. По крайней мере, до заключения брака между Сати и Торрелом.

— А потом?

— А потом это будут проблемы Торрела, не мои, — шумно фыркнул он и, судя по звукам, наполнил бокал новой порцией алкоголя.

В том, что сидящие в кабинете высшие пьют не чай, я даже не сомневалась.

— Вы все же уверены, что стоит отдавать вашу дочь за младшего

отпрыска Вирсейра? Он слаб, малодушен и, говорят, охоч до женщин. Причем без особого разбору. — В голосе Хемильдеора отчетливо прозвучала брезгливость.

— Если Лерден бросит мне вызов, это подорвет положение нашего рода. Я не готов рисковать, Хеми. Брак Сати с Торрелом обезопасит нашу семью от угрозы нижестоящих родов. Защита и о собственном, и о нашем положении ляжет на плечи Лердена. А сам он при этом не посмеет бросить мне вызов. Но, кроме того, — Маорелий замолчал, по-видимому, делая глоток, — в интересах Лердена станет оберегать Сати.

— Он никогда не примет ее.

— И что? Главное, он не попытается ее убить. После того как Торрел войдет в наш род, у Лердена появится надежда на внука своих кровей, который мог бы возглавить Рингвардаадов.

— А если такой внук действительно появится?

— Не появится, — насмешливо хмыкнул Маорелий. — Организовать это несложно.

— То есть главная ветвь рода Рингвардаадов прервется?

— Нет. — Жесткий ответ раздался раньше, чем прозвучал последний вопрос. — Если все пойдет, как задумано, Сатрея скоро перестанет быть моим единственным ребенком.

— Нет гарантий, что ваша новая пассия сможет понести, махр, — деликатно заметил Хемильдеор. — Сколько раз вы уже мысленно готовились к рождению чистокровного наследника?

— Не напоминай, — рыкнул Рингвардаад. — В любом случае, если все же станет понятно, что Великий решил одарить меня лишь одним ребенком, я позволю Сатрее родить.

— От Торрела?

— Хм. — В щель приоткрытой двери я все же смогла углядеть Маорелия. Тот казался задумчивым. — Не уверен.

— В таком случае почему бы не разрешить ей забеременеть от Кеорсена?

— Брось, Хеми! Артенсейр никогда не откажется от своего ребенка.

— Даже от полукровки? — изумился демон.

— О, боюсь, наш знакомый Кеорсен слишком принципиален и дерзок, чтобы обращать внимание на такие мелочи, — презрительно выплюнул он. — Ему бы хватило смелости признать ребенка полукровки наследником первого рода, поставить его над всеми высшими.

— Немыслимо!

— А Кеорсен смог бы. Он слишком силен... Проклятье!

— Так почему бы не разрешить Сатрее и дальше бывать в его обществе?

— Потому что мне нужно обезопасить ее, — устало вздохнул Маорелий. — Даже если я стану поощрять этот интерес, сколько потребуется времени, чтобы их союз принес плоды? А если Великий отвернется от них? Что, если Сати убьют раньше? Нет. Только брак с Торрелом защитит и ее, и весь наш род на многие десятилетия. А потому... не смей подпускать к ней Артенсейров.

— Но демоница упряма. Она уже трижды порывалась встретиться с Сатреей и...

— Я сказал, не подпускать к ней Артенсейров! — рявкнул Маорелий и тут же внезапно замолчал.

— В чем дело? — раздался в тишине напряженный голос Хемильдеора.

— Она снова открывает портал в принимающий холл.

— Я остановлю ее, махр. Не переживайте. Сатрея ни о чем не узнает.

О нет, демон. Теперь так просто ты не оставишь меня в неведении.

Развернувшись, я, как могла, поспешила к порталному залу.

ГЛАВА 5

Свои силы я переоценила. Это стало понятно спустя всего два поворота. Колени предательски подкашивались, голова кружилась, а перед глазами плясали черные точки.

Проклятье! В таком состоянии я точно не доберусь до порталного зала раньше Хемильдеора. Но что же делать?

— Махра? — раздался сбоку обеспокоенный голос. — Вы в порядке?

Идеально!

— Грамедея, — я собрала остатки сил и повернулась к демонице, — ты ведь моя камеристка?

— Да, — хмурясь, кивнула она.

— И обязана выполнять мои приказы?

— Конечно, махра.

— Отлично! Тогда немедленно открой переход в порталный зал этого замка.

Главное, держаться стены. Если опереться на нее спиной, можно притвориться, что я стою в очень расслабленной позе, а не держусь из последних сил.

— Вы уверены? Махра, поймите, в вашем состоянии переходы порталами не рекомендованы. Особенно нашими... — добавила она тише.

Я прекрасно помнила все прелести их переходов, однако упрямо вздернула подбородок и произнесла:

— Просто сделай, что я прошу.

Грамедея медлила. Она явно видела и мое слабое состояние, и железную решимость. Ее сомнения слишком отчетливо проступили на лице. И, поняв, что еще секунда, и демоница откажется помогать, я прикрикнула:

— Открой уже проклятый портал!

Черная бровь камеристки произвольно взметнулась, но сама Грамедея поклонилась и принялась делать пассы руками.

Отлично! Осталось продержаться самую малость. Совсем чуть-чуть. Я обязана справиться.

Когда у ног демоницы за клубился черный туман, я сглотнула. Догадывалась, что переход мне не понравится, но не позволила себе замешкаться и силой втолкнула свое тело в темный зев портала.

Вывалилась я в порталном зале. Больно ударились ладонями о

мраморный пол, отбила правое бедро, но молча стиснула зубы и посмотрела вверх.

— Привет, Лу. — Я силой заставила собственные губы растянуться в улыбке.

Сейчас, называя демоницу сокращенным именем, я поступала дерзко. Возможно, даже слишком. Но только я не могла позволить Хемильдеору, стоявшему рядом с Лунарой и, судя по выражению лица, искавшему причину спровадить ее, завершить начатое.

— Махра Сатрея! — удивленно воскликнул он. — Что вы здесь делаете?

— Встречаю подругу. — Я пожала свободным плечом. На второе приходилась нагрузка едва ли не всего тела. — Мы договаривались, — добавила я лениво.

— Э... разве?

— Лу? — Я перевела удивленный взгляд на демоницу и поймала очень лукавый прищур. — Ты что же, не сказала, что я тебя жду?

— Непременно сказала бы, — хмыкнула она. — Если бы меня об этом спросили.

— Уверена, это просто недопонимание, — улыбнулась я. — А теперь, будь добра, перенеси нас в мои покои. Там и поболтаем.

— Только, надеюсь, не лежачая. — Лунара одарила меня выразительным взглядом. На секунду мне показалось, что она едва сдерживает смех.

— Позвольте, я это сделаю, — пришел в себя Хемильдеор. — Только сначала помогу вам встать.

— Это лишнее, — оборвала я. — Портала в гостиную моих покоев будет достаточно.

Демон неодобрительно нахмурился. Но, помедлив, начал открывать столь желанный портал. Точнее, оказаться в очередном портале было последним из моих желаний. Желудок давно завис где-то у горла, от усиливающейся тошноты мелко потряхивало, но я понимала: сдамся сейчас — и проиграю все, еще даже не начатые битвы.

Перенос в покои мне не понравился. Это если выражаться крайне мягко.

Моей выдержки хватило лишь на то, чтобы не уронить достоинства при Хемильдеоре. Сохранить лицо при Лунаре уже не получилось. Едва за Хемильдеором закрылась дверь, я убежала в ванную. Там меня скрутило. Что удивительно, Лунара не стала дожидаться моего возвращения в гостиную, а направилась следом. Ее не смутил ни мой вид, ни звуки, которые я издавала. Она помогла пережить дурноту, потом умыться и

вернуться в спальню.

— Ну что, подружка, — хмыкнула она, когда я наконец утонула в мягких подушках кровати, — готова поболтать?

Я кивнула, однако начинать разговор не спешила, уступая это право Лунаре. Та тоже не торопилась. Прищурившись, она внимательно всматривалась в мое лицо, прошла взглядом по кистям рук, замерла на мгновение, заметив бледные следы уколов, оставшихся от шипов. Потом посмотрела мне в глаза.

— Уже началось? — спросила она серьезно.

Я снова кивнула.

— Яд?

— «Шепот прошлого», как мне сказали.

Лунара тихо выругалась.

— Теперь понятно, почему меня не пускали. Три дня, как последняя низшая, я едва ли не выпрашивала разрешение на встречу. Я, Артенсейр! У Рингвардаадов! Великий, мне казалось, такое вообще немыслимо!

— Подожди, — остановила я распалющуюся демоницу. — Три дня?

— Сегодня шестой вечер нового солнца. — Во взгляде серебристых глаз на мгновение промелькнула тень сочувствия. — Как долго ты пробыла без сознания, я не представляю. Но это четвертый день, как я пытаюсь с тобой встретиться. Если бы и сегодня ничего не получилось, я вряд ли попробовала бы еще раз. Гордость Артенсейров — не пустой звук. Я и так пренебрегла ей, возвращаясь сюда снова и снова.

— Ради чего?

— Хотела убедиться, что ты жива, — пожала она плечами.

— Зачем тебе это? Записка с предостережением, попытки встретиться... почему ты мне помогаешь? В прошлый раз ты дала мне убежать в благодарность за спасение Кеорсена. Жизнь за жизнь. Но теперь у тебя нет причин помогать мне.

— Может, мне просто любопытно.

Я дернулась как от удара, инстинктивно отодвинулась. Лунара нахмурилась.

— Кто говорил так? — требовательно спросила она.

— Рейшар, — выдохнула я.

Взгляд серебряных глаз метнулся к моим ладоням.

— Думаешь, он?

— А разве не об этом ты меня предупреждала? Ближайшие ударят первыми.

— Я не знала, что Рейшар стал для тебя ближайшим. — Лунара

скривилась. — Нет, Сати, ближайšie — это Рингвардаады. Кто-то из твоего же рода желает тебе смерти.

Я не сразу нашлась с ответом. Мысли разлетелись в разные стороны, точно растревоженная стайка воробьев. Потребовалось минуты две, прежде чем я смогла ухватиться за одну из них.

— Почему ты так решила?

— Слышала. На празднике.

Я нахмурилась, недовольная сухостью ответов, и Лунара пояснила:

— Ближе к рассвету мне стало скучно. Нет, прием вышел отличный, не подумай. Просто мне в принципе такие мероприятия не особо нравятся. Я тогда забралась в одно из кресел в самой дальней нише, думала просто переждать некоторое время. А потом услышала даже не разговор — так, обрывки фраз. Голоса звучали слишком тихо, да и шум вечера сильно отвлекал. Я мало разобрала. Но фразу «наш род не должен быть опозорен полукровкой» услышала отчетливо.

— Это ведь еще ничего не значит, — попробовала возразить я, но замолчала, наткнувшись на очень насмешливый взгляд.

— Сати, Сати, ты по-прежнему плохо понимаешь наши порядки. То, что сделал твой отец, — плевок в лицо большинству высших. Поставить дочь рабыни на одну ступень с нами... — Лунара неодобрительно поджала губы, но тут же поспешила добавить: — Меня это не волнует. Ну, не сильно волнует, — исправилась она. — Но для остальных признанная получеловечка, да еще и наследница шестого рода — это пятно на истории нашего вида. Пятно, которое нужно вывести, понимаешь? Да, Маорелий признал тебя дочерью, но даже для демонов его рода это стало ударом. Они не смеют идти против его воли, но против тебя лично пойдут не задумываясь.

— Кеорсен знает об этом?

— Нет. — Луна качнула головой. — И о том, что я здесь, тоже. Ни он, ни Ли.

— Почему?

— Ли до сих пор бесится, что ей пришлось признать тебя одной из первых. А Кеорсен в последние дни... странный. Он редко появляется в замке, а когда бывает, рычит на всех. Слуги и рабы трясутся и едва ли не заикаются. Да чего уж, — демоница поморщилась, — даже мы с Ли стараемся лишний раз не попадаться Кеорсену на глаза. Если он узнает, что на тебя покушались...

— Не говори ему, — перебила я, хватая ее за руку.

Лунара смерила меня внимательным взглядом.

— Что-то произошло? Это из-за тебя кузен злится?

— Нет. Точнее... не знаю, — добавила неуверенно. — Я просто попросила его оставить меня.

— То-о-очно. Ты ведь теперь одна из нас, а значит, не принадлежишь больше Кеорсену. Отдавать игрушки мы ненавидим, а уж когда их у нас отнимают...

— Я не игрушка, — возразила спокойно. — Да, была ей когда-то, но уже давно не она.

— Знаю, — на удивление быстро согласилась Лунара. — Просто мне нравится смотреть, как ты кривишься всякий раз, стоит назвать тебя игрушкой.

— Издеваешься?

— Если только самую малость, — лукаво призналась она.

Странно, но откровение не вызвало во мне негодования. Наоборот, мои губы вдруг сами растянулись в ответной улыбке.

— Хорошо, — кивнула демоница, — я не скажу кузену о покушении. И о том, что я с тобой виделась.

— А взамен?

— А взамен-э-эн... я хочу грайсерского коня! — выдала она, ничуть не стесняясь. — Маорелий ведь как раз подарил тебе одного, верно?

Я задумалась. Имела ли я право поступить так с подарком Маорелия? Не разозлится ли он? В памяти всплыл наш разговор на конюшне, а потом еще один — тот, что я подслушала совсем недавно. В груди закипел гнев.

Пусть даже Маорелий и заботится о моей безопасности, я не собираюсь послушно идти у него на поводу. Мне не нравится выбранная им для меня судьба. И если, как он говорил, грайсерский конь — обязательный атрибут для наследницы рода, без которого ни одна семья не станет рассматривать ее в качестве возможной невесты, то...

— Я согласна, — произнесла твердо. — Но конь, насколько я знаю, дорогой. Одного молчания за него мало.

Лунара усмехнулась:

— И чего же хочешь взамен ты?

— Помоги мне встретиться с Рейшаром.

Грифельно-серые брови взметнулись в изумлении.

— Не боишься? А что, если это действительно он организовал на тебя покушение?

— Я не хочу теряться в догадках. Мне нужна правда. Любая, даже самая неприглядная.

Мы с Лунарой проговорили едва ли не до ночи. Продумывали, как и где она может незаметно встретиться с Рейшаром. Выбираться незамеченной в замок Рингвардаадов стоило ей немалых усилий, о том, чтобы проделать то же самое с замком Моргранов, речи не шло.

Брать с нее клятву о молчании я не стала. Во-первых, мне казалось, стоящий на кону грайсерский конь — хорошая причина соблюдать наше соглашение. А во-вторых, с недавних пор я разочаровалась в клятвах. При желании лазейки можно найти почти в каждой из них.

Перед сном, уже после того, как Лунара улетела, ко мне в спальню зашел Маорелий. Поначалу пытался убедить прекратить любое общение с Артенсейрами. А потом, поняв, что я не отступлю, огорошил новостью. Через неделю в замок придут Вирсейры. Мои попытки отказаться или увильнуть от встречи с возможным женихом Маорелий пресекал на корню.

— Ты не можешь заставить меня выйти замуж! Не сейчас! — Я едва не плакала от бессилия. Знала, как глава рода, Маорелий вправе решить этот вопрос за меня.

— Именно сейчас, Сатрея, — отрезал он. — Я уже все решил. Эта встреча даст вам с Торрелом шанс познакомиться. А по ее окончании Лерден и я подпишем соглашение. Твоя судьба решена, Сатрея. Прими ее и смирись.

— Ни за что! — выдохнула я, упрямо встречая хмурый взгляд синих глаз.

Какие бы цели ни преследовал Маорелий, я не стану ему подыгрывать. И если у меня осталась неделя, я воспользуюсь каждым днем, чтобы найти способ избежать навязываемой участи.

ГЛАВА 6

Маорелий ушел, так и не получив от меня согласия. Я же осталась лежать, злясь на него и на собственную слабость. Пожалуй, никогда прежде я не ощущала себя игрушкой настолько, насколько теперь, став наследницей рода. Мои просьбы и желания игнорировались, мной распоряжались по своему усмотрению, и осознание этого заставляло все во мне кипеть от негодования.

Проведя двадцать три года в добровольном заточении в библиотеке, выжив в замке Артенсейров, сумев избежать ловушки Совета и пробудив собственную демоническую половину, я все равно в итоге оказалась взаперти. Свобода, которой я так грезила и которую, как мне казалось, получила, не продлилась долго.

Утром я проснулась рано, едва рассвело. Осторожно, прислушиваясь к себе, сначала села, а потом и встала. В теле по-прежнему ощущалась слабость, но уже не такая сильная, как накануне. Я смогла сама дойти до ванной, умыться, одеться и заплести волосы в свободную косу.

Ступая почти неслышно, я покинула покои и двинулась в библиотеку. К той самой книге об истории семьи Рингвардаадов. Однако теперь меня интересовали не только связи родов Рингвардаадов и Моргранов, но и все члены основной и побочных ветвей семьи, наследницей которой я стала. Нужно попытаться понять, кому из них больше всего помешало мое появление.

По дороге мне встретились лишь четверо рабов. При виде меня они почтительно кланялись и бросали любопытные взгляды исподлобья. Интересно, кто я для них? Человек? Демон? Завидуют ли они мне, как в свое время Двадцать-шестая? Ждут ли чего-то? Надеются? Я не знаю. Но под их взглядами делалось неуютно. Пока мне нечего ответить, реши они задать один из сотни возможных вопросов. Однако когда-нибудь, надеюсь, я смогу это сделать.

В библиотеке было тихо. Стоило переступить порог, как по всему помещению зажглись магические светильники и разогнали серость утра.

Я замерла. Закрала глаза, принялась. В комнате пахло деревом, кожей и бумагой. Такие родные, но почти забытые запахи. В водовороте новой жизни обрывки старой тонули. И сейчас возвратиться к началу пути, хоть на миг перестать переживать о будущем и отдаться во власть воспоминаний оказалось упоительно сладко. Словно тень прошлого встала

у меня за спиной и мягко, по-родительски, приобняла за плечи.

Нужный том нашелся без проблем. Вытащив его с полки и с ногами забравшись в кресло, я перевернула первую страницу.

Чем дольше я вчитывалась, тем больше боялась запутаться в именах, родственных связях и положениях. В конце концов, я переместилась вглубь помещения, где стоял массивный секретер из темного дерева. Достала чистые листы, писчие принадлежности и села выводить схему рода. Получалось неплохо.

У шестой семьи высших оказалось три ветви: основная и две побочные. Их главы — Маорелий Рингвардаад, Хемильдеор Тейдор-Рингвардаад и Шимран Арви-Рингвардаад. Наличие присоединительных имен подчеркивало, что последние двое высших не относятся к главной ветви рода.

Отложив книгу, я встала и вновь подошла к полкам. Пробежалась пальцами по внушительным корешкам, вытащила с полки тяжелый том и вернулась за стол.

Мы с Кеорсеном изучали принципы наследования в роду только на примере моего случая. Все-таки время на подготовку было ограничено, охватить сразу весь объем информации мы не успевали.

Пролистав с десяток плотных желтоватых страниц, я открыла раздел «Наследники второй очереди побочных ветвей рода». И, сверяясь с нарисованной схемой семьи Рингвардаадов, углубилась в чтение.

Спустя минут сорок я сидела и гипнотизировала внесенные в схему дополнения. Вырисовывающаяся картина мне не нравилась. Если допустить, что меня убьют, а у Маорелия больше не появится детей, то после его смерти власть перейдет к одному из отпрысков Арви-Рингвардаад. У Хемильдеора всего семь лет назад родилась дочь, а поскольку первенство в вопросах наследования отдается мужчинам, старший сын Шимрана с большой долей вероятности избавится от присоединительного имени и возглавит шестой дом.

Получается, именно Шимрану выгодно мое устранение. Но если так, почему он не попытался найти способ избавиться от Маорелия раньше? Ведь о наличии у него ребенка никто не догадывался. Боялся вызвать подозрения? Но разве ситуация в этом вопросе изменилась? Убийство наследницы породит еще больше вопросов. Или Шимран надеется, что остальные семьи воспримут смерть полукровки благосклонно?

Голова пухла от вопросов, в висках противно пульсировало. Отложив исписанные листы, я устало потерла переносицу.

Прав был Кеорсен: к играм такого уровня я не готова.

В памяти всплыли наши занятия в гостиной лесного домика, в ушах зазвучал голос высшего. Я скучала по нему. За последние недели видеть его рядом стало настолько естественно, что даже несколько дней в разлуке казались невыносимо долгими. А от мысли, что отныне мы будем видеться только на торжественных приемах, в груди начинало болезненно ныть. Точнее, не просто ныть — меня будто ломало изнутри, выворачивало наизнанку. И только Кеорсен мог собрать меня воедино.

Душевная боль выматывала сильнее любой физической. Я хотела снова ощутить дыхание Кеорсена на своей коже, его губы на моих, его сильные руки и крепкие объятия. Я нуждалась в нем так сильно, что иногда перед глазами темнело, а воздуха переставало хватать. И столь сильные чувства пугали.

Разозлившись на себя, я вскочила со стула, покачнулась от навалившейся слабости, но устояла. Несколько раз глубоко вздохнула и бросила еще один взгляд на изрисованные схемой листы. Надо возвращаться к себе, пока ноги меня еще держат. К тому же обдумать уже собранную информацию можно и лежа в кровати.

Решив так, я расставила книги по местам, забрала свои записи и осторожно, держась ближе к стенам, чтобы в случае необходимости успеть за них ухватиться, пошла обратно.

На удивление, в этот раз в коридорах мне никто не встретился. Замок будто вымер. Странно. До завтрака ведь осталось часа два, не больше. Так почему же не видно слуг? Может, здешние обитатели придерживаются иного графика, отличного от того, что принят в замке Артенсейров?

Воспоминания о доме Кеорсена, об открывающемся на него виде сверху и о моем первом поцелуе нахлынули внезапно. Я даже остановилась, чувствуя, как запылали щеки.

— Ты непоследовательна, — неодобрительно заметила вслух. — Сначала прогоняешь, а потом готова на стенку лезть от желания увидеть. Где же твоя гордость, мышка?

И хоть последнюю фразу произнесла я сама, в ушах все равно прозвучал голос Кеорсена.

— Безумие какое-то, — выдохнула я и, тряхнув головой, продолжила путь.

До покоев я добралась минут через десять. Заперла дверь, поставленную, по-видимому, пока я была без сознания. Не знаю уж, как демоны это провернули, но никакого шума я не слышала. Хотя, возможно, когда балансируешь на грани жизни и смерти, некоторые чувства притупляются.

Продолжая бороться с усиливающейся слабостью, я медленно прошла в спальню. Хотелось поскорее скинуть туфли, забраться на кровать и закутаться в мягкое покрывало. Но все мысли и желания выветрились из головы, едва я переступила порог комнаты. На туалетном столике в большой расписной вазе стояли синие розы. Сладкий аромат повис в воздухе тяжелым шлейфом. С каждым ударом сердца он опутывал меня все сильнее, забивался в нос и в горло. Разливался по языку медовым привкусом.

Нет!

Я шарахнулась в сторону, врезалась плечом в дверной косяк, испуганно сжалась и замерла, услышав громкий хруст. Взгляд метнулся вниз — к смятым листам у меня в руке.

Точно. Сейчас не время предаваться панике.

Маорелию в полной мере я не доверяю. Да, он беспокоится о моей безопасности, но, боюсь, выбранные им методы не нашли у меня понимания. Хемильдеор отрицательных эмоций не вызывал, но рисковать я не стану. А Шимран... о нем стоит подумать отдельно. Только сначала — спрятать листы.

Но куда? Под подушку? Глупость. Первая же служанка, меняющая простыни, обнаружит мои записи. В комод? В гардеробную? Нет, все не то. Вариант с выдвижным ящиком туалетного столика я не рассматривала. Сейчас ничто не заставит меня приблизиться к пугающему букету. Так где же можно устроить тайник?

Времени на раздумья не оставалось. В любой момент в спальню может войти Грамедыя, желая разбудить меня к завтраку. Да и страх перед оставленным «подарком» подстегивал действовать быстрее, не думая, не теряя ни секунды.

Обойдя кровать, я аккуратно опустилась на четвереньки и заглянула под днище. Оно состояло из множества реек, протянувшихся от боковины к боковине. Закусив губу, я бросила беглый взгляд на дверь и просунула сложенные листы под ближайшую к стене рейку. Причем постаралась расположить их возле ее края так, чтобы укрыть мой секрет от любопытных глаз.

Потом выпрямилась, отряхнула платье, чуть растрепала волосы и позвонила в серебряный колокольчик.

Грамедыя прибежала быстро. Даже удивительно. Интересно, где она находилась, что услышала звон? Если неподалеку, то почему я ее не видела? Надо будет как-нибудь выяснить.

— Махра? Вы звали? В чем... — Проследив за моим взглядом,

демоница увидела букет и замолчала на полуслове. — Махра, прошу, пройдемте в гостиную. А я, с вашего позволения, вызову махров Маорелия и Хемильдеора.

Я кивнула. Послушно дошла до бежевого диванчика на резных ножках, села и, взяв одну из декоративных подушек, обняла ее. Маленькая фиолетовая думка будто отгораживала меня от мира, запирала в безопасности между собой и спинкой дивана. И мне нравилось это чувство.

Не прошло пяти минут, как посреди комнаты открылся туманный зев портала.

— Дорогая, ты в порядке? — Маорелий в три быстрых шага пересек разделяющее нас расстояние и опустился рядом.

Хемильдеор тем временем уверенно двинулся в спальню, достав из кармана какой-то предмет на длинной золотой цепочке. Рассмотреть его я не успела.

— В порядке, — отозвалась, поворачиваясь к хозяину замка. — Испугалась только.

— Мы во всем разберемся, вот увидишь, — горячо заверил Маорелий. Я же подобной уверенности не разделяла.

— Как цветы попадают сюда? — спросила, хмурясь. — Неужели нет никакой защиты?

Маорелий смерил меня осуждающим взглядом:

— Напротив, перед твоим появлением я усилил охрану замка. Постепенно, чтобы не привлекать лишнего внимания, нарастил защитные заклинания, нанял новых слуг, цель которых — следить за уже работающими здесь темными. Вся еда, что тебе приносят, проходит несколько проверок на яды. На территории замка развешаны сигнальные заклятия, предупреждающие о любом подозрительном действии. Не стоит думать, будто я не пытаюсь защитить тебя, Сати. — Маорелий вздохнул. — И меня тоже пугает, что кому-то удалось совершить покушение.

— Чисто. — В гостиную вернулся Хемильдеор. — Цветы не отравлены. Это просто розы.

— А вдруг яд успел выветриться? Вы же говорили, его трудно обнаружить. А если... — начала беспокойно перечислять я, но высший отрицательно качнул головой:

— Нет, махра. На «шепот прошлого» я проверил отдельно. Если бы на цветах был хоть малейший след, мы бы узнали. Это действительно просто букет.

— Не просто, — возразил Маорелий. — Это угроза. Возможно, обещание довести начатое до конца. Мы должны усилить безопасность

Сатреи. Тянуть нельзя. Я попробую договориться с Лерденом и перенести их визит на ближайшие дни.

— Что? Нет! — возмутилась я.

— Прости, дорогая, но рисковать я не намерен. После заключения брачного соглашения род Вирсейров будет заинтересован в твоей безопасности не меньше нашего. Возможно, вместе у нас получится быстрее выяснить, кто стоит за всем этим.

От накатившей паники меня затошнило. Время не просто утекало, его у меня сознательно отнимали. Лишали столь заветных дней. А я толком ничего не успела выяснить. Проклятая слабость!

— Думаю, тебе лучше провести день в постели, — продолжил Маорелий, по-видимому, приняв мою молчаливую оторопь за согласие. — К появлению Вирсейров, надеюсь, все последствия отравления пройдут. Я дам знать, когда мы с Лерденом оговорим новую дату. А ты пока отдыхай и набирайся сил, дорогая. И ни о чем не переживай.

Я проводила уходящих демонов мрачным взглядом. Потом съела принесенный Грамедеей завтрак, все-таки силы мне действительно понадобятся, в этом Маорелий прав, и с помощью демоницы переместилась в спальню. После чего попросила не беспокоить меня, уверив, что собираюсь вздремнуть.

Без лишних вопросов Грамедее откланялась. Я же достала сложенные листы со схемой рода и снова погрузилась в их изучение.

Во время завтрака я продолжала думать над полученной информацией, пыталась понять, кому больше остальных была бы выгодна моя смерть. А что, если все проще? Вдруг дело вовсе не в наследовании? Может, действительно для кого-то из рода я — пятно позора, от которого надо избавиться? Без личной выгоды.

Но тогда список желающих моей смерти растягивается от Шимрана и его сыновей до восемнадцати высших, если считать всех членов рода, кроме Маорелия и Хемильдеора. Последний, насколько я поняла, слишком предан Маорелию, чтобы покуситься на его дочь. А вот остальные... Надо понять, кто из них ценит род, но при этом не испытывает пиетета перед главой дома.

ГЛАВА 7

Пришлось провести весь день в постели, несмотря на горящую в сердце жажду действий. Проклятая слабость не желала отступать. Более того — после обеда она навалилась с новой силой. Мысли были какими-то смутными, я с трудом могла заставить себя сосредоточиться хоть на чем-нибудь.

Листы со схемой пришлось вернуть обратно под кровать. Я боялась, что могу уснуть и не убрать их хотя бы под подушку. И тогда Грамедея или Маорелий узнают о моих поисках.

Маорелий...

Интересно, можно ли ему довериться и рассказать о подозрениях? Но как объяснить их, не выдав Лунару? Подставлять маленькую демоницу не хотелось. Рассказывать о нашем с ней соглашении — тем более. Так как же быть? Вряд ли кто-то знает обо всем, что творится внутри семьи, лучше главы рода. Хотя...

Я закусила губу.

А если поговорить с Хемильдеором? Он ведь всегда рядом с Маорелием, помогает ему во всех делах. Наверняка осведомлен не хуже. Мысль казалась разумной, однако что-то останавливало меня. Внутренний голос, почему-то звучащий с интонациями Кеорсена, отговаривал от поспешных действий.

На следующий день слабость все-таки отступила. Я с удовольствием приняла ванну, оделась и неспешно, наслаждаясь твердостью собственной походки, спустилась к завтраку в столовую. Хемильдеора не было. Он, как пояснил Маорелий, всегда завтракает с семьей.

Как только слуги наполнили наши чашки крепким пряным чаем и вышли, Маорелий заговорил:

— Пришел ответ от Лердена.

Моя рука с зажатой в ней вилкой замерла над фаршированными блинчиками.

— Три дня назад Торрел улетел к границе их западных владений — в Лайганейские горы.

Я облегченно выдохнула и только собиралась вернуться к еде, как последовало продолжение.

— Лерден обещал, что отправит Торрела к нам сразу же, как тот вернется. А сам Лерден выразил желание устроить в своем замке вечер в

честь вашей помолвки. Приготовления он берет на себя.

Я хмуро посмотрела в синие глаза высшего. Для него ведь все складывается как нельзя лучше. Даже расходы на подготовку приема берут на себя Вирсейры. А это, если вспомнить подслушанный разговор, в интересах Маорелия, учитывая его финансовое положение. Неужели...

— Скажи, что ты меня не продал, — произнесла я, не сводя пристального взгляда с демона. — Поклянись, что не воспользовался ситуацией, чтобы исправить материальное положение рода.

— Сати, не глупи...

— Поклянись! — потребовала я, сильнее сжимая пальцами вилку.

С ответом Маорелий не спешил. Не разрывая зрительного контакта, он молчал, будто проверяя мою выдержку. Когда начало казаться, что еще немного, и воздух между нами заискрит от еле сдерживаемого напряжения, демон качнул головой.

— Я не продавал тебя, дочка. Все, что я делаю, — это для твоей же безопасности, и со временем, уверен...

— В Лайганейских горах одно из крупнейших месторождений меди. Рудники находятся во владениях Вирсейров, верно?

Маорелий прищурился.

— Да, в нашей семье сейчас не самая простая ситуация, — с видимым неудовольствием признал он. — Если ты настолько осведомлена в географии, то знаешь, что большую часть территории Рингвардаадов занимают поля. Наш род выращивает и продает остальным зерновые, и мы напрямую зависим от благосклонности Великого. Последние четыре лета выдались холодными и дождливыми, даже магия не смогла спасти урожай. Один плохой год не повлиял бы на наше положение. Даже два. Но четыре... Мы почти полностью распродали все имеющиеся запасы. Нет, голод нам не грозит. — Демон качнул головой. — Но доходы рода сильно упали, а подготовка к Зимней ночи обошлась недешево. И если Вирсейры готовы взять на себя расходы по празднованию вашей с Торрелом помолвки, то я не стану отказываться. Я не собираюсь действовать в ущерб роду только для того, чтобы уверить тебя в искренности своих намерений. Брак с Торрелом обеспечит тебе безопасность. И это радует меня как отца. А вступление Торрела в нашу семью к тому же поможет исправить наше финансовое положение. И это радует меня как главу рода. Ты хотела всей правды? Ты ее получила!

Под конец тирады Маорелий распалился: синий взгляд едва заметно отливал алым, крылья носа трепетали от частого дыхания. Я же сохраняла спокойствие. Станным образом гнева не было.

— Чего ты ждешь от меня? — спросила через минуту, когда Маорелий смог подавить вспышку раздражения и взять себя в руки.

— Никаких протестов? — недоверчиво хмыкнул он.

— Я еще ни на что не согласилась. Но теперь я хотя бы понимаю, что тобой движет. Жаль только, что ты не сказал мне этого раньше. Правда, даже самая неприглядная, всегда предпочтительнее лжи.

Маорелий одарил меня задумчивым взглядом. Помолчал немного, будто просчитывая варианты, и ответил:

— Я прошу тебя дать Торрелу шанс. Не воспринимай его сразу враждебно. Вам обоим выгоден этот брак, но вместе с тем ничто не мешает ему стать счастливым.

Я не сдержала кривой усмешки. Почему-то представить счастливый брак по принуждению, да еще и с демоном, презиравшим полукровок, не получалось. А иллюзий насчет того, будто Торрел отнесется ко мне без предубеждений, я не питаю. Слишком хорошо помню надменность его отца и колкие вопросы на первой совместной трапезе.

— У меня есть условия, — начала я, принимаясь за еду.

— Я слушаю.

— В лесном домике осталась Тина. Сама я не могу к ней отправиться — сейчас, когда моя жизнь под угрозой, я не хочу подвергать опасности и ее. Ты можешь найти того, кто мог бы ей помогать? Нехорошо оставлять беременную в одиночестве.

— Да. Еще что-нибудь?

— Я хочу иметь право свободно видаться с Лунарой. В любое время.

Маорелий нахмурился:

— Зачем тебе это? Для подруги Артенсейр слишком юная.

— Учитывая нашу разницу в возрасте, это я для нее чересчур молода, — отозвалась я с улыбкой.

— Других требований нет? Только эти два?

— Мне нужно передать ей записку. Хочу встретиться. — Глаза высшего прищурились, и я поспешила добавить: — Это все, о чем я прошу. В обмен обещаю вести себя прилично на встрече с Торрелом и в замке Вирсейров.

Маорелий тяжело вздохнул, явно недовольный последней просьбой, но все же кивнул. На том и договорились.

До конца завтрака к важным вопросам мы не возвращались. Оба понимали, что каждый выторговал для себя максимум, и попытки надавить сильнее могли сорвать достигнутое перемирие. А после трапезы, откланявшись, я спешно покинула столовую.

Время утекало, словно песок сквозь пальцы. Сколько оставалось до прибытия Торрела? День? Два? Неизвестно.

«Лерден обещал, что отправит Торрела к нам сразу же, как тот вернется».

Да чтоб он никогда не возвращался, этот Торрел!

Грудь обожгло гневом. И пусть теперь я лучше понимаю, чем руководствуется Маорелий, согласиться с его решением по-прежнему не могу. Я не разменная монета! И платить собой за благосостояние рода, о котором узнала совсем недавно, не позволю!

У себя в покоях я написала Луне короткую записку с приглашением на чай. Обыкновенное послание, скучное и ничего не значащее. По крайней мере, именно таким оно должно выглядеть для любого, кто решит с ним ознакомиться. А Луна, уверена, поймет его правильно.

Вызвав Грамеду, я приказала отнести конверт Хемильдеору, но прежде — подготовить одежду для тренировок. Потом быстро переоделась, собрала волосы в высокий хвост и вышла из покоев.

Недовольство клокотало в груди, отчаянно ища выход, и я знала лишь один безопасный для этого способ. У проходящего по коридору слуги уточнила, где находится тренировочный зал, и зашагала в указанную сторону.

Нужное помещение нашла без проблем. У дальней стены крепилось оружие: были там и мечи, и кинжалы, и арбалеты, и много всего еще. Но мой взгляд зацепился за пару деревянных посохов, очень похожих на те, с которыми меня тренировал Кеорсен.

К бурлящему в груди недовольству добавилась обида. Почему Кеорсен не рассказал мне о Верине? Зачем просил остаться с ним, если помолвлен?

В несколько быстрых шагов я дошла до посохов, схватила один из них и вернулась в центр зала. А потом с силой рассекла воздух.

«Зачем?» — прорычала мысленно.

Крутанулась вокруг своей оси и атаковала невидимого врага — рой сомнений и страхов, что не отпускал меня все это время.

«Что ты чувствовал ко мне?» — Новый вопрос и новое нападение.

Очертания зала поплыли, точно краски под дождем. Смешиваясь, они обретали новые формы. Вместо серых стен я видела темный силуэт леса, мощные стволы краснолистов и пушистые, чуть накренившиеся под тяжестью собственных лап иглолисты.

«Какую роль ты хотел отвести мне в собственной жизни?» — Уклонение, отскок.

«Скучаешь ли по мне так же сильно, как я по тебе, ну хотя бы

вполовину?» — Четыре яростных жалящих выпада.

Нос защекотало от запахов сырой земли и влажной опавшей листвы. На щеках ощутила холодное прикосновение ветра.

«Почему ты не попытался переубедить меня?» — Блок, прыжок, атака.

Пол под ногами сменил мелкий гравий, колко перекатывающийся под подошвами тренировочных туфель.

«Ты ведь мог надавить, заставить...» — Рубящий по диагонали, вспарывающий снизу вверх.

— Я бы поддалась, — прошептала устало, останавливаясь.

Гулкие хлопки, эхом разнесшиеся по помещению, вырвали меня из транса. Разрушили созданную перед мысленным взором картину и силой вернули в тренировочный зал.

Я обернулась на звук.

В нескольких метрах от входа, прислонившись спиной к стене, стоял высший. Рослый, немного сухощавый, с заплетенными в сложную косу золотистыми волосами, небрежно переброшенными на одно плечо. Тонкие черты лица, острый подбородок, прямой нос и бледно-голубые, точно выцветшие глаза. Совсем как у Лердена Вирсейра.

— Проклятье, — выдохнула я.

Демон услышал и ухмыльнулся.

— Я тоже рад встрече, махра Рингвардаад.

Мои губы непроизвольно скривились. В попытке выгадать себе хоть несколько секунд, чтобы успокоиться и вернуть лицу сдержанно-доброжелательное выражение, я развернулась и направилась к стене с оружием. Не оборачиваясь, демонстративно качнула посохом, давая понять, куда и зачем иду. Говорить не хотелось.

Сзади шумно хмыкнули.

— А мне казалось, я единственный, кто недоволен отцовским решением, — заметил Торрел. Причем, судя по звукам, он решил пойти за мной. Низшие его раздери!

Вернув посох на место, я еще секунду позволила себе стоять к Вирсейру спиной, сжимая и разжимая кулаки. Потом обернулась и испуганно отшатнулась — высший оказался прямо перед моим носом.

— Осторожнее!

Молниеносным движением Торрел ухватил меня за талию и удержал, не позволяя врезаться спиной в увешанную оружием стену. Стоило мне восстановить равновесие, как я поспешила разорвать прикосновение и отступить на несколько шагов. Близость демона мне не нравилась.

— Первый раз девушка шарахается от меня с такой горячностью, —

улыбнулся он. Потом протянул руку. — Я Торрел. Учитывая обстоятельства, думаю, можно обращаться друг к другу на «ты» и по имени.

На протянутую ладонь я взглянула волком. Казалось, вложи я в нее руку, и длинные пальцы тут же сожмутся, словно ловушка. И будет уже не выбраться, не спастись.

Видимо, что-то промелькнуло на моем лице, потому что Торрел опустил ладонь и качнул головой.

— Я настолько противен, что даже простая необходимость коснуться меня из вежливости заставляет кривиться?

— Я не специально.

— Ну, во всяком случае, выглядело очень убедительно. — Торрел вновь улыбнулся. Правда, вымученно. — Надеюсь только, что столь бурная реакция вызвана все же не мной, а будущим соглашением. Вернее, его необычностью.

Последнее слово заставило меня вопросительно нахмуриться.

— Необычностью?

— Ты... ты не знаешь? — Теперь пришел черед Торрела хмуриться. — Тебе не сказали, что в нашем случае оно будет не пермитивным, а окончательным?

Я растерянно качнула головой. Пермитивное? Окончательное? О чем он вообще?

Видя мое замешательство, Торрел вздохнул.

— Они вообще ничего тебе не рассказали. Страшно представить, как ты начнешь шарахаться от меня, когда узнаешь всю правду.

ГЛАВА 8

Мы расположились в каминном зале. Наплевав на приличия, я не стала переодеваться.

Большие кожаные кресла оказались очень удобными и невероятно мягкими. Я едва не утонула в своем. Торрел же сидел вполне спокойно и с легкой полуулыбкой поглядывал на меня.

«Он слаб, малодушен и, говорят, охоч до женщин. Причем без особого разбору», — прозвучал в голове голос Хемильдеора.

Насчет слабости и малодушия утверждать рано, но в его успех у женщин я поверила сразу. Равно как и в отсутствие жестких требований к пассивам. Сомневаюсь, что нашелся бы другой высший, который с первой же встречи стал бы держаться обходительно с полукровкой.

— Расскажи мне о ваших брачных соглашениях, — попросила я, нарушая затянувшееся молчание.

Сохранять внешнюю невозмутимость вновь стало непросто. Вот только не из-за собственной судьбы — я хотела понять, какие договоренности связывают Кеорсена с Вериной.

— Мы, высшие, живем долго. Очень долго. Дольше темных и низших. О людях вообще говорить смешно, — фыркнул Торрел, но, поймав мой хмурый взгляд, растянул губы, надо полагать, в одной из своих самых очаровательных улыбок. — При этом рано или поздно все мы вступаем в брак. Любимцы Великого — в истинный, все остальные — в договорной. Истинные браки — редкость. Последний... — Демон нахмурился. — Уф! Уже и не вспомню, когда был. Говорят, такие пары создает сам Великий и дарует им три благодати: возможность черпать и наращивать силу друг в друге, неспособность выгореть и легкость в продолжении рода. Причем последняя благодать — самая желанная. Но, как я уже говорил, такие счастливицы рождаются крайне редко. Так что обычной практикой стало заключение договорных браков. А до них подписываются пермитивные брачные соглашения. Мм, если говорить совсем просто — это обещание вступить в брак спустя оговоренный временной промежуток, если к тому моменту ни один из подписавших не передумает.

Торрел замолчал, давая мне время обдумать услышанное. Потом, когда я кивнула, продолжил:

— Очень часто мы заключаем такие соглашения по достижении трехсот лет. Это, считай, негласное правило. Выполнять его необязательно,

но чем сильнее род, тем чаще приходится следовать традициям. Для примера остальным или просто от любви к формалитету, — насмешливо фыркнул Торрел. — Пермитивным соглашениям не придают особого значения. Они не являются гарантией свадьбы, да и отменить их несложно. В отличие от окончательных. Вот те как раз расторгнуть невозможно, и их подписание приравнивается едва ли не к браку. Как ты уже, наверное, догадалась, наши дражайшие отцы решили заключить именно такой договор.

Эйфория, охватившая меня от понимания того, что Кеорсена с Вериней связывают лишь принятые в обществе порядки, но никак не чувства, резко схлынула, стоило осознать последнюю фразу.

— Что?! Но почему?

Моя реакция позабавила Торрела. В голубых глазах промелькнули искры сдерживаемого смеха.

— Потому что им обоим очень выгодна эта сделка. А мы с тобой, дорогая невеста, слишком мелкие фигуры, чтобы интересоваться нашим мнением.

— Тогда... тогда... — Я искала хоть какой-нибудь выход из захлопывающейся ловушки. — Тогда зачем ты вернулся с Лайганейских гор?

Торрел захохотал.

— Да вот, — развел он руками, — как-то не догадался податься в горы. К тому же не сегодня так завтра это случилось бы.

— И что нам делать?

Я с надеждой заглянула в голубые глаза. Торрел ведь лучше меня разбирается в принятых среди высших порядках, да и живет дольше. Он наверняка сможет придумать, как нам избежать навязываемой свадьбы!

— Как это — что? — Тонкие губы изогнулись в усмешке. — Привыкать называть друг друга «дорогой» и «дорогая» и выбирать цветовую гамму для спальни.

Сказанное ужалило словно змея. Не выдержав, я вскочила и уставилась в смеющиеся глаза демона.

— Разве ты не был против?

— Был, — легко согласился он. — Но, во-первых, переход в род твоего отца действительно мне выгоден. А во-вторых, за тобой приятно наблюдать. Столько жизни и эмоций. Пожалуй, для меня это действительно не самый плохой вариант.

— Я полукровка, дочь рабыни, — напомнила хмуро, давя на то единственное, чем отвращаю всех высших без исключения.

К моему ужасу, взгляд Торрела не изменился.

— Я помню. Но твой отец показал результаты исследования полукровок и уверил, что в нашем с тобой союзе если и будут дети, то только высшие. Так что прости, дорогая, — он насмешливо выделил последнее слово, — но противиться брачному соглашению я не стану.

Сославшись на головную боль, я оставила Торрела и поспешила к себе. Судя по усмешке, притаившейся в уголках тонких губ, демон понял, что я банально спасалась бегством. Но, к счастью, удержать меня не попытался.

По дороге я заскочила в библиотеку и взяла с полки уже знакомую книгу в толстом кожаном переплете — историю рода. Потом закрылась у себя. Почти до самого обеда я вчитывалась в желтоватые страницы, изучая связи семей Рингвардаадов и Моргранов, но, как назло, ничего стоящего внимания не находила. Казалось, кроме торговых отношений, второй и шестой род ничего не связывало. Притом даже торговля между ними велась размеренно.

Спешить с выводами не хотелось, но по всему выходило, что у Рейшара нет причин вредить наследнице Рингвардаадов. Значит, дело все же во мне? В моей человеческой природе? Но ведь раньше Рей не вел себя так, будто мое происхождение его задает. Напротив, с ним я чувствовала себя раскованно и почти беззаботно. Он всегда мог меня рассмешить и частенько этим пользовался. Неужели то доброе отношение было притворством? Нет, не похоже.

Получается, его все же хотели подставить? Но кто? И с каким расчетом? Карточка сгорела в моих руках, и никто другой не видел записки. Если бы Грамеды не нашла меня, я бы умерла. И тогда на Рейшара не пало бы подозрение в моей смерти. А что, если...

От внезапной мысли меня прошиб холодный пот.

А что, если я и не должна была умереть? Вдруг расчет был как раз на то, что меня спасут, а я обвиню в покушении Рейшара? Но кто бы поверил словам полукровки?

«Маорелий», — тут же пришел мысленный ответ.

Неужели кто-то пытается стравить род Рингвардаадов с Моргранами?

К обеду я переоделась в подобающее платье и спустилась в столовую. На подходе к ней столкнулась с Торрелом.

— Надеюсь, головная боль отступила? — деликатно поинтересовался он, пряча усмешку.

— Не до конца, — отозвалась я и, сделав вид, что не заметила предложения высшего опереться на его руку, переступила порог.

Через вторые двери в помещение вошел Маорелий. Улыбнулся, увидев нас с Торрелом рядом, и пригласил присаживаться. Сам он занял положенное место во главе стола, меня и гостя усадили друг напротив друга.

Едва мы сели, слуги начали выносить блюда. Когда Торрел отвлекся на наливаемое ему вино, я поймала очень выразительный взгляд Маорелия. Мне явно напоминали о заключенной договоренности. Подавив недовольство, я кивнула и включилась в беседу. Дважды смогла заставить себя рассмеяться над шутками Торрела, один раз — восхититься его галантностью. Поймала одобрительную улыбку Маорелия и продолжила играть роль. Ради обещанной помощи Тине и возможности видеться с Лунарой я должна справиться.

Под конец трапезы я слушала вполуха, иногда кивая то Торрелу, то Маорелию. На моем лице, точно приклеенная, замерла доброжелательная полуулыбка. Время тянулось мучительно медленно. С каждой секундой я все сильнее желала окончания обеда, представляла, как вновь сошлюсь на головную боль и сбегу к себе. Не думаю, что Торрел станет настаивать на встрече. По крайней мере, в первый раз он дал мне уйти.

Мы заканчивали пить чай с кисловатым брусничным пирогом, когда голубоглазый высший вновь взял слово.

— Погода сегодня стоит дивная, — заметил он. — Кататься верхом в такой день — особое наслаждение, вы не находите? — Он посмотрел на Маорелия.

Тот с готовностью откликнулся:

— Действительно. Если желаете, можете взять любого коня из моей конюшни и прокатиться по окрестностям. Места у нас живописные. Да и Сатрее, думаю, будет полезно выбраться на свежий воздух.

Я вынырнула из размышлений и все с той же полуулыбкой ответила:

— Предложение заманчивое, но боюсь вас разочаровать, я не езжу верхом, махры. Думаю, мне лучше...

— Я научу, — тут же с горячностью вызвался Торрел.

Маорелий с меньшим жаром поддержал его предложение. Я же мысленно застонала.

Мы стояли в конюшне. Маорелий с Торрелом воодушевленно обсуждали достоинства едва ли не каждой из запертых в денниках верховых лошадей. Шли очень медленно, иногда останавливались, чтобы

рассмотреть форму ног или оценить мягкость гривы. В некоторые, к моему удивлению, были вплетены короткие тонкие лезвия, причем загнутые таким образом, чтобы не навредить, а защитить шею в случае нападения. Правда, я так и не поняла, против кого направлена подобная защита: диких животных или низших. Хотя зачем низшим вообще нападать на коней?

В отличие от меня хозяин замка и его гость в подобных тонкостях разбирались превосходно. Это становилось понятно, стоило только вслушаться в их беседу. Один начинал говорить, потом восторженно замолкал на полуслове, изучая висящую между денниками сбрую, второй тут же с пониманием кивал и продолжал начатую собеседником фразу.

На секунду у меня даже мелькнула шальная мысль, что если кому и стоило подписывать брачное соглашение, так это Маорелию с Торрелом. Как минимум одна общая страсть у них уже нашлась.

Наконец мы дошли до денника, где стоял Бердер. Глаза Торрела загорелись, а сам он, забывшись, собрался войти в стойло, но Маорелий его остановил. Я посмотрела на Рингвардаада с удивлением. Однако не успел он что-либо пояснить, как Торрел понятливо улыбнулся и отступил.

— Еще не привязан?

— Пока не было возможности, — обтекаемо ответил Маорелий, видимо не желая уточнять, что предыдущий мой визит сюда закончился раньше, чем планировалось, а потом я несколько дней балансировала на грани жизни и смерти.

— Привязан? — Я впервые подала голос с тех пор, как мы пересекли порог конюшни.

Ответил мне Торрел:

— Грайсерские кони уникальны. Получив хозяина, они будут оберегать его даже ценой собственной жизни. Это удивительные животные: преданные, выносливые, умные.

— Умные?

Я перевела удивленный взгляд на стоящего в деннике Бердера. Темновышневые глаза смотрели внимательно, но вместе с тем совершенно невозможным образом в них чудилась насмешка. Казалось, если бы конь мог разговаривать, он бы непременно высказался на тему моих умственных способностей. В своих он явно не сомневался.

Я улыбнулась.

— Он все понимает. — Торрел тоже посмотрел на Бердера. — А иногда кажется, что грайсерские кони понимают даже больше, чем демоны. Есть легенда, что изначально Великий создал их для себя, но потом решил подарить одного такого жеребенка истинной паре на свадьбу. Лучшее к

лучшему. Так грайсерские кони пришли к высшим.

— Дорогая, подойди. — Маорелий приоткрыл дверь денника и ступил внутрь. — Протяни ладонь.

Я сделала два шага, но остановилась, заметив в его руке кинжал.

— Не бойся, — ободряюще улыбнулся Маорелий, — это нужно для привязки.

И пусть высшие держались спокойно, включая коня, — судя по всему, тоже высшего среди своей расы, — я заметно нервничала. С трудом заставила себя подойти к Маорелию и протянуть ему ладонь. А в следующий миг не сдержала вскрика — до того внезапно и сильно демон полоснул по ней кинжалом. Но отдернуть руку мне не позволили. Крепко держа за запястье, Маорелий вынудил меня подставить залитую кровью ладонь к морде Бердера.

Конь всхрапнул, лукаво покосился на меня одним глазом. Переступил ногами, тряхнул гривой и только после этого лениво, будто делая одолжение, ткнулся бархатными губами мне в руку. Ощущения вышли щекочущими, но вместе с тем несколько противными. Я старалась не думать, что сейчас в открытую рану попала слюна этого животного. Мысленно напоминала себе о крепости собственного здоровья и о том, что после пробуждения демонической половины болезни мне не страшно.

Не знаю, сколько длилась эта странная привязка — секунд пять или дольше, — но когда конь наконец выпрямился, я вздохнула с облегчением. Дернувшись, желая высвободить ладонь из хватки Маорелия, но тот не пустил. Продолжая удерживать меня одной рукой, второй залез во внутренний карман плаща и вытащил оттуда заготовленную полоску чистой ткани. Не промывая порез, плотно замотал его.

— Регенерация у тебя, если помню, тоже теперь ближе к нашей? — уточнил он, завязывая края узелком. Я кивнула. — Отлично! Значит, скоро затянется. А это, — он взглядом указал на повязку, — защитит одежду от лишних пятен. Ну что, дочка, — лицо Маорелия озарила улыбка, — поздравляю: теперь для Бердера ты навсегда останешься единственной хозяйкой.

Лишь услышав эти слова, я поняла, какую ошибку совершила. Бердер же обещан Луне!

ГЛАВА 9

Я злилась. На Торрела, заставившего меня ненадолго поверить, что он, как и я, против навязываемого брака. На то, что потом он встал на сторону наших отцов. На насмешку, которая, как пощечина, отбила мой доверчивый порыв найти решение вместе. На Маорелия, игнорирующего мои желания и просьбы.

Но больше всего я злилась на себя.

Как можно было настолько расслабиться под пустые разговоры о породах лошадей, чтобы так глупо подставиться? И пусть внутренний голос уверял, что выбора у меня не было — ведь отказ совершить привязку вызвал бы лишние вопросы, — но я все равно не могла перестать злиться.

— Думаю, первая поездка укрепит связь наездника с животным. — Голос Торрела прозвучал будто издалека, до того я погрузилась в мрачные мысли.

— Отличная идея, — поддержал Маорелий. — Есть пожелания по лошади для прогулки? Поспокойнее? С норовом?

— С норовом, — ухмыльнулся Торрел. — Люблю укрощать диких.

Воздух вокруг Маорелия едва ощутимо зарядил. Я знала, что означает подобная рябь — посылаемый мысленно приказ. И действительно спустя всего несколько секунд в конюшню вошел темный и с почтением поклонился.

— Оседлать Бердера и Фагроста, — распорядился хозяин замка, потом повернулся к нам. — Прощу простить, но меня ждут дела. Надеюсь, в компании друг друга вы не заскучаете.

— Ни в коем случае, — самоуверенно заверил Торрел.

— Будь умницей, дорогая.

Маорелий одарил меня улыбкой, а вместе с ней и очень выразительным взглядом, вновь напоминая о нашем утреннем соглашении. Я растянула губы в ответ, старательно заставляя их изогнуться в улыбке. Но, судя по раздраженно дернувшимся крыльям отцовского носа, в стараниях я не преуспела.

— Выйдем на улицу? — предложил Торрел, едва мы остались вдвоем.

Я кивнула и первой зашагала к выходу.

День сегодня действительно выдался прекрасный. Лучи послеобеденного солнца переливались игривыми бликами на мягком снегу, деревья искрились белыми шапками, а невдалеке темной стеной

протянулся лес. Ветра почти не было.

— Я настолько противен? — раздался сбоку голос Торрела. Повернувшись, я вопросительно взглянула на демона. — Ты даже не смотришь на меня. Всегда, когда есть возможность, отводишь взгляд. Вот только не в смирении или уважении. Ты не хочешь меня видеть.

— А должна хотеть?

Демон усмехнулся:

— Нет, но... — На секунду он замолчал, точно подбирая слова. — Разве тебе этот брак выгоден не меньше, чем мне?

— Выгода — не то, ради чего стоит создавать семьи.

— Но ведь ты полукровка!

— Я помню, — отозвалась с улыбкой.

— Нет, я не об этом...

Странно, но Торрел казался по-настоящему растерянным. Словно действительно не мог понять, что кто-то мог сознательно игнорировать возможную выгоду.

— Тебе будет сложно заключить брачное соглашение даже с высшими нижестоящих родов. Разве только Ниртаны или Тарсейры могли бы принять тебя. Но они последние в нашей иерархии — одиннадцатый и двенадцатый роды! Я лучший вариант для тебя, понимаешь? Как и ты для меня, — честно добавил он.

Я снова улыбнулась и качнула головой. Не думаю, что имеет смысл пытаться объяснить, что «вариант» меня не устроит. И сама я «вариантом» быть не хочу. Но главная проблема все же заключается в другом. Единственный, с кем я по-настоящему хочу быть, — это Кеорсен. И теперь, когда появилась надежда, что брачное соглашение с Вериной — не его желание, а просто дань традициям, я не собираюсь отказываться от своих чувств.

Из конюшни вышел темный, ведя под уздцы двух коней. Приняв поводья, Торрел кивком отослал демона. И почему-то мне не понравилось то, как уверенно держался этот высший. Так, будто уже стал членом рода и имел право приказывать местным слугам.

— Забирайся в седло, потом я научу тебя править, — распорядился Торрел, легко вскакивая на темно-шоколадного с красноватой гривой коня.

Я кивнула, подошла к боку Бердера, ухватила за седло, решительно вставила ногу в стремя, оттолкнулась свободной ногой и... И что дальше?! Я замерла, прижимаясь к теплему боку животного.

Кто-то фыркнул. Вот только кто именно: Бердер или Торрел?

— Я понял.

Перекинув ногу через седло, Торрел легко спрыгнул на землю. Подошел ко мне со спины и с улыбкой в голосе произнес:

— За усердие высший балл, а вот за технику — неуд. Опустись.

Я послушно вернулась на снег.

— Руки расположи друг напротив друга, не заводи левую так далеко...

Торрел стоял очень близко, и его дыхание щекотало волосы у меня на затылке.

— Теперь правую ногу в стремя. Нет, не носок, увереннее. — Бесстыже отодвинув край разрезной юбки для верховой езды и коснувшись штанов, высший подтолкнул мою ногу вперед. — Да, вот так. Теперь ты должна одним рывком оттолкнуться и перекинуть левую ногу через седло. Я подсажу. — Мне на талию опустились горячие ладони. — Готова? — Я кивнула. — На счет три. Раз, два... три!

Вместе с последним звуком я взлетела вверх. Испугалась той силы, с которой Торрел меня едва ли не подбросил, но все же не растерялась и смогла усесться верхом.

Вновь раздалось фырканье. На этот раз в его источнике я не сомневалась, ибо этот самый источник насмешливо косился на меня вишневым глазом.

— Возьми поводья, — продолжил инструктировать Торрел. Его руки будто невзначай скользнули с моей талии и прошлись вдоль бедра, прежде чем опуститься на сцепленные на тонких ремешках пальцы. — Да, вот так. Держи крепко. Щелкни поводьями или ударь пятками в бока, чтобы заставить Бердера идти. Чтобы повернуть вправо, натяни правый повод, влево — левый. Захочешь остановиться, потяни поводья на себя. Все просто. Запомнила?

Я снова кивнула.

— Тогда поехали!

Торрел легко вскочил в седло. Держался при этом очень уверенно, даже горделиво. Чувствовалась в нем и привычка к такого рода прогулкам, и искреннее удовольствие, которое он от них получал. Я же, несмотря на первый успех, — а у меня таки получилось заставить Бердера тронуться! — чувствовала себя в седле крайне некомфортно. Медленные покачивания казались слишком монотонными и не внушали доверия.

— Ну же, Рея! — крикнул Торрел, припуская Фагроста рысью. — Догоняй!

То, как высший сократил мое имя, мне не понравилось. То, что он сделал это без моего разрешения, — еще больше. Из чистого упрямства я даже не попыталась поехать быстрее. Мне не нравились медленные

покачивания? Я передумала. Очень нравятся. Изумительные просто! А Торрел пусть носится, если ему так этого хочется.

Однако демон, судя по всему, придерживался иного мнения. Сделав небольшой круг, он подъехал ко мне сзади и с силой хлопнул Бердера по крупу. Конь подо мной заржал и сорвался в галоп.

Глаза заслезились от ветра, в ушах зашумело. И пусть все во мне вопило от ужаса, сама я молчала. Горло стянуло спазмом, не позволяющим выдать ни звука.

Помня указания Торрела, я резко натянула поводья на себя. Видимо, слишком резко.

Бердер снова заржал, с силой оттолкнулся передними копытами и встал на дыбы. Не удержавшись, я вылетела из седла. Под ложечкой засосало от чувства падения, а уже в следующий миг я упала. Пушистый снег смягчил удар, но все же приземление вышло болезненным. В голове зазвенело.

— Рея! Ты в порядке? — В мгновение ока Торрел оказался рядом, обнял мое лицо ладонями и заглянул в глаза.

— Не надо. — Я попыталась высвободиться.

— Нет, не шевелись. — Торрел отпустил мое лицо.

Однако не успела я обрадоваться, как почувствовала нарастающий гнев. Демон нагло и уверенно коснулся моей лодыжки и, ощупывая, стал продвигаться пальцами вверх.

— Не трогай, — повторила я, слыша, как мой собственный голос все больше скатывается в рычание.

— Не глупи, — отмахнулся Вирсейр, — надо убедиться, что ты цела.

Его рука, поднимаясь все выше, скользнула на бедро. Слишком уверенно, слишком нагло. Так, словно высший имеет право касаться меня столь бесстыжим образом.

Все во мне взбунтовалось. Грубым размашистым движением я сбила руку Торрела, а самого демона прожгла взбешенным взглядом.

Лишь одному высшему я позволю себя касаться, лишь на него отзывается сама моя суть. И Торрел явно не этот высший.

Голубой взгляд заледенел.

— Я пытаюсь помочь тебе принять неизбежное. И меня бесят твои принципиальность и гордость. — В голосе демона тоже проступили рычащие ноты. — Слово это я недостоин, а не ты. На что ты надеешься, полукровка? Никто не примет тебя! Твоя грязная кровь противна нашему виду! Тебе лучше поскорее осознать это и начать ублажать единственного, кто готов мириться с твоей рабской природой, — меня!

Все случилось слишком быстро. Мое тело среагировало само. Интуитивно, безотчетно, вспоминая все тренировки с Кеорсеном, я молниеносно бросилась вперед, опрокинула Торрела на спину и сжала пальцы на незащищенной шее.

Я зарычала:

— Не смей прикасаться ко мне! Не смей насмехаться надо мной! Не смей оскорблять мое человеческое происхождение!

Сдерживать полыхающий в груди гнев с каждым словом становилось все труднее. Пальцы, точно сведенные судорогой, норовили сжаться изо всех сил. Глаза Торрела переливались, меняя цвет с голубого на алый и обратно. Но что выводило меня из себя еще больше — тонкие губы растянулись в усмешке.

— И прекрати...

Договорить я не успела. Одним смазанным движением Торрел перекатился, подмял меня под себя и, перехватив мои запястья, развел их в стороны.

— А ты горячая, — ухмыльнулся он, скользя отвратительно липким взглядом по моему лицу. — Люблю укрощать диких, — повторил он сказанную в конюшне фразу.

Она подожгла меня с новой силой. Я зарычала, дернулась и зло стиснула зубы.

— Отпусти!

— Зачем же? Ты ведь почти моя. Пора бы тебе смириться.

Торрел резко наклонился и скользнул губами по моим. Он был быстр, но я оказалась быстрее. Успела увернуться и не позволила меня поцеловать. Это разозлило Торрела. Зарывав, он свел запястья у меня над головой и зафиксировал их одной рукой. Пальцами второй сдавил мой подбородок. Я пыталась высвободиться: дергалась, била ногами... Но демон держал крепко.

Бердер возник сбоку внезапно, с силой боднул Торрела в плечо и сбил с меня проклятого высшего. Не теряя времени, я вскочила сначала на ноги, а затем — в седло. Даже удивительно, насколько естественно у меня это получилось.

— Ты потрясающе умный конь, — похвалила я, щелкая поводьями. Бердер сорвался с места.

Обратная дорога почти не отпечаталась в памяти. Только ветер, движение сильного животного подо мной да гулкий стук крови в ушах.

У конюшни я остановилась, прыгнула наземь и огляделась. Торрела не видно ни на дороге, ни в небе. Он отступил? Так просто?

— Рассесть, позаботиться, — приказала я появившемуся темному, а сама, не теряя времени, поспешила в замок.

Я должна рассказать обо всем Маорелию.

У проходящего по коридору слуги узнала, что хозяин замка сейчас у себя в кабинете, и побежала туда. Удивленные взгляды встречающихся на пути демонов не беспокоили. Сейчас единственно важным казалось воззвать к главе Рингвардадов, убедить его отменить поспешное решение. Уверена, после случившегося он обязательно передумает, поймет.

Распахнув дверь, я влетела в кабинет и замерла, на миг лишившись воздуха.

Вальяжно развалившись в кресле и покачивая в пальцах стакан с бурбоном, сидел Торрел.

— А мы как раз о тебе говорим, — хищно оскалился он. — Обсуждаем твой темперамент.

— Сатрея, — голос Маорелия прозвучал резко, сухо, — как ты посмела?!

— Я защищалась!

— От кого? От будущего мужа? Не смей! — осадил меня Рингвардаад. — Иди к себе и не смей покидать покои, пока я не позволю.

— Что? Но почему?

— Сатрея! Волю старшего в роду не оспаривают! — прикрикнул он.

И я замолчала, сверля обоих демонов яростным взглядом.

Поймав его, Торрел отсалютовал мне стаканом и демонстративно опрокинул содержимое залпом. Мой взор снова затянуло алым.

— Как прикажете, махр Рингвардаад, — отчеканила я, развернулась и стремительно покинула кабинет.

Внутри все уже не бурлило — напряженно замерло, готовое взорваться в любой момент. Остатки благоразумия, точно подхваченная огнем труха, прогорели за секунду и осыпались пеплом.

Хватит! Не могу больше!

Пусть Маорелий уверяет, что действует в моих же интересах. Пусть он твердит, что брак с Торрелом — единственно возможный для меня. Пусть без поддержки Вирсейров моя жизнь в опасности. Она и так в опасности! И где гарантия, что после заключения злополучного соглашения что-нибудь изменится?

Мне надоело. Надоело чувствовать себя вещью, игрушкой, разменной монетой — кем угодно, только не живым существом. У меня есть чувства, желания. И сейчас есть только одно, чего я по-настоящему желаю, — убраться отсюда как можно дальше.

Пальцы сжимались и разжимались, губы сомкнулись в напряженную нитку, и только ноги отбивали твердый ритм. Но вели они меня не в покой. Я шла к порталному залу.

Маорелий наверняка обнулит достигнутые договоренности, а значит, не позволит мне увидеться с Лунарой. Мой единственный шанс на встречу — попытаться перехватить демоницу у портала. Я не знаю, получила ли она записку и сможет ли прийти сегодня, но другой возможности может не представиться. А потому стоит рискнуть.

В порталном зале было пусто. И, как назло, ни одной ниши или gobелена, за которыми можно спрятаться. Проклятье! Что же делать?

Ядовитый коктейль страха и злости подстегивал не сдаваться, толкал создать безопасное место. Внимательно оглядев зал, я заметила два следящих заклятия и одно поддерживающее, направленное, судя по всему, на активацию и работу магических светильников.

Возникшая идея казалась безумной. Возможно, невыполнимой. Приди она мне в голову в спокойное время, я бы наверняка отмахнулась от нее. Но сейчас она одна дарила хотя бы призрачную надежду на желанный исход.

Как-то, еще в лесном домике, Рейшар показывал мне скрывающее заклятие. Ему было любопытно узнать, смогу ли я через него видеть. Как оказалось, да — даже такая магия для меня не проблема. Сейчас, перехватывая контроль над развешенными по залу плетениями, я пыталась мысленно воскресить в памяти образ скрывающего заклятия. А затем осторожно, чувствуя усиливающуюся слабость и дрожь в теле, принялась менять потоки. Скручивая, стягивая, переводя векторы силы. Я действовала интуитивно, даже не веря, что получится. Просто понимала — другого выбора у меня нет. Я должна.

Дышать стало тяжело, сердце заходило от испуга. Я чувствовала, как с каждой секундой мне все сложнее стоять на ногах, но не желала сдаваться. Не сейчас.

Когда от слабости затошнило, а перед глазами поплыло, я осела на пол. Прислонилась спиной к стене и из последних сил замкнула плетения. Мутным маревом новое заклятие оплело меня, едва ощутимо холодя кожу прикосновением. Понадеявшись, что задуманное получилось, я перестала цепляться за уплывающее сознание и провалилась в темноту.

ГЛАВА 10

В себя я пришла от звонкого голоса.

— Да ты издеваешься надо мной?!

Разлепить веки оказалось трудно, сфокусировать зрение — и того сложнее. Но я справилась.

В центре порталного зала стояла Лунара, прожигая алым взглядом спокойного Хемильдеора.

— Махра Сатрея сейчас отдыхает и не велела никого принимать.

— Она передала мне записку! Если не хочет меня видеть, пусть скажет об этом мне в лицо!

— Боюсь, это невозможно, — с той же невозмутимостью отозвался демон. — Махра Сатрея отдельно подчеркнула, что встречаться с вами не готова.

— Ложь, — выдохнула я, взмахом руки разрушая заклятие.

— Сати! — воскликнула Лунара, кидаясь ко мне.

— Унеси нас отсюда. Как можно дальше, — попросила я.

— Это невозможно, — холодно произнес Хемильдеор, теряя внешнюю невозмутимость. — По приказу махра Маорелия вам запрещено покидать замок. Как и общаться с представителями других родов, — добавил он выразительно. — Махра Артенсейр, боюсь, я вынужден настаивать на вашем немедленном отбытии. Вы ведь не желаете скандала?

— Желаю! — рыкнула Лунара. — Желаю, низшие вас подери!

— В таком случае нам придется заявить в Круг о вашем систематическом, — подчеркнул демон, — нарушении границ территории чужого рода, не имея на то позволения. Более того, вопреки желанию главы принимающего дома. Мы будем настаивать на полной мере наказания.

Лунара вздрогнула.

— Уходи, — произнесла я, не желая подставлять высшую, а потом добавила на грани слышимости: — Передай Кеорсену, что я хочу встретиться. Пожалуйста.

— Хорошо, — громко ответила Луна, вставая и отходя от меня. И добавила, глядя на Хемильдеора: — Я уйду.

— Благодарим за визит, махра Артенсейр, — сдержанно поклонился он.

Когда юная высшая скрылась в зеве портала, а потом и сам портал захлопнулся, Хемильдеор повернулся ко мне:

— Ваш отец будет крайне разочарован подобным поведением.

Синие глаза смотрели колко, осуждающе.

— Значит, наши чувства относительно поведения друг друга наконец совпадут. — Придерживаясь рукой за стену, я поднялась на подрагивающих ногах. — Не надо, — сухо отрезала я, видя, что Хемильдеор шагнул ко мне с явным желанием помочь.

— Открыть портал в ваши покои?

— Благодарю за заботу, но это лишнее.

Мой голос был тверд в отличие от походки. И последнее злило. Не хочу, чтобы демоны Рингвардаады видели меня слабой!

— Кстати, — остановившись, я обернулась на Хемильдеора, — все хотела спросить...

— Да?

— Где махр Шимран?

Во взгляде демона на секунду промелькнула тень непонятного мне чувства. Что это? Удивление? Неодобрение? Гнев?

— Махр Шимран отбыл в свое поместье сразу после праздника зимней ночи. — В отличие от взгляда голос Хемильдеора оставался бесстрастным.

— Я его видела? Мы разговаривали?

Во время праздника со мной хотели пообщаться слишком многие высшие, чтобы я умудрилась запомнить все их лица. Да и последующие события затянули настолько, что о самой длинной ночи в году я и не думала. Теперь же воспоминания о ней вовсе притупились и поблекли.

— Прошу прощения, но я не обратил на это внимания, — отозвался демон. — Уверены, что не хотите добраться до покоев порталом?

— Абсолютно, — отмахнулась я и вновь вернулась к беспокоящей теме. — А где находится поместье махра Шимрана?

Хемильдеор устало вздохнул.

— Боюсь, общение с младшей Артенсейр не пошло вам на пользу. Заявляться в чужой дом без приглашения — дерзость, признак дурного воспитания. Наследнице рода Рингвардаадов забывать об этом не следует.

— Тогда я хочу нанести Шимрану визит как будущая глава рода.

От моих слов лицо Хемильдеора дернулось. На секунду, всего на мгновение. Но я заметила.

— Позвольте дать совет, махра: не спешите. Вы еще слишком плохо ориентируетесь в наших традициях и правилах, часто оступаетесь, не знаете элементарных вещей. Боюсь, пока вы не готовы возглавить наш род.

Я неотрывно смотрела демону в глаза и силилась понять, о чем он думает. Что скрывается под маской невозмутимости? Какие эмоции кипят

внутри?

Подавшись вперед, будто надеясь взглядеться глубже, пробиться сквозь стену отчуждения, я пошатнулась. Ватные ноги подкосились, грозя уронить ставшее вдруг очень тяжелым тело, но Хемильдеор среагировал молниеносно: подхватил меня под руки и удержал.

— Боюсь, я все же вынужден настаивать на портале. Откуда такая слабость?

Я моргнула. Он что же, не понял, что я была под заклинанием невидимости? Или не догадался, как именно я его сотворила?

Мои губы дрогнули в улыбке. Если все действительно так — тем лучше.

— Сама не знаю. — Я растерянно посмотрела на демона. — Мне казалось, я оправилась от последствий «шепота». Но, вероятно, свои силы я действительно переоценила. Портал явно не помешает.

Синие глаза прищурились.

— Конечно, — кивнул высший и, продолжая одной рукой поддерживать меня, второй начал делать нужные пассы. — Прошу, — пригласил он, когда перед нами вытянулся овальный, полный сизого тумана зев.

Почему-то я замешкалась. Смотрела в скручивающиеся потоки и не могла заставить себя в них шагнуть.

— Махра, прошу, — повторил Хемильдеор. — И пожалуйста, не совершайте больше опрометчивых поступков. Ваш отец действует в ваших же интересах.

Я хмыкнула. Собравшись с силами, отпустила руку Хемильдеора и нырнула в портал, чтобы следующий шаг сделать уже у себя в покое. Пройдя до дивана, рухнула на него без сил, откинула голову на мягкую спинку и только хотела расслабиться, как замерла, прислушиваясь к ощущениям. Что-то не так.

Я встала и внимательно огляделась, а заметив изменения, не поверила своим глазам. Игнорируя слабость, поспешила в спальню, потом возвратилась в гостиную и метнулась к двери. Подергала ее, с силой ударила по дереву кулаком и, обернувшись, вновь уставилась на окна. За полупрозрачным тюлем отчетливо проступали очертания решеток.

Силы возвращались. С каждым шагом, с каждой попыткой отыскать выход я ступала все тверже и дергала решетки все сильнее. Если бы только они были магическими, я бы избавилась от них. Но Маорелий знал о моем даре и использовал то, против чего я бессильна.

От ужина я отказалась. От сна тоже. Я просто не смогла расслабиться и заснуть. Носилась по покоям точно заведенная и все искала выход.

Ближе к полуночи в центре гостиной открылся портал, из которого вышел Маорелий. Почувствовав его появление, я зарычала.

— Успокойся, Сатрея! — приказал он, проходя и опускаясь на диван. Скользнул взглядом по нетронутой еде и качнул головой. — Тебе нужны силы.

Я не ответила. Ярость клокотала в груди слишком сильно, чтобы я могла сдержаться и не наговорить лишнего.

— Не стоит смотреть с такой злобой. Ты сама вынудила меня пойти на крайние меры. Я давал тебе шанс примириться с судьбой. Пригласил Торрела в надежде, что вы найдете общий язык. Выполнил твои условия. А что же ты? Кидаешься на своего будущего жениха? Пытаешься сбежать? В тебе все-таки слишком много от человека, — вздохнул он. — Ты импульсивна, не способна мыслить даже на два шага вперед, слишком цепляешься за чувства. Хотя, может, все дело в твоей юности. — Демон пожал плечами. — Как бы там ни было, я устал, Сатрея. Твое упрямство играет не только против тебя, но и против меня, против всего рода. А потому я больше не могу потакать этим капризам. Через три дня мы отправляемся к Вирсейрам, где подпишем брачное соглашение и отпразднуем вашу с Торрелом помолвку. А до тех пор, увы, тебе придется оставаться здесь. Мне жаль, что ты вынуждаешь меня идти на крайние меры. Великий свидетель, я пытался быть мягким.

Маорелий вздохнул и поднялся, явно собираясь уходить.

— Скажи, — мой голос прозвучал глухо, — что будет со мной, если твоя очередная любовница забеременеет?

Маорелий обернулся. Взгляд его стал напряженным.

— Если появится чистокровный отпрыск, необходимость во мне исчезнет. Ты ведь на это рассчитываешь? — продолжила я, чувствуя растекающуюся по языку горечь. — Получить компенсацию за принятие Торрела в род, потом избавиться от меня, как только я перестану быть последней носительницей крови. От Торрела ты тоже планируешь избавиться? Или оставишь его при себе, как подобранныго щенка?

Маорелий молчал. Черты его лица заострились, желваки заходили, а крылья носа затрепетали от частого дыхания, выдавая обуревающую демона ярость. Вот только страха я не испытывала, одно лишь разочарование.

— Я давал тебе шанс остаться в доме твоей матери, — наконец заговорил Маорелий. Его голос звучал глухо, словно каждое слово ему

приходилось выталкивать из себя силой. — Предлагал провести жизнь тихо, в безопасности. Ты сама сделала выбор. Теперь не смей жаловаться. Ты стала Рингвардаад, и отныне груз ответственности за будущее рода лежит и на твоих плечах.

Я спокойно встретила гневный взгляд:

— Ответь, если бы я так и осталась прятаться в лесу, а потом твоя любовница все же забеременела и, допустим, родила бы не мальчика, а девочку... ты бы сохранил мне жизнь? Ведь в таком случае я бы все равно оставалась первой наследницей по очередности рождения. Так ответь: позволил бы ты мне жить?

Маорелий молчал долго. Даже слишком. Нервы натянулись, точно струны виолончели, казалось, коснись их, и в воздухе низкой вибрацией разойдется звук.

— Нет, — наконец выдохнул демон.

Я грустно дернула уголок губ и кивнула, без слов принимая ответ и благодаря за честность. Маорелий тоже кивнул. Еще секунды две или три вглядывался в мое лицо, потом открыл портал и, не прощаясь, исчез.

Три дня показались вечностью. Очень однообразной, скучной вечностью. Я изводила себя мыслями, искала ответы на одни и те же вопросы, бесцельно выматывала себя движением. Книги мне не передавали. Кроме Грамеди, приносившей еду и забиравшей потом полные подносы, никто не навещал меня. Не знаю, ради чего я устроила эту глупую голодовку. Возможно, из пустого упрямства я желала доказать и демонам, и самой себе, что от меня еще что-то зависит. Что я все еще могу принимать решения. Хоть какие-нибудь.

Лишь на исходе третьего дня в гостиной моих покоев вновь появился Маорелий. Привычно опустился на диван и вперил в меня хмурый взгляд. Я молчала. С ногами забралась в кресло и глядела не менее угрюмо. Заговаривать не спешила. Маорелий тоже молчал.

Тишина затягивалась. Воздух между нами, казалось, уплотнился и стал похожим на желе. Даже мелькнула мысль ткнуть в него пальцем, убедиться в его липковатой упругости. Но я не пошевелилась.

— Отказываться от еды глупо, — наконец заговорил Маорелий. — Мое решение от этого не изменится. Ты лишь ослабляешь себя.

Я не ответила. Перебирала один из сотни вопросов, успевших родиться в моей голове за время заточения.

— Скажи, — произнесла спустя какое-то время, — ты ведь специально не стал вдаваться в детали и особенности ваших брачных соглашений?

— Это ни на что не повлияло бы. Мы с Лерденом решили, что для обеих наших семей выгоден именно окончательный договор.

Я хмыкнула и качнула головой:

— Я не об этом. Ты специально сказал тогда о помолвке Кеорсена. Знал, что я пойму неверно и оттолкну того единственного, кто был на моей стороне.

— Это пустое увлечение, Сати, — вздохнул Маорелий. — Я понимаю, что ты привязалась. И отчасти ты права: покровительство Кеорсена хорошо помогало тебе поначалу. Но останься ты с ним, и число желающих тебе смерти стремительно возросло бы. Слишком многие главы семей основных и побочных ветвей надеются увлечь Кеорсена своими дочерьми. Он слишком крупная фигура, и мы действительно ему не ровня. Как долго длилась бы его увлеченность? А что потом? Где гарантия, что за это время Лерден бы не передумал заключать столь выгодный для нашего рода брак?

— А вдруг все было бы по-настоящему? — произнесла я, не сумев скрыть надежды в голосе.

Маорелий грустно улыбнулся:

— Ты выросла среди книг, дорогая. Но жизнь — не написанная история. В ней нельзя заглянуть на последнюю страницу и узнать, ждет ли нас всех счастливый финал. В жизни не всегда все идет так, как бы нам того хотелось. И чтобы потом не было горько, лучше не возлагать больших надежд на чудо.

— Но разве это не трусость? Прятаться от собственных чувств и желаний, опасаясь того, что может и не случиться. Я не хочу так... — качнула головой. — Не хочу тлеть, зная, что могу гореть пожаром. Не хочу, понимаешь?

Я с надеждой заглянула в синие глаза Маорелия. Сможет ли он понять меня? Хотя немного, самую малость. Сможет ли ощутить то же, что и я?

— Чувства слишком переменчивы, чтобы цепляться за них так самозабвенно. Когда живешь сотни лет, учишься смотреть на происходящее незамутненным взглядом. Теперь ты одна из нас, Сатрея, и тебе лучше выбросить из головы человеческие глупости. Только верный расчет может гарантировать тебе стабильность.

Я отвернулась. Не смог, не понял.

— Стабильность вас и губит, — произнесла тихо. — Убивает ваши эмоции, а с ними и желание жить.

Маорелий не ответил, я тоже больше не заговаривала.

Спустя минут десять тягучего молчания он поднялся с дивана.

— Мы пробудем в замке Вирсейров три дня. Празднование вашей

помолвки состоится на второй. Твои вещи соберет Грамедыя. А ты... просто постарайся вести себя хоть немного сдержанно. Не позорь себя и наш род.

Сказав это, Маорелий шагнул в портал.

Я осталась одна. Обвела взглядом пустую гостиную, задержалась на ненавистных решетках, потом еще сильнее сжалась, уткнулась лбом в колени и дала волю слезам.

ГЛАВА 11

Ощущение захлопнувшейся ловушки душило. Воздуха не хватало, приходилось делать частые неглубокие вдохи в попытке урвать хоть немного. Отчаяние навалилось, словно перьевое одеяло. Слишком тяжелое, чтобы его скинуть.

Неужели это конец? Неужели все мои решения, весь пройденный путь должен закончиться так? Безвольная, преданная, проданная... Столько вложенных сил и ради чего? Стать разменной монетой? Вещью?

Нет!

Я сжала губы и задержала дыхание до заплывавших мушек перед глазами. Потом жадно, глубоко вдохнула. Ворвавшийся в тело воздух пронесся ураганом и смел пораженческие мысли.

Пока соглашение не подписано, ничего еще не кончено. И до тех пор я не сдамся.

— Ну же, мышка, не смей трусить, — прошептали мои губы. — Ты же так рвалась доказать этим высшим, что они заблуждаются насчет полукровок. Так мечтала хотя бы попытаться изменить устоявшиеся порядки. Разве можно опускать руки? Место, которое ты хочешь занимать... где оно? — С каждым предложением мой голос все больше звучал интонациями Кеорсена.

Закрыв глаза, я представляла, что это он говорит мне. Стоит рядом, дразнит в своей привычной манере и не дает отступить. Рейшар утверждал, что Кеорсен — моя слабость. Вот только он ошибался. На самом деле Кеорсен — моя сила.

— Оно рядом с тобой, — произнесла я, глядя на темный силуэт леса за окном. — Теперь я знаю это точно.

Сомнения покинули меня. Вместе с ними исчез и страх.

Утром следующего дня я проснулась рано. Неспешно приняла ванну, привела себя в порядок, оделась, причесалась. Действовала размеренно и спокойно. Даже от завтрака решила не отказываться. Когда в дверном замке с шумом заворочался ключ, я отставила чашку с мятным чаем и встала. Безразлично скользнула взглядом по вошедшей и склонившейся в поклоне Грамее. Потом медленно зашагала за ней.

Спешить не хотелось. Говорить тоже.

Демоница искоса поглядывала на меня, но завести разговор не осмелилась. Только в порталном зале тихо позвала и с поклоном передала

подбитый мехом синий плащ. Я все так же молча приняла его и накинула на плечи. Вопросов задавать не стала, хотя в душе шевельнулось любопытство. Интересно, куда же мы должны перенестись, если приходится надевать верхнюю одежду?

Звук шагов отвлек меня от размышлений. Повернувшись к входу, я увидела Маорелия и Хемильдеора. Глава рода на ходу сухо оставлял последние указания, его верный пес изредка кивал. Поравнявшись со мной, демоны остановились. Маорелий одарил меня внимательным взглядом, нахмурился, потом отвернулся и принялся открывать портал.

Лишь когда по полу за клубился сизый туман, я на миг утратила самообладание. Сердце ускорилося, в волнении едва не ударяясь о ребра, дыхание сбилось. Но уже через секунду я смогла взять себя в руки. Сейчас нельзя поддаваться панике. Мельком глянула на Маорелия и, поймав его кивок, первой шагнула в голодный зев перехода. Следующий шаг раздался приглушенным хрустом снега под подошвами моих сапог. Я огляделась.

Метрах в пятидесяти впереди возвышался внушительных размеров замок с вытянутыми, точно цилиндры, башнями под голубоватой черепицей. По бокам от парадного входа стояли стриженные карликовые иглолисты в серых кадках. По стене, едва ли не от самой крыши, по обеим сторонам вдоль широких окон тянулись полотна синей и голубой ткани, расшитые золотыми розами.

Я не сдержала усмешки. Розы, как символично.

Снизу полотна крепились, судя по всему, на специальный поручень. Ветер надувал их как паруса, но не трепал подобно флагам.

— Смотри, Сатрея, — раздался сбоку голос Маорелия, — Вирсейры украсили замок ради нашего прибытия.

— Ради удачной сделки, — сухо поправила я.

— Для нас она тоже является таковой.

— Для тебя.

Маорелий отчетливо скрипнул зубами.

— А ты хочешь попытаться выжить самостоятельно? Уверена, что протянешь дольше пары дней? — зло зашептал он, пока мы неспешно шли к входу.

— Может, два дня на свободе для меня милее сотни дней, проведенных в заточении. Об этом ты не думал?

— Ты наследница рода, Сатрея. А наследникам часто приходится приносить собственные желания в жертву интересам семьи.

Я искоса взглянула на шагающего рядом демона. С одной стороны, теперь я лучше понимаю, чем он руководствуется и чего пытается

добиться. С другой, по-прежнему не в силах принять навязываемые правила. Просто не могу. И пусть сейчас любой высший поднял бы меня на смех, озвучь я крамольную мысль, но в сложившейся ситуации я не вижу особой разницы между жизнью рабыни и наследницы рода. У обеих, как выяснилось, нет возможности идти против чужой воли.

Чем ближе мы подходили к замку, тем беспокойнее становилось на душе. Однако сбегать прямо сейчас было бы глупой идеей. Маорелий догнал бы меня двумя мощными взмахами крыльев, а потом, не сомневаюсь, провел бы насильственную помолвку в кратчайшие сроки. Так что приходилось держать себя в руках. И я держала. Даже смогла растянуть губы в доброжелательной улыбке, когда мы приблизились к парадным дверям.

Нас встречали. Пышно, едва ли не с десятком слуг, жаждущих забрать наши плащи и отряхнуть обувь от налипшего снега. Запах свежих цветов, расставленных в вазах вдоль холла, кружил голову. От количества синеголубых украшений рябило в глазах.

— Маорелий, Сатрея! — радостно, точно самым дорогим гостям, улыбнулся Лерден. — Добро пожаловать в мой скромный замок!

Я еще раз бегло огляделась. Боюсь, скромными здесь казались только рабы, низко опустившие головы. Все остальное выглядело до того помпезным, что меня начинало подташнивать. Однако вслед за Маорелием я согнулась в положенном для гостей поклоне.

— Не стоит скромничать, — улыбнулся Маорелий, увлекаемый Лерденом в гостиную.

Я отстала на полшага в попытке хоть немного отгородиться от полной фальшивых восторгов беседы. Держаться старалась спокойно и расслабленно. Однако все же не успела подавить волну дрожи, когда меня резко схватили за предплечье.

— Вот мы и снова встретились. — Губы Торрела растянулись в хищной усмешке.

— А вы, махр Вирсейр, беспокоились, что этого может и не случиться? Право, не стоило. Я бы не пропустила встречу. Хотя бы ради того, чтобы не заставлять отца выслушивать ваши новые жалобы. Скажите, столь мужественное поведение принято среди всех высших? Или свойственно лишь вам?

— Брось ершиться, Рея! — фыркнул демон. — Твое упрямство бесполезно. Особенно теперь. До подписания соглашения остались сутки, и ты вряд ли успеешь придумать, как нарушить взаимовыгодную сделку двух родов.

— Меня зовут Сатрея, — холодно поправила я. — Можно махра Рингвардаад.

Торрел улыбнулся еще шире, а потом внезапно наклонился ко мне и, обжигая дыханием ухо, прошептал:

— Когда ты станешь моей, я заставлю тебя пожалеть о каждом резком слове, сказанном в мой адрес. Ты еще будешь со мной ласкова. Вот увидишь... Рея.

Первая половина дня вышла преотвратной. От искусственной улыбки сводило скулы, от намеков Торрела, которые становились все откровеннее, нутро обжигало гневом. Когда после обеда Лерден предложил устроить конную прогулку, я искренне поддержала идею. Пусть ненадолго, но можно попытаться избежать навязчивого внимания жениха.

Переодевшись в подходящую для верховой езды одежду, мы встретились внизу. Следуя за хозяином замка, вышли во внутренний двор и дошли до конюшни. К моему удивлению, Бердер был там, Лайтора — лошадь Маорелия — тоже.

Встрече с Бердером я обрадовалась. После нашего с ним бегства от Торрела я не успела толком поблагодарить умное животное. Подойдя вплотную, погладила его по вытянутой морде. Заглянула в темно-вишневые глаза и улыбнулась.

— Привет, Бер, — произнесла тихо. — Прости, что не приходила проводить.

Конь недовольно всхрапнул.

— Не могла, — ответила я. — И спасибо тебе, что заступился тогда. Одна я бы не справилась.

Бердер шумно кусал трензель и не сводил с меня внимательного взгляда. Конь будто специально тянул время, проверяя меня на выдержку. А после — ласково ткнулся мордой мне в ладонь. Горячее дыхание, вырывающееся из бархатистых ноздрей, защекотало кожу.

Я снова улыбнулась. Потом обошла коня и забралась в седло. Не так легко и грациозно, как это сделали высшие, зато сама.

— Эти места не только очень красивы, но и безопасны, — заговорил Лерден, по-хозяйски оглядывая окружающую нас природу. — Если захотите, можете изучить любые понравившиеся уголки, махра Сатрея. Здесь вам нечего опасаться. Да и Торрел, уверен, с удовольствием составит вам компанию.

— Разумеется, — с готовностью отозвался младший Вирсейр.

Я могла бы поспорить, что опасаться здесь стоит в первую очередь

самого Торрела, но не стала раздувать пустой спор. Он ничего бы не изменил. По крайней мере, в лучшую сторону. А вот провоцировать высших не хотелось. Маорелий и без того, казалось, был готов связать меня и заточить в новой клетке, опасаясь, что я найду способ сбежать.

— Благодарю за гостеприимство. — Я подарила Лердену вежливую улыбку.

Старший Вирсейр кивнул. Он держался очень радушно, словно наше общество действительно доставляло ему удовольствие, но в глубине голубых глаз плескалось скрытое презрение. Я научилась хорошо различать эту эмоцию — слишком много раз видела ее в праздничную ночь.

Несмотря на всю выгодность сделки, Лерден не смог пересилить свое отвращение к полукровкам. Видимо, именно поэтому уже в следующий миг он отвернулся и переключил все внимание на Маорелия. Я не сдержала кривой усмешки.

Наконец прогулка началась. Лошади ступали очень аккуратно, проваливаясь копытами в мягкий снег, но в то же время двигались довольно уверенно. Не знаю уж, чувствовали ли они, что дорога здесь не таит неприятных сюрпризов, или просто доверяли всадникам, но мне понравилось их полное достоинства спокойствие.

Заснеженное поле скоро сменилось рощей. Деревья стояли неплотно друг к другу, их ветки тянулись вверх, не чиня препятствий зазевавшемуся ездоку. Сама природа будто радушно приветствовала четырех всадников.

Маорелий с Лерденом держались чуть впереди, обсуждая будущее подписание брачного соглашения. Я, не желая слушать подобное, приотстала. Зимнее спокойствие в лесу навевало умиротворение, и если бы не держащийся рядом Торрел, думаю, прогулка могла бы мне понравиться.

— Не заскучала? — заговорил демон, нарушая звучанием голоса природную гармонию.

— Нисколько. Мне нравится тишина в лесу.

Торрел усмехнулся. Некоторое время помолчал, искоса поглядывая, потом снова повернулся ко мне всем корпусом:

— Любишь тишину, говоришь? — Голубые глаза прищурились. — Предлагаю соревнование наездников: если победишь ты, я обещаю прекратить надоедать тебе своим обществом вплоть до заключения брака. Если выиграю я, ты перестанешь держаться со мной столь колюче.

С ответом я не спешила. С одной стороны, выгадать себе хоть несколько дней без навязчивого внимания Торрела казалось заманчивой идеей. С другой — я не переоценивала собственные силы — как наездник Торрел намного опытнее меня.

— Рея, ну давай! — настаивал он.

— Если выиграю я, — повернувшись, я решительно посмотрела на демона, — ты не только прекратишь досаждать мне своим обществом, но и больше никогда не сократишь мое имя.

— Никогда?

— Никогда.

Торрел на мгновение недовольно поджал губы, но уже в следующий миг растянул их в усмешке:

— Что ж, тогда и я добавлю условие. Если победа окажется за мной, то я смогу обращаться к тебе, как сам того пожелаю.

Предложение мне не понравилось, но для отказа причин не нашлось. Все честно: по два условия с каждой стороны.

Рассудив так, я кивнула.

— Где проведем соревнование?

Взгляд Торрела полыхнул торжеством, словно мысленно он уже праздновал победу.

— За мной. — Он развернул коня и двинулся вглубь леса. Я повторила его маневр. — В одном крыле отсюда есть ущелье. Спустимся в него и там устроим скачки.

До нужного места мы добрались минут за двадцать.

— Побеждает тот, кто первым домчится до конца ущелья? — уточнила я.

— Что? — Торрел нахмурился, а потом захохотал. — Нет, конечно! Это было бы слишком просто и скучно! Здесь мы начнем наш забег, а вот закончится он у южных ворот замка.

— Ты не говорил. — Я нахмурилась. — Мне казалось...

— А ты не уточняла, — оскалившись, перебил демон.

— Это нечестная гонка, здешние земли тебе знакомы. Мне — нет.

— Что, Рея, уже готова сдать?

Насмешка, так отчетливо прозвучавшая в голосе высшего, разозлила.

— О, не стоит прожигать меня алым взглядом, дорогая, — снова рассмеялся демон. — Я дам тебе подсказку: следуй за солнцем, оно приведет тебя к замку. Увидимся на финише... Рея. — Оскалившись, Торрел стеганул коня поводьями и сорвался с места.

— Проклятье!

Я пришпорила Бердера.

Ущелье напоминало извивающуюся змею. Поросшие кустами и тонкими кривоватыми деревцами склоны изгибались, ведя одним им известным коридором. Торрел все сильнее уходил вперед. Снег вырывался

из-под копыт его коня тяжелыми комьями. Разрыв между нами становился все больше. И когда ущелье вновь вильнуло, я окончательно потеряла Торрела из виду.

— Давай, мой хороший, мы не можем проиграть, — шептала я Бердеру, пригибаясь к мощной шее.

Свистящий ветер заглушал мой голос и ощутимо покусывал за щеки. Полы тяжелого плаща вздымались, точно крылья. Бердер шумно выдыхал, пуская из ноздрей клубящиеся облака пара. Казалось, он тоже не желал проигрывать. Не Торрелу — его коню. Не удивлюсь, если мои команды умное животное вообще воспринимало краем уха. Бердер сам решал, когда ускоряться, когда замедляться, чтобы вписаться в очередной изгиб дороги.

Наконец мы вылетели за поворот, за которым ранее скрылся Торрел, и на секунду я растерялась. Торрела не было.

Где он? Исчез за новым виражом?

Под ложечкой защекотало. Что-то не так. Не мог он так быстро домчаться до следующего изгиба — прямой участок дороги здесь довольно длинный. Куда же он подевался?

Однако все мысли разом вылетели из головы, когда по ущелью, расходясь тяжелым эхом, пронесся низкий гортанный рык.

ГЛАВА 12

Я рывком обернулась. Оставшийся за спиной поворот скрывал пройденный отрезок пути, рождая и укрепляя в душе панику. Что там? Кто там?

— Быстрее, Бер, быстрее, — взмолилась я, испуганно щелкая поводьями.

Конь заржал, словно разделяя мои страхи, и припустил изо всех сил.

Новый рык прокатился по ущелью волной. Огромной, сильной, едва не выбившей меня из седла. Я снова обернулась. Пока чисто.

Сердце стучало в такт гулким ударам копыт. Ритмично, быстро. Очень быстро.

Сначала я не поняла, что изменилось, только почувствовала, как нервно дернулся Бердер. А потом заметила расползающуюся по снегу уродливую тень. Я вскинула голову и застонала.

Трое огромных низших кружили над ущельем, преследуя выбранную жертву — меня.

Каждую клеточку в моем теле сковало ужасом. Ледяные пальцы страха скользнули под кожу, пробрались к самому сердцу и обхватили его капканом.

Не уйти. Не сбежать. Не выжить.

— Быстрее, Бер, быстрее! — закричала я, подстегивая коня. — Пожалуйста, быстрее!

Одна из теней отделилась от общего пятна и начала стремительно увеличиваться в размерах. Я глянула через плечо. Низший пикировал, жадно выставив вперед острые когти.

Не думая, поддаваясь инстинктам, я резко дернула правый повод. Бердер метнулся вбок, испуганно заржал, когда огромная лапа распорол воздух совсем близко от нас, и побежал еще быстрее. Что самое ужасное — я понимала: это предел его возможностей. Он и так несется во весь опор. И осознание неизбежного стягивало внутренности узлом.

— Не сдавайся, Бер, держись!

Отпустив поводья, я полностью доверилась коню. Сама же попыталась сконцентрироваться на заклятиях, оплетающих низшего. Пальцы дрожали, тело дрожало, даже мысли — и те, казалось, заходились трусливой дрожью. Мне никак не удавалось унять ее. Но что еще хуже, мне не удавалось сосредоточиться.

Демон зарычал и вновь кинулся ко мне. Бердер внезапно затормозил, поднимая снежную волну. Когти низшего пролетели в сантиметре от моего плеча.

Не теряя ни секунды, конь сорвался с места, огибая демона, с силой отталкиваясь ногами от снега. В каждом движении животного чувствовалось отчаянное, упрямое желание уйти. Такое же сильное, какое испытывала я.

Кружащие в небе низшие зарычали, прижали крылья к бокам и ринулись вниз. Я же снова попыталась сосредоточиться на плетениях, что окутывали их. Защитные, блокирующие, лечащие... Контратакующие! Не уверена, что они называются именно так. По правде сказать, я вообще не представляю, какое именно заклятие окрестила «контратакующим». Но тонкие иглы, торчащие из кожаных ремешков, перетянувших грудь демона, казались достаточно агрессивными.

Не позволяя себе усомниться в принятом решении или собственных силах, я перехватила вектор потоков и развернула его внутрь. Когда невидимые иглы вошли в тело низшего, над ущельем разнесся его яростный, полный боли рык. Демон упал.

Непонятно, убила я его или ранила, но сейчас это казалось неважным. Главное — он перестал за мной гнаться. А вот двое его синекожих собратьев отступать не собирались.

Впереди, стремительно приближаясь, показался плавный подъем — шанс выбраться из ущелья! Но хватит ли у нас времени? На принятие решения оставалось не больше секунды.

— Бер, вверх! — скомандовала я, сжимая коленями сильные бока. — Мы должны успеть!

Конь понял меня и, не сбавляя темпа, пролетел треть подъема. Потом начал замедляться. Уклон оказался круче, чем я думала.

Низшие нагоняли нас. Поймав мой взгляд, они рывком сорвали с груди ремни с вплетенной в них контратакующей магией. Я запаниковала.

Что? Что теперь? Чем мне защищаться?

Но уже в следующую секунду я отвесила себе мысленную оплеуху. Я могу паниковать сколько угодно... но после. Если выживу. Сейчас нужно собраться.

Бердер продолжал упрямо взбираться, низшие — стремительно приближаться. Я скользила по ним взглядом, пытаясь найти подходящее заклинание. Но, судя по всему, иглы были единственным опасным заклинанием. Взвинченный разум искал выход, спешно отметал один вариант за другим.

Новая идея показалась безумной, но обдумывать ее времени не было. Перехватив контроль над фиксирующим плетением, я накинула его на крыло более крупного низшего и рывком стянула в точку. Хруст сломанного крыла я слышала даже сквозь раскатистый рык демона, глухой стук удара, с которым он грохнулся наземь, и шумное дыхание Бердера.

Остался один. Спешно стягивая наручи, браслеты и серьги с вплетенными в них заклинаниями, он снимал щиты. Лишал меня возможности напасть.

Подъем закончился, и мы вылетели на узкую лесную тропу, явно не предназначенную для поездок верхом. Ветки деревьев нависали низко, вынуждая едва ли не вжиматься в тело коня.

Бердер петлял как мог. Перескакивал торчащие корни, огибал укрытые снегом кусты, продирался через колючие заросли. В воздухе запахло кровью. Глянув вниз, я увидела, что Бер разодрал правый бок. Но при этом продолжал бежать.

В неудобной тропе есть свои плюсы — летать над ней оказалось невозможно. Демону пришлось перейти на бег. Он двигался быстро, очень быстро... но все же грайсерский конь двигался быстрее.

Когда мы оторвались настолько, что низший скрылся за очередными зарослями остролиста, я шумно выдохнула. Неужели все? Мы спаслись?

Тугой узел в груди медленно ослабевал. Бердер продолжал бежать, и пока я не видела смысла просить его остановиться. Лучше убраться отсюда как можно дальше. Пусть хотя бы и в замок Вирсейров. Нужно только держаться солнца.

Запрокинув голову, я попыталась понять, в какую сторону ехать. Густое переплетение веток мешало, широкие стволы превращали окружающий мир в полное черных столбов пространство. В какую же сторону?

Внезапный треск оглушил, меня выкинуло из седла и швырнуло в сторону. Удар пришелся на спину. С громким вскриком из груди выбило воздух, перед глазами взорвались алые искры.

Я слепо зашарила руками, пытаюсь упереться во что-нибудь и сесть. Низкий рык, звучащий все ближе, заставлял сердце заходиться испуганным биением. Где-то рядом громко заржал Бердер.

Щурясь в попытках вернуть зрению четкость, я разглядела своего коня. Он взволнованно переступал ногами, пятился, но не убегал, сознательно отвлекая внимание низшего на себя. Давал мне шанс прийти в себя.

Я встала, морщась от расходящейся по телу боли, огляделась. Присмотрелась к одной из сломанных нижних веток. Длинную, крепкую — похожую на боевой шест.

Одним быстрым движением я оказалась рядом, подняла ее и встала в стойку.

— Ушел от него! — крикнула, возвращая внимание синеголового на себя.

Бердер и так сделал больше, чем я могла бы просить. Теперь мой черед защищать нас.

Демон молчал. Злобно скалился, точно дикий пес, и медленно скользил ко мне. На секунду я даже восхитилась — как такая машина может двигаться столь плавно?

А потом все изменилось. Атака вышла молниеносной. Вот нижний едва ли не плывет, а вот стремительно летит на меня, словно спущенная с тетивы стрела.

Я уклонилась, развернулась и с силой ударила демона по спине. Отскочила назад, спасая лицо от длинных когтей, и тут же отбила новый выпад. С громким треском нижний выскочил из дерева горсть щепок. Мелкой трухой они взмыли в воздух и тут же разлетелись, подхваченные ветром.

Зарывав, нижний снова кинулся на меня. Я отпрыгнула, вскрикнула, когда когтистая лапища полоснула меня пониже плеча, но не остановилась. Попробовала достать демона снизу, отвлеклась и едва не проглядела бьющий, как хлыст, хвост. Не успевая уклониться, выставила блок.

Ветка захрустела. Натужно, опасно, явно предупреждая. На мгновение все внутри меня замерло. Сломается? Выдержит? Выдержала.

Изловчившись, я ужалила демона неровным концом под ребра. Демон протяжно заревел, а потом резко взмахнул крыльями и сбил меня с ног упругим потоком воздуха. Следом напал сам.

Я перекатилась по снегу, закричала от полыхнувшей в бок боли, рывком вскочила на ноги и приняла на ветку новый удар. С громким треском мое оружие разломилось на две части. Отбросив более длинную, я осталась со второй, держа ее на манер короткого меча. Знаю, что это глупость — теперь ветка меня не защитит, — но и сдаваться без борьбы не собираюсь. За свою жизнь я буду сражаться до конца.

Протянутую ко мне когтистую лапу я отбила палкой, но вторая ухватила меня за горло, ощутимо сдавливая.

— Вот и все, полукровка, — оскалился демон, — больше бежать некуда.

Черные, без радужек, глаза казались пугающими провалами. Словно

два портала, поглотивших свет. Сама ночь, забытая Великим. Ждущее меня забвение...

Сильный порыв ветра заставил низшего замереть.

— Отпусти ее, — прозвучал сзади глухой рык, — и, клянусь Великим, я подарю тебе быструю смерть.

Низший обернулся на голос. Я тоже проследила взглядом и чуть не заплакала от облегчения — в нескольких шагах от нас стоял Кеорсен.

По телу низшего прошла волна дрожи. Приказ сильнейшего давил на него, заставлял подчиниться, но только демон не пошевелился.

— Не могу, — выдохнул он. — Я должен...

— Сати, будь хорошей девочкой, закрой глаза, — обманчиво мягко произнес Кеорсен.

Я подчинилась. Вздрыгнула, когда рука, удерживающая меня за горло, дернулась, но уже в следующий миг давление ослабло. В воздухе раздались протяжные, полные боли крики... Крики и звук разрываемой плоти. Потом к ним добавилось приглушенное бульканье. Затем все стихло.

— Тише, — раздался совсем рядом голос Кеорсена, — не смотри. Потерпи еще чуть-чуть.

С меня осторожно сняли рваный плащ, откинули его куда-то в сторону. Четыре коротких слова, и в воздухе запахло гарью. Новое заклинание, портал... но не рядом, а чуть в стороне. А после меня бережно укутали во что-то мягкое и, подхватив на руки, крепко прижали к себе.

Я уткнулась носом в вырез кофты, жадно вдохнула такой родной запах и с внезапной ясностью поняла: все будет хорошо. Теперь обязательно будет.

— Там были еще двое. — Я попыталась поднять голову и посмотреть в лицо демону, но меня сильнее стиснули в объятиях.

— Не волнуйся, они не придут за тобой. Они уже ни за кем не придут. — Его голос звучал глухо.

— Ты... ты не ранен?

Сердце на миг сбилось с ритма, стоило только представить, что Кеорсену больно, или нужна помощь, или...

— Я в порядке. Потерпи немного.

— А Бердер? Мой конь...

— Я отправил его порталом в конюшни своего замка. За ним присмотрят.

— Куда мы теперь?

— Пока никуда, — выдохнул Кеорсен. — Я пытаюсь успокоиться. Сати, не дергайся, — рыкнул он, стоило мне снова зашевелиться.

— Можешь опустить меня? Пожалуйста.

— Нет. — От груди высшего исходила ощутимая вибрация. Голос хрипел.

— Почему? — Я сглотнула.

— Не хочу, чтобы ты видела меня таким. Не хочу навредить тебе.

— Ты и не навредишь, — возразила я уверенно. Высвободила руку и, не открывая глаз, на ощупь нашла лицо Кеорсена. — Ты справишься, я знаю.

Он тяжело вздохнул.

— Сати...

— Пожалуйста, — я прижала ладонь к его щеке, — позволь мне увидеть тебя, убедиться, что ты в порядке...

Кеорсен опустил свою руку поверх моей, согревая прикосновением, и замер так на несколько секунд. Потом с усилием, точно борясь с самим собой, произнес:

— Хорошо. Только дай мне еще минуту.

Вернув в вертикальное положение, он придержал меня за плечи, помогая восстановить равновесие, и отстранился. В следующий миг с губ демона сорвалось приглушенное заклятие. Я не видела созданных плетений, только ощутила стянувшиеся потоки, почувствовала, как они облепили мужское тело и взметнулись вверх.

— Все, — выдохнул Кеорсен.

Медленно, не желая торопиться, я разомкнула веки. Потом так же неспешно оглядела демона. Миллиметр за миллиметром я изучала столь знакомое лицо, по которому успела соскучиться.

Сейчас оно казалось другим. Его черты заострились, стали не просто хищными — кровожадными, пугающими. Но я не испугалась. Ни их, ни темно-красных глаз. Я хотела видеть Кеорсена любым: расслабленным, хмурым, счастливым, беспокойным, злым. Я принимала его демоническую сущность и тех демонов, что жили в его душе. Я желала его. Всего. Без остатка.

Сейчас совершенно не важно: где мы, как он здесь оказался, что мы будем делать дальше. Он рядом, и это главное.

Подавшись вперед, я обхватила его лицо ладонями, встала на носочки и накрыла его губы своими.

Кеорсен не шевелился. Он замер, словно боялся дать себе волю. Меня же страхи не терзали. Обвив шею высшего руками, я прижалась ближе. Хотелось почувствовать его каждым сантиметром кожи, каждой клеточкой. Ощутить, что он действительно здесь, со мной. Я не думала, что именно

делала. Отдавшись во власть эмоций, я наслаждалась моментом. Тянулась своей душой к душе Кеорсена.

Следуя порыву, я прикусила нижнюю губу демона, и это отрезвило его.

— Подожди. — Он мягко отстранился. — Я сейчас... плохо контролирую себя.

— Это из-за крови низшего?

Да, я не видела, что он сделал с тем демоном, но слышала достаточно, чтобы понять: того нет в живых. Да и та секунда, которую Кеорсен попросил у меня, то заклятие... уверена, он избавлялся от следов крови. Но самым невозможным образом меня это не пугало. Напротив, я была благодарна и за спасение, и за заботу.

— Нет, — криво усмехнулся демон. — Это из-за твоей крови.

Я вспомнила нашу последнюю тренировку в замке Артенсейров. Как упала и расцарапала щеку, как Кеорсен признался, что запах моей крови его дурманит. Тогда царапина была пустяковая, сейчас у меня разодраны плечо и бок.

— Она тебя... злит? — уточнила я на всякий случай.

Кеорсен покачал головой.

— Манит.

Вся моя суть отзывалась на низкие рычащие звуки его голоса. Тянулась к демону и подталкивала стать ближе.

На принятие решения ушло не больше секунды. Скинув наброшенный мне на плечи плащ — большой, теплый, пахнувший Кеорсеном, — и не отрывая взгляда от серебристо-алых глаз, я принялась медленно расстегивать платье. Пальцы едва ощутимо подрагивали, спускаясь по длинному ряду от шеи к талии. С каждой новой пройденной пуговицей взгляд Кеорсена менялся. Алый цвет отступал, и его место все больше занимал белый, едва заметно светящийся, как луна.

Демон молчал, не трогал и не торопил. Он будто давал мне шанс остановиться, если я передумаю. Но только я не желала останавливаться. Расстегнула последнюю пуговицу и осторожно стянула рукав с раненого плеча. Тонкая сорочка на узких лямках, надетая под платье, не пострадала и теперь слегка холодила кожу, заставляя ту покрываться мурашками.

— Е-если хочешь, — сбивчиво выдохнула я, чувствуя, как запылали щеки.

— Ты понимаешь, что предлагаешь? — низким голосом, словно сдерживаясь из последних сил, спросил Кеорсен.

Я кивнула. Лизнувший щеки жар начал распространяться по всему телу. От волнения и затаенного предвкушения дыхание участилось. В

прошлый раз демон получил мою кровь силой, сейчас я отдаю ее добровольно. Я хочу ей поделиться. И часть меня приходила в восторг от осознания того, насколько Кеорсен жаждет того же.

Еще секунды три он боролся с искушением, а потом прикоснулся губами к моему плечу. Сначала мягко, ощутимо сдерживаясь, но с каждой секундой его движения становились все более жадными. Одной рукой, обняв поперек спины, он притянул меня к себе. Сжал и низко зарычал. Вибрация, родившаяся в его груди, передалась мне. Вздуроражила мою кровь и одурманила разум. Я податливо прогнулась, желая стать еще ближе, и прижалась всем телом.

Ощущения его рук и губ на моей коже, рождаемый ими трепет и нарастающее томление затягивали. Я тонула, захлебываясь собственными чувствами. Сгорала от прикосновений Кеорсена. Дышала им и задыхалась. Я умирала... Каждую секунду в его объятиях я умирала и возрождалась вновь.

Оторвавшись от моего плеча, он впился в мои губы. Его руки сжимали меня очень крепко, почти до боли — так, будто Кеорсен боялся, что я вырвусь и убегу. Но разве я могла бы? Нет, только не от него.

Запустив пальцы в его волосы, я прижалась еще теснее. Хотелось, чтобы между нами не осталось ни крупицы свободного места, чтобы даже юркий ветер не нашел возможности проскользнуть, чтобы ничто не могло разделить нас. Чтобы мы стали единым целым. Отдаваясь во власть ощущений, я вручала Кеорсену свое тело и душу. Они его. Вся я — его.

И точно услышав мои мысли, высший разорвал поцелуй и хрипло выдохнул:

— Моя. — Его низкое рычание отозвалось волной мурашек на моей коже.

— Твоя, — прошептала я, касаясь губами его губ. — Только твоя. Навсегда. И ты мой...

Кеорсен хищно улыбнулся. Лунно-белый взгляд полыхнул таким торжеством, что у меня самой, опьяненной, закружилась голова. В груди рождались слова, незнакомые, непривычные, но мне хотелось их произнести. Казалось, что-то подталкивало меня это сделать. И я поддалась.

— В тебе я черпаю силу и тебе возвращаю свою.

Фраза сорвалась с языка естественно и очень правильно. Так, словно именно сейчас для нее самое время.

— Что ты сказала? — Расслабленность Кеорсена вмиг испарилась.

ГЛАВА 13

Взгляд демона стал цепким, внимательным. Он скользил по моему лицу и постоянно возвращался к глазам. Заглядывал в них, будто отчаянно желая увидеть... что? Не знаю.

— Сати, — Кеорсен мягко встряхнул меня, вырывая из неги, — какого цвета мои глаза?

— Серебристого, когда ты спокоен, — заговорила я, следя за эмоциями демона. — Алого, когда зол, кроваво-красного, когда в бешенстве. — С каждым словом в его взгляде все отчетливее читалось затаенное ожидание и... надежда? — Молочно-белого, когда ты смотришь на меня, как сейчас.

Вместе с последними звуками Кеорсен шумно выдохнул и рывком прижал меня к себе. Его руки снова стиснули меня почти до боли. Сильно, жадно, с невысказанным отчаянием, как будто пытаюсь спрятать от мира что-то бесконечно ценное. Я не стала вырываться. С вопросами тоже не спешила. Сейчас единственно важным остались объятия Кеорсена, стук его сердца и дыхание, шевелящее мои волосы. Наша близость. И я позволила себе раствориться в происходящем, потерять счет времени.

— Почему ты не сказала мне этого раньше? — хрипло произнес Кеорсен спустя... сколько? Не знаю, не важно. — Когда ты впервые увидела белый цвет?

— Давно. Еще в твоём замке.

Грудь Кеорсена ощутимо поднялась и опустилась от глубокого вздоха.

— Как же мало ты о нас знаешь...

— Это что-то значит? — Я нашла в себе силы отстраниться. — Белый цвет — особенный?

— Ты даже не представляешь насколько. — Кеорсен улыбнулся и мягко очертил большим пальцем мой подбородок. — Это дар, взгляд Великого, которым мы смотрим на истинную пару.

На секунду показалось, что мир вокруг нас онемел. Не хрустел снег, срываясь с отяжелевших веток наземь, не шумел ветер, не скрипели стволы толстых краснолистов, облетевших по осени. Единственный звук, который я по-прежнему слышала, — стук собственного сердца. Частый, чуть напуганный, замирающий, надеющийся.

— Ты... я... мы... — Мысли путались, слов не хватало.

— Да, — медленно, явно наслаждаясь звучанием ответа и всего того, что за ним скрывается, проговорил Кеорсен.

Глядя в самые удивительные глаза, я не могла найти сил сделать вдох. Истинная пара... Мы истинная пара! Душа трепетала доверчиво и нежно, сердце пело. Однако один вопрос не давал мне покоя. Сизой тучей он набегал на чистое небо моего счастья.

— Это значит, ты не женишься на Верине, а мне не придется выходить замуж за Торрела? — спросила я серьезно.

Кеорсен улыбнулся:

— Я и не собирался на ней жениться. Соглашение мы подписали лет пятьдесят назад, да и то по настоянию моего отца. Дань традициям, ничего более. К тому же тогда я действительно не видел причин, почему стоит отказываться. Верина сильна, красива, из высокого рода. — Демон перечислял достоинства сестры Рейшара сухо, без особого интереса. Его чувств она явно не задевала... в отличие от моих.

Стоило только услышать ее имя из уст Кеорсена, как все во мне ошетинилось, точно маленький еж. В памяти всплыли картинки приема у Моргранов и вид златовласой красавицы, призывно прижимающейся к телу Кеорсена. Ее плавные жесты, ее грудной смех, ее тонкие пальцы, норовящие забраться в расстегнутый ворот мужской рубашки. Взор подернулся алой дымкой.

— А потом я встретил тебя... — продолжил демон с улыбкой, словно довольный моей реакцией. — И ты вызвала во мне столько эмоций, сколько никто и никогда не вызывал. Хочешь узнать, ради чего я подтолкнул Маорелия признать тебя наследницей его рода? Чтобы ты перестала считаться человеком в глазах высших. Мне плевать на мнение света, но я не хотел прятать тебя, не желал разрываться на два мира, в одном из которых меня бы обязали жениться на демонице. После праздника зимней ночи я сказал Рейшару, что не собираюсь связывать жизнь с его сестрой. Пусть не сразу, но он меня понял и аннулировал соглашение. Когда ты обо всем узнала, меня уже ничего не связывало с Вериной.

— Но почему ты не сказал мне?

— А ты бы поверила? — грустно усмехнулся Кеорсен. — Я хотел дать тебе время самой во всем разобраться. Мне был важен выбор, который сделаешь ты.

— Но если бы я ошиблась? Если бы поняла все неправильно, ты бы... отпустил?

— Нет. — Теперь на его губах расцвела самоуверенная, чуть насмешливая улыбка. — От своего я не отказываюсь. А ты — моя.

И пусть Кеорсен сейчас сказал, что вернул бы меня даже против моей воли, я не испытала злости. Напротив — одно лишь счастье. Чистое,

искреннее, незамутненное. Возможно, я привыкла к собственническим замашкам демона, но гораздо вероятнее, что в глубине души мне нравится ощущать себя принадлежащей Кеорсену. Ему одному.

Эмоции бурлили, подталкивали вновь спрятаться в объятиях демона и позволить себе хоть недолго побыть слабой. Но оставалось еще несколько важных вопросов.

— Маорелий знал, что ваше соглашение с Вериной отменено?

— Ты спрашиваешь, — Кеорсен прищурился, — сознательно ли твой отец тебе солгал? — Я кивнула. — Не знаю, мышка. Но обязательно это выясню. Как и то, почему он тогда сказал мне, что ты не желаешь меня видеть.

— Что?!

— А ты думала, почему я был в таком бешенстве, когда вломился к тебе? — хмыкнул он. — Получается, старый жук провел нас обоих. Придется спросить с него за все... — В голосе Кеорсена прозвучали опасные ноты, не сулящие Маорелию ничего хорошего, но я не стала за него заступаться. Знала, Кеорсен не убьет его, а все остальное меня не интересует. Маорелий сам затеял опасную игру, пытаюсь влиять на сильнейшего высшего, и должен был понимать, чем рискует.

Будто подслушав мои мысли, Кеорсен произнес:

— Пора заканчивать партию Маорелия.

В следующий миг он магией поднял сброшенный мною плащ, укутал меня, подхватил на руки и шагнул в открывшийся портал.

Вышли мы в холле первого этажа замка Вирсейров. На наше появление среагировала магия, предупреждая хозяина о вторжении. И в следующий миг из нового ока перехода появились Лерден с Маорелием, а за ними и Торрел.

— Сатрея! — В голосе Рингвардаада прозвучало такое искреннее облегчение, что на секунду я растерялась.

Он волновался?

Но за кого? За наследницу рода или за меня, Сатрею?

— Махр Артенсейр, — а вот голос Торрела едва не звенел от сдерживаемой ярости, — я прошу вас отпустить мою невесту. Рея, иди сюда.

Я мысленно поморщилась от ненавистного сокращения, однако тут же замерла, отчетливо ощутив расходящуюся от груди Кеорсена вибрацию.

— Не смей даже смотреть в сторону моей истинной, — прорычал он, — иначе, клянусь Великим, я разорву тебя на куски.

Не знаю, каким сейчас был взгляд у Кеорсена, но отступили все трое:

и Торрел, и Лерден, и даже Маорелий.

Первым в себя пришел Маорелий. Недоверчиво глядя то на меня, то на Кеорсена, он выдохнул:

— Истинной?

Артенсейр не удостоил его ответом. Я же каким-то шестым чувством вдруг поняла — Кеорсен пытается сдержаться и не сорвать зло на Маорелии. За то, что солгал мне, что солгал ему, что пытался связать меня брачным соглашением с Торрелом и противился моим встречам с Лунарой. И я почему-то не усомнилась: о запрете Маорелия на мое общение с Артенсейрами Кеорсен тоже знает.

— Лерден, — он повернулся к хозяину замка, — может, объяснишь мне, почему на твоей земле происходят нападения?

— Я сам пытаюсь это выяснить, махр, — с поклоном ответил старший Вирсейр. — Мы были на конной прогулке, Торрел с Сатреей отделились. Я решил не мешать молодым узнать друг друга ближе... — Взглянув исподлобья на Кеорсена, Лерден склонился ниже. — Потом вдруг почувствовал мысленный вызов от сына.

Жестом остановив его, Артенсейр повернулся к Торрелу. Тот понятиливо кивнул и продолжил:

— Я предложил Рее... махре Рингвардаад, — исправился он, — устроить небольшое соревнование. Довольно скоро мне удалось вырваться вперед, но тут будто ниоткуда появился низший...

— Один? — сухо перебил Кеорсен.

— Да, махр. Я решил увести его за собой, надеясь таким образом обезопасить махру Сатрею. Выбравшись из ущелья, я сразился с ним.

— Убил?

— Нет. — Торрел качнул головой. — Связал магическими путами второго порядка и доставил в замок. Я хотел понять, как он осмелился напасть на землях нашего рода и кто его послал. Но он молчит.

— Еще что-то?

— Я собирался отправиться на поиски махры Сатреи в самое ближайшее время, — горячо заверил Торрел.

Я же грустно улыбнулась. В самое ближайшее время. Если бы не Кеорсен, в самое ближайшее время Торрел обнаружил бы мой истерзанный труп.

— Где сейчас низший?

— В подвале замка, махр, — ответил вместо сына Лерден. — Если желаете, я провожу.

— Желаю.

Кеорсен говорил отрывисто, сухо. Он допрашивал и отдавал приказы. Как никогда остро я ощутила его силу, превосходство над другими высшими и тот страх, что он вселяет в них. В остальное время Кеорсен будто сознательно глушил исходящие от него волны мощи, не желая давить на окружающих без причины. Сейчас же в нем изменилось все: голос, манера держаться... Взгляд тоже, думаю, изменился. Но я не видела его, прижатая к сильной груди. Все, что мне оставалось, — следить за лицами присутствующих.

На лице Лердена читалось замешательство. Он, казалось, не мог поверить, что на его земле случилось покушение, причем на его собственного сына. Попытка убить меня, уверена, не сильно беспокоила старшего Вирсейра.

Торрел глядел злобно. Не яростно, а именно так, словно заранее искал возможность отомстить за ущемленное самолюбие. И это заставляло нервничать.

Маорелий же выглядел потрясенным. Только, думаю, потрясло его не покушение, а осознание того, что он пытался разлучить истинных. Из рассказов Торрела я поняла, что истинные пары — благословение Великого, явление редкое и бесконечно ценное. А Маорелий, получается, пошел против божественной воли.

Едва Кеорсен выразил желание увидеть плененного низшего, как Лерден поспешил открыть портал. Пройдя через него, мы оказались на одном из подземных этажей замка. Наверняка утверждать сложно, но окон я нигде не заметила, да и покрытые влагой стены говорят в пользу моего предположения.

Лерден первым двинулся по коридору, ведя нашу процессию по лабиринту узких ходов. Я по-прежнему оставалась на руках у Кеорсена и честно признаюсь, подобное положение меня устраивало. Крепкие объятия дарили ощущение безопасности, защищенности, и сейчас это единственное чувство, которое я хотела испытывать.

Мы шли минуты три-четыре, пока не остановились напротив низкой каменной клетки, отгороженной толстой решеткой. За ней, скованный цепями и в широком ошейнике, сидел низший. Его правое крыло было порвано и сломано в нескольких местах. Грудь, руки и бок покрывали длинные неровные порезы. Один глаз заплыл, но второй глядел настороженно, цепко.

— Кто послал тебя? — требовательно произнес Кеорсен.

Демон вздрогнул от звуков его голоса. Согнулся, точно ощущая тяжесть вопроса, но упрямо мотнул головой.

— Отвечай, когда тебе приказывают. — От груди Кеорсена вновь распространилась низкая вибрация.

Мельком глянув на высших, я с удивлением заметила, что те еле держатся. Лица их побелели, губы подрагивали. Они тоже ощущают силу первого среди них?

Низшего затрясло. Я переключила внимание на него, с напряжением ожидая ответа. Но демон молчал. В какой-то момент, видимо теряя самообладание, он запустил пальцы в раненое предплечье. С силой сдавил их, пуская по синей коже темные ручейки крови, зарычал от боли и, запрокинув голову, ткнулся рогами в стену.

Его нежелание отвечать пугало. Кто же его заказчик, что низший предпочел истязать себя, лишь бы не отвечать?

— Вызвать темных, — бросил Кеорсен Лердену, — пусть общут его.

Тот спешно отправил мысленный приказ, и уже через несколько минут из-за поворота вышли двое темных, облаченных в грифельно-серую форму.

— Обыскать. Если что пропустите — отвечать будете передо мной лично, — распорядился Кеорсен.

Поклонившись, темные подошли к клетке, с противным лязгающим звуком отворили ее и нырнули внутрь. Они действовали молча. Низший рычал, дергался, гремя цепями, пытался уклониться от цепких пальцев темных. Но тщетно.

Отчаяние пленника ощущалось слишком остро, чтобы и дальше смотреть на происходящее. Я отвернулась. Спрятала лицо на груди Кеорсена и с благодарностью почувствовала, как он крепче прижал меня к себе. Совсем как во время первого рассвета нового солнца — Кеорсен не спрашивал, а интуитивно понимал, что мне нужно, и давал это.

— Махр, — судя по голосу, один из демонов вышел из темницы, — мы нашли это.

Я повернулась и увидела лежащий на широкой ладони браслет. Ряд золотых камней, вытянутых, как миндаль, едва заметно поблескивал в приглушенном свете подземелья.

— Желтый турмалин? — удивился Лерден.

Словно не веря глазам, он подался вперед и вгляделся в украшение.

— Действительно он, — растерянно выдохнул высший. — Но тогда... — не договорив, он замолчал.

— В чем дело? — не выдержала я.

— Желтый турмалин — камень рода Моргранов, — мрачно пояснил Кеорсен.

ГЛАВА 14

Мы вернулись в гостиную, празднично украшенную в голубые и синие цвета. Хмуρο оглядев убранство, Кеорсен опустился в кресло. Меня при этом из рук не выпустил — так и усадил к себе на колени.

— Сатрея, дорогая, — первым заговорил Маорелий, — ты... ты действительно... — Он растерянно посмотрел на Кеорсена и вновь вернулся взглядом ко мне.

— Да. — Я улыбнулась.

— Но... но соглашение...

— Отменяется, — холодно произнес Кеорсен. — Я забираю Сатрею с собой.

— Боюсь... это все же невозможно, — вздохнул Маорелий и, прежде чем Артенсейр мог бы возмутиться, продолжил: — Сатрея — наследница моего рода. Она не вправе покинуть дом Рингвардаадов, а значит, и связать себя с наследником или главой другого дома. Выбранные пары переходят в их род, вы знаете это не хуже меня... — Под конец речи голос Маорелия зазвучал тише, а сам демон будто сжался под взглядом Кеорсена. — Таковы правила.

— Я помню. И я разберусь с этим. Надеюсь, на этом вопрос исчерпан?

— Не исчерпан! — Со своего места поднялся Торрел. — Сатрея обещана мне! Наш брак выгоден обеим семьям...

— Сядь, — приказал Кеорсен, и Торрела будто впечатало обратно в кресло.

На секунду даже показалось, что я успела разглядеть нити магии, тянущиеся от одного высшего к другому.

— Соглашение еще не подписано, а значит, ничего не решено.

— Но если бы... — вновь вскинулся Торрел, однако быстро умолк под взглядом Кеорсена.

— А если бы... — насмешливо протянул он, — то такие соглашения отменяются со смертью одного из подписавших. Ради истинной я бы не колебался ни секунды.

Угроза прозвучала слишком отчетливо. Она не давала возможности усомниться — Кеорсен серьезен. Если бы пришлось, он убил бы Торрела без раздумий.

Младший Вирсейр заметно напрягся, плотно сомкнул губы, но упрямого взгляда не отвел.

— Вы напомнили мне о правилах, уважаемые махры, — продолжил меж тем Кеорсен. — Позвольте и мне напомнить вам о них. Истинные пары неприкосновенны. Противиться союзу, благословленному самим Великим, — преступление. И за соблюдением этого правила я буду следить особенно тщательно.

Лерден хмуро кивнул. За ним поспешно кивнул Маорелий, признавая право сильнейшего. Торрел не пошевелился, только еще плотнее, до проступивших желваков, стиснул челюсти.

— Что делать с низшим, махр? — уточнил Лерден.

— Наложить заклятие стазиса и переправить в мой замок. Живым. Расследование этого покушения я беру на себя.

Кеорсен поднялся. Следом за ним встали и остальные высшие.

— Сатрея... — Маорелий бросил на меня короткий взгляд.

— Отправляется со мной, — закончил фразу Артенсейр. — Не стоит переживать. Я позабочусь о наследнице Рингвардаадов.

Маорелий дернулся. Только я не поняла, от чего именно: то ли хотел возразить, но осадил себя в последний момент, то ли воспринял сказанное Кеорсеном на свой счет — ведь сам Маорелий, даже будучи главой рода, не смог защитить собственную наследницу.

Однако причины меня не интересовали. На прощанье скользнув быстрым взглядом по присутствующим, я уткнулась носом в шею Кеорсена и прикрыла глаза. Ощутила закручивающиеся потоки портала и мысленно улыбнулась, когда держащий меня демон шагнул вперед.

— С возвращением. — Кеорсен дыханием пошевелил мои волосы.

Я встала и оглядела успевшую позабыться спальню моих покоев в замке Артенсейров. Потом повернулась к демону и хотела было спросить, каков наш дальнейший план, но не смогла — Кеорсен закрыл мне рот поцелуем.

Впервые он целовал меня с такой нежностью. Не со страстью, не с желанием утвердить свое право на меня, а так, словно он дышал моим дыханием. Словно в моей груди билось его сердце. Словно у нас была одна душа на двоих, хрупкая и бесконечно прекрасная.

Напряжение постепенно отпускало Кеорсена, я чувствовала это. Ощущала, как под моими пальцами расслаблялись сведенные мышцы, как спокойнее, вздымалась сильная грудь. Оторвавшись от губ демона, я заглянула в горящие белым светом глаза.

— Только в собственном замке ты чувствуешь себя в безопасности? — спросила с улыбкой.

— Нет, — качнул он головой. — Только когда уверен, что в

безопасности ты. А лучше всего — рядом со мной. В моем замке.

Каждое слово согревало, наполняло мое тело легкостью.

— Мне казалось, я разучился чувствовать страх. Но, увидев тебя там, в лесу, в лапах низшего, я испугался. Я чувствовал запах твоей крови, но не понимал, насколько серьезно ты ранена. И эта лапа на твоей шее... — Демон опустил веки, пряча под ними алеющий взгляд.

Даже воспоминания рождали в Кеорсене злость и жажду крови.

— До сих пор меня не отпускает страх, что я мог не успеть... — едва слышно признался он, а уже в следующий миг посмотрел на меня требовательно, с недовольством. — Почему ты не попросила помощи раньше? Луна же была рядом с самого начала!

— Что? Но откуда ты... — Не договорив, я растерянно замолчала.

— Откуда я знаю? — понимающе усмехнулся он. — Я сам приказал ей держаться поблизости. Знал, тебе может понадобится помощь, и хотел быть уверен, что тебе будет, у кого ее попросить.

Мозаика постепенно складывалась, появлялись объяснения вещам, ранее казавшимся странными. Вот и мотивы Лунары обрели ясность. Только отчего-то я не испытала радости. Получается, маленькая демоница помогала мне лишь по приказу?

— Не хмурься, — улыбнулся Кеорсен, проводя указательным пальцем по моему лбу. — Лу обрадовалась моей просьбе. Она тоже переживала, что мир высших слишком жесток для одной доверчивой полукровки. Пока мы с Реем копали под Совет, Лу оберегала тебя.

— С Реем? — эхом переспросила я. — Он все это время был с тобой?

Кеорсен кивнул.

— Почему ты спрашиваешь? — нахмурился он.

Я не спешила с ответом.

Если Рейшар помогал Кеорсену, выходит, он на нашей стороне, и причин убивать меня у него нет. Но кто же тогда послал мне отравленные розы? И почему имя Рея указали на карточке? Неужели...

Сразу несколько кусочков мозаики сложились и дополнили картину. Но прежде чем делать выводы, хотелось убедиться в верности догадок.

— Я... мне нужно с ним встретиться, — попросила я, заглядывая в глаза Кеорсена. — А потом, обещаю, я расскажу тебе все.

Тучи сгущались. Буря, которую так жаждал Рейшар, набирала силу, крепла день ото дня и теперь была готова обрушиться на его род. Вот только готов ли сам Рей к ее удару? Несмотря на все подозрения, я переживаю за него.

Я помню наши совместные тренировки и игру в снежки, его подначки и шутливые провокации Кеорсена, его лукавые улыбки и горящие золотом глаза. А еще я помню, как он смотрел на меня, ведя в танце под зачарованным снегопадом. В том взгляде не было зла или презрения — лишь затаенная нежность, столь не вяжущаяся с его привычным образом. Глупо отрицать, в глубине души я не верю в виновность Рейшара. Кеорсен, думаю, тоже.

Пообещав выполнить мою просьбу, он ушел допрашивать плененного низшего. Я тоже решила не отсиживаться в покоях и уже хотела было выйти, но вовремя бросила взгляд в ростовое зеркало. Даже закутанная в плащ, я выглядела плачевно. Растрепанные волосы, содранная скула...

Я распахнула тяжелые полы и продолжила изучать собственное отражение. Стянутое с одной руки платье, местами порванное, темные пятна запекшейся крови, проглядывающая в расстегнутый вырез тонкая сорочка. Я выглядела не просто плачевно, а жалко.

Нет, так не пойдет. Оставив плащ на кресле, я решительно двинулась в ванную. Там пустила воду и, как была в грязной одежде, забралась в купель. Возможно, не самое верное решение, но не хотелось силой отдирать ткань, прилипшую к покрытым корочкой ранам.

В горячей воде кожу защипало. Причем до того сильно, что пришлось закусить губы, чтобы только сдержать стон. Медленно, стараясь не сделать себе еще более резким движением, я принялась стягивать платье, за ним — сорочку. Потом аккуратно обтерла пострадавшие плечо и бок, хмуро их оглядела. Благодаря демонской регенерации кожа стянулась, но на ней отчетливо проступали рваные следы, оставленные когтями низшего.

Интересно, исчезнут ли они со временем? Или так навсегда и останутся молчаливым напоминанием о ненависти этого мира к полукровкам?

Выбравшись из купели и кинув в угол мокрый комок вещей, я сменила воду и забралась обратно. Просить служанок о помощи не хотелось. Может, во мне говорит страх, но я не желаю показывать ни демонам, ни людям, что меня почти достали. Это может породить ненужные слухи, а вместе с ними и надежду довести начатое до конца. Лучше в глазах окружающих я останусь гостьей, приглашенной в замок Артенсейров его хозяином. Наследницей рода Рингвардаадов. Полукровкой. Кем угодно, только не жертвой.

Я провела в ванной еще с полчаса. Потом выбралась, укуталась в халат и прошлепала босыми ногами в гардеробную, где с удивлением обнаружила несколько платьев на вешалках. Странно, мне казалось,

Кеорсен перенес всю мою одежду в лесной домик. Может, некоторые из нарядов портные прислали с опозданием? Как бы там ни было, находке я обрадовалась.

После недолгих раздумий выбрала платье с пуговицами на груди. Такое я вполне могу застегнуть сама, не прибегая к помощи камеристки. Потом расчесалась, высушила волосы зачарованным гребнем и, захватив плащ Кеорсена, вышла в коридор.

Снующие слуги и рабы при виде меня почтительно кланялись. А стоило обратиться к ним с вопросом, где находятся конюшни, меня с готовностью проводили почти до нужного выхода из замка. Однако, несмотря на всю вежливость и показную доброжелательность, со мной держались настороженно.

Воспитанница Амарелии, подопечная Кеорсена, наследница Рингвардаадов... слишком быстро менялся мой статус. И рабов, привыкших пусть к суровому, но постоянству, подобные перемены пугали.

Поблагодарив указывающую мне путь девушку, я отпустила ее. Сама же накинула на плечи подбитый мехом плащ и с наслаждением зарылась носом в высокий воротник. Вещь пахла Кеорсеном. Я глубоко вдохнула, заполняя грудь манящим ароматом, — терпким, сильным, как и сам демон, и вышла во внутренний двор.

До конюшен я добралась быстро. Переступила порог и почти сразу же нашла взглядом Бердера.

— Привет, мой хороший, — улыбнулась, подходя к деннику. — Как ты?

Конь радостно всхрапнул и повернулся боком, демонстрируя оставленные ветками царапины. Сейчас их покрывал толстый слой темно-зеленой, сильно пахнущей мази.

— Щиплет? — догадалась я.

Бер согласно тряхнул гривой.

— Когда заживает, оно всегда так. Спасибо тебе... — произнесла искренне. — Ты большой молодец, Бер. Если бы не ты...

Конь подошел к краю денника и ласково ткнулся мордой мне в плечо. Я тихо зашипела. Специально или нет, но Бердер выбрал именно то, которое еще помнило когти низшего. Судя по хитрому взгляду вишневых глаз, — специально.

— Да, тоже щиплет, — призналась я. И вдруг поняла, что именно хотел передать конь. — Мы оба молодцы?

Бер выразительно закивал. Я улыбнулась и ласково потрепала его между ушей.

— Давай только постараемся больше ни во что не ввязываться?

На этот раз конь подарил мне выразительный, полный насмешки взгляд.

— Может, хотя бы попытаемся? — предложила я, чувствуя, как моя улыбка становится шире.

Разговаривать с Бердером было легко. Не знаю, в привязке ли дело или в характере самого коня, но я понимала его эмоции. Можно сказать, в какой-то мере приключение ему понравилось. Теперь, когда самый ужас остался позади, Бердер наслаждался тем, что мы справились и вышли победителями. Причем, сдаётся мне, собой он гордится особенно сильно.

— Ах, эти грайсерские кони просто потрясающие, не правда ли? — раздался от входа мелодичный голос.

Я подобралась, словно готовясь к новой битве, и повернулась к вошедшей. Сияя улыбкой, на меня внимательно смотрела Амадейна Марвада-Артенсейр.

ГЛАВА 15

Мать Лунары держалась очень расслабленно. Каждый шаг — сама грация, каждый жест преисполнен томной женственности. И только взгляд оставался цепким, внимательным.

— Доброго дня, махра, — сдержанно поприветствовала я.

Амадейна картинно взмахнула рукой, и в свете магических кристаллов блеснули драгоценные камни перстней, унизывающих тонкие пальцы.

— Ох, к чему эти формальности? — В певучем звучании ее голоса проступили капризные ноты. — Думаю, никто не умрет, если мы перейдем на «ты».

После пережитого в ущелье упоминание о смерти, пусть и в шутку, не нашло у меня понимания. Я нахмурилась.

Амадейна же, заметив это, вздохнула:

— Мне кажется, мы неправильно начали. Я пришла попытаться изменить это.

Мои брови непроизвольно изогнулись.

— Ради чего? — А вот голос, несмотря на удивление, прозвучал сухо.

— Ради Луны. Она испытывает определенные симпатии, я бы даже сказала — слабости к... тебе. — Амадейна осторожно перешагнула незримую границу и замерла, внимательно следя за моей реакцией.

Я не спешила с ответом. Вглядывалась в красивое лицо и пыталась понять, говорит ли она искренне или за ее словами сокрыты совсем другие мотивы. Бердер, казалось, тоже прислушивался к речам высшей. Он тихо всхрапывал и косил в сторону Амадейны вишневым глазом.

— Я верю своей дочери, — продолжила она. — Раз она беспокоится о тебе, значит, ты чем-то важна для нее, и я хочу понять, чем именно. Позволь мне узнать тебя, Сатрея. Хотя бы немного. — Подведенные алым губы дрогнули в улыбке. — Всего один вечер за бокалом хорошего лайденского вина — это ведь такая мелочь. Что скажешь? Ради Луны.

Вместе с последней фразой перед моим мысленным взором встало лицо девочки, уже не раз приходившей мне на помощь. Ее молочно-белые волосы, привычно собранные в два высоких хвоста, хитрый, слегка прищуренный взгляд и лукавая улыбка. Если действительно ради нее...

Чувствуя, что совершаю большую ошибку, я кивнула.

— Вот и договорились! — просияла Амадейна. — А теперь мне пора возвращаться в замок — надо еще уладить несколько вопросов с Кеорсеном

как с главой рода. Дела, дела. — Демоница качнула головой. — До встречи, Сатрея!

— До встречи, — отозвалась я, глядя в спину удаляющейся высшей.

Тревожные мысли не отпускали до самого ужина. Я хорошо помню первую встречу с Амадейной. Ее колкие вопросы на совместной трапезе, плохо скрытую насмешку в голосе и ледяной взгляд. А еще я помню командный тон, которым она обращалась к Луне. Интересно, всегда ли Амадейна держится с дочерью так строго? Или в тот раз она просто не смогла справиться с раздражением из-за моего присутствия? Но в таком случае разве могла Амадейна переменить отношение ко мне так быстро?

Если только... Я нахмурилась.

Возможно ли, что за желанием наладить общение с полукровкой скрывается другое? Например, получить одобрение от членов собственного рода.

Кеорсен покровительствовал мне, когда я еще считалась человечкой. Потом первым признал меня наследницей Рингвардаадов. Амарелия тоже поддержала меня почти сразу, а следом за ней и Лунара. Так, может, Амадейна решила не отбиваться от семьи?

В любом случае встреча за бокалом вина вряд ли окажется опасной. По крайней мере, в замке Артенсейров. А вот покидать его в ближайшее время я не стану ни под каким предлогом.

Ужин подали в голубой столовой. Той самой, куда однажды я так боялась опоздать, зачитавшись в малой библиотеке. Только благодаря бежавшей рядом Тине — тогда еще Пятьдесят-два — я успела к трапезе вовремя.

Тина... Интересно, как она?

— Кеорсен... — заговорила я, едва мы расселись, а слуги, расставив холодные закуски, удалились.

— Наедине ты звала меня иначе, — пряча улыбку в уголках губ, заметил высший. — Неужели успела забыть за пару недель?

Я смутилась. Нет, конечно же я не забыла. Но после всего случившегося, после всех покушений, переживаний, погони, счастья новой встречи я больше не понимаю, что можно делать, а чего не следует.

— Не теряйся, мой свет, — тепло произнес он, — и ничего не бойся. Скоро мир высших станет для тебя безопасным.

— Низший что-то рассказал?

Кеорсен покачал головой:

— Он и не смог бы. Как оказалось, ему выжгли память. Не стерли, а именно выжгли. Это более жестокий метод воздействия, но, что важнее,

более сложный. Всего с десятков высших могли это сделать.

— А Морграны?

— Могли бы, — хмуро кивнул он. — Во втором доме хватает сильных демонов. Надо будет поговорить с Рейшаром. Он лучше нас должен знать возможности каждого члена своей семьи. Я уже написал ему. Думаю, к ночи явится. Но ты ведь хотела спросить о другом?

— Да.

Под внимательным взглядом Кеорсена я снова смутилась. Слишком много огня горело в глубине серебристых глаз. Не гневного огня — другого, еще незнакомого мне, но такого манящего, что я пугалась собственного отклика.

— Я беспокоюсь о Тине, — произнесла, совладав с голосом. — Маорелий говорил, что отправит ей кого-нибудь в помощь, но потом мы... расторгли, — подобрала я подходящее слово после секундной заминки, — наше соглашение.

Кеорсен хмыкнул, явно догадываясь о непростых отношениях между мной и Рингвардаадом.

— Она в порядке. — Демон глотнул вина и принялся за горячее. — Практически сразу после праздника зимней ночи я нашел одну темную и, взяв с нее клятву, перенес к Тине. Кстати, именно Маорелий подсказал мне, где стоит искать нужную демоницу. Странно, что он скрыл это от тебя.

Да нет, не странно. Маорелий не хотел терять один из возможных рычагов манипулирования.

— Так Тина все это время была под присмотром?

— Конечно. Я помню, как ты заботилась об этой раб... человеческой женщине, и подумал, что ты захотела бы найти ей компаньонку.

Я замерла, с теплотой глядя на демона. Ему не надо было понимать мои ценности, он принимал их на веру и просто делал то, что следует. Не афишируя и не прося ничего взамен.

— Спасибо, — поблагодарила я искренне.

Рейшар появился ближе к полуночи. Причем, что удивительно, открыл портал сразу в западную гостиную, в которой мы сидели с хозяином замка.

— Я дал ему временный доступ, — пояснил Кеорсен на мой вопросительный взгляд. — Не хочу, чтобы остальные знали о нашем общении.

— Наша внезапная любовь друг к другу вызвала бы много ненужных вопросов, — улыбнулся Рейшар, уверенно подходя к стоящей на низком столике бутылке с бурбоном и плеская янтарную жидкость в стакан. — Так

что для остальных мы по-прежнему... не особо ладим, — подобрал он деликатную формулировку, опускаясь в свободное кресло. — Разумеется, ни для кого не секрет, что это все из-за зависти Кеорсена к моей природной красоте и талантам.

Я сдержанно улыбнулась, не сводя с Морграна напряженного взгляда. Противоречивые чувства снедали меня: с одной стороны, я рада увидеть Рея, услышать знакомые интонации и привычную манеру иронизировать по любому поводу. С другой — страх и недоверие все же успели пустить корни в моей душе. Слишком много вопросов накопилось у меня к Моргранам.

Встретив мой взгляд, Рейшар вздохнул.

— Что же случилось, грозная девочка, что ты прожигаешь меня настолько хмурым взглядом?

Еще несколько секунд я молчала, собираясь с силами. Слушала гулкий стук крови в ушах и неотрывно глядела на темноволосого высшего. Потом решилась.

— Поклянись, — выдохнула резко, точно прыгая со скалы, — что не пытался меня убить.

Золото глаз Рейшара подернулось беспокойством.

— Та-ак, — протянул он, — интересное начало разговора. Заинтригован безмерно. А теперь, если можно, чуть больше деталей.

— На Сати сегодня было совершено покушение, — ответил вместо меня Кеорсен. — Четверо низших. Трое убиты, один пленен Торрелом Вирсейром. У пойманного при себе обнаружен браслет из желтого турмалина. Память выжжена.

— Та-а-ак. — Крылья тонкого носа опасно раздулись. — А еще больше деталей можно? Где совершено покушение, что за низший и при чем тут вообще младший отпрыск Вирсейров?

— Маорелий решил подписать брачное соглашение с Лерденом Вирсейром, — начала я издалека.

— Совет им да любовь, — фыркнул Рейшар.

— Соглашение между мной и Торрелом, — добавила, поморщившись.

С лица Рейшара веселье слетело окончательно. Теперь он смотрел на меня пристально и очень серьезно.

— Маорелий верил, что после его подписания Вирсейры тоже будут заинтересованы в моей безопасности. Ведь рано или поздно... — я смутилась, — внук Лердена возглавил бы род Рингвардаадов.

Хруст ломаемого дерева прозвучал слишком громко. Вздогнув, я посмотрела на Кеорсена, замершего словно статуя — грубая, резкая, будто

наспех высеченная из камня, — а потом перевела взгляд на его пальцы, крошившие дерево подлокотника.

— Вот поэтому в гостиных своего замка я предпочитаю кресла с мягкими подлокотниками, — иронично заметил Рейшар, прежде чем глотнуть бурбона. — Продолжай, пожалуйста. И не переживай за Кеорсена — если что, у него есть вторая ручка кресла. А я страсть как хочу дослушать, что же еще успел проверить наш старый жук. Итак, в силу непонятной мне наивности Маорелий рассчитывал на поддержку Вирсейров.

— И поправить положение рода, — подхватила я мысль, — за счет принятия Торрела в семью. Завтра должно было состояться подписание соглашения, но по договоренности мы прибыли в замок Лердена на день раньше. После обеда все отправились на конную прогулку, и там на меня напали низшие.

— А где были остальные? — Рейшар нахмурился. — Вирсейры и твой бесконечно заботливый батюшка?

Я улыбнулась, услышав иронию в словах Моргрانا. Пусть вопрос о его причастности к покушениям остается открытым, да и сама я не знаю, как мне относиться к златоглазому демону, одно ясно наверняка — я соскучилась по нему и его умению разряжать обстановку.

— Мы с Торрелом решили устроить соревнование. Отдалились от отцов на расстояние одного крыла и спустились в ущелье. Торрел быстро оторвался, и я потеряла его из виду.

— По его словам, — процедил Кеорсен, — он увидел нападающего низшего и постарался увести его от Сати.

— Какой храбрый и самоотверженный демон, — кивнул Рейшар. — Прямо цвет нашего вида. Давай выдадим ему медальку?

— Рей, хватит, — устало осадил его Артенсейр.

Я же удивленно вскинула брови. Сокращенное имя? Первый круг?

— Предлагаешь нам всем сидеть и с самыми хмурыми выражениями лиц крошить мебель? — Рейшар фыркнул. — Прости, друг, я пас.

Друг? Мои брови поднялись еще выше. Да, демоны перестали враждовать еще в лесном домике, но и особой дружбы между ними я не замечала. Когда же они успели наладить отношения?

Рейшар, заметив мое удивление, усмехнулся.

— Мы еще работаем над доверием. Но я решил рискнуть и впустить нашего грозного Кеорсена в мой первый круг. Правда, с ответной любезностью тот пока не торопится, — пожаловался он, а я улыбнулась.

Нет, все-таки я действительно очень соскучилась по Рейшару!

— У пойманного Торрелом низшего нашли вот это.

Кеорсен взял со стола бархатный мешочек и вытряхнул из него уже виденный мной браслет. Рейшар нахмурился. Взял драгоценную вещь и поднес к лицу, рассматривая.

— Камни наши, — мрачно подтвердил он. — Но это еще не значит, что кто-то из Моргранов подослал к Сати низших. Мне очень хочется верить, что члены моего рода не идиоты, чтобы подставляться так явно. Зачем подкупать вещицей, которую так легко опознать? Да и разве не странно, что у нападавшего браслет оказался при себе? Он же не сразу после получения оплаты полетел на дело. Нет. — Рейшар задумчиво качнул головой. — Что-то тут не так. Слишком явно. Слишком подозрительно.

Кеорсен кивнул:

— Я тоже так подумал. Ты же понимаешь, кого пытаются подставить?

Рейшар криво усмехнулся:

— Мою драгоценную сестру, надо полагать. Браслет явно женский.

— А почему это не может быть она? — задала я, как мне казалось, резонный вопрос.

Демоны посмотрели на меня с похожими мягкими полуулыбками, словно я спросила что-то очень милое, почти забавное. И подобное отношение мне не понравилось. Да, я моложе их и не знаю всех тонкостей поведения высших, но это не означает, что сложить два и два мне не по силам.

Сильнейший из демонов отказал Верине в браке, оскорбил ее пренебрежением. Достаточно ли этого, чтобы захотеть отомстить? Достаточно. И выскочка полукровка, которую Кеорсен поддержал одним из первых, идеально подходит, чтобы сорвать на ней злость.

— Вери не стала бы подсылать к тебе низших, не тот характер. — Голос Рейшара вырвал меня из размышлений. — Скорее она избавилась бы от тебя лично.

— А ты? — Я прищурилась. — Ты бы мог?

Он снова улыбнулся, на этот раз хищно.

— Нет, девочка. Решись я на подобное, тоже предпочел бы убить тебя собственными руками. Считаю, это у нас семейная черта.

— Но кто же тогда пытался отравить меня с помощью «шепота прошлого»? — протянула я задумчиво. И внутренне сжалась, увидев, как полыхнули алым сразу две пары глаз: серебряные и золотые.

— Хочешь сказать, — обманчиво спокойно начал Кеорсен, — что нападение низших было не первым покушением?

ГЛАВА 16

Ни один из высших не пошевелился, но я видела, как напряглись их мышцы, как заострились черты лиц. Каждый сейчас походил на дикого зверя, готового к прыжку. Но если гнев Кеорсена еще можно понять, то столь сильная реакция со стороны Рейшара удивила.

— Следующим утром после нашего... прощания, — подобрала я слово, глядя на Артенсейра, — у меня в спальне появился букет. Синие розы. Я решила, что они от тебя, и... разозлилась, — призналась нехотя. — Схватила их и швырнула в корзину, а потом заметила именную карточку.

— Дай угадаю, — дернул уголок рта Рейшар, — отправителем значился я?

Я кивнула.

— Стоило ее прочесть, карточка сгорела. Никто, кроме меня, не знал о ней. Получается, меня не хотели убить, только припугнуть и попытаться рассорить Рингвардаадов с Моргранами. Но я так и не поняла зачем.

— Нет, мой свет, — Кеорсен качнул головой, — тебя действительно пытались убить, а Рея — подставить.

— Но как бы они...

— Карточка не должна была сгореть, — пояснил Рейшар, не дав мне закончить. — Убийца надеялся, что сначала ты ее увидишь, прочтешь, отложишь и только потом коснешься букета. Ты же поддалась эмоциям и спутала кому-то просчитанную партию.

— Яд уже был у тебя на руках, когда ты взяла карточку. Он и уничтожил ее, — снова заговорил Кеорсен.

— А теперь мой род в очередной раз пытаются подставить, — мрачно закончил Моргран.

— Но ради чего? — не поняла я.

— Надо полагать, чтобы рассорить нас с Реем, — хмыкнул Кеорсен. Взгляд его постепенно возвращал привычный серебристый оттенок. — А это означает только одно...

— Мы копаем в верном направлении, — понативно усмехнулся второй демон, тоже расслабляясь. Потянувшись, он плеснул еще немного бурбона в свой стакан.

— Почти все это время мы пытаемся подобраться к Совету. Обычно в их дела не вмешиваются, но, как правило, эти самые дела не несут нам угрозы.

— Совет пытался устранить тебя, когда еще считал невосприимчивой к магии человечкой, — напомнил Рей. — А потом кое-кто, — его взгляд метнулся к Кеорсену, — смог убедить их в твоей смерти.

Я кивнула, вспоминая ту историю.

— Только ты, негодяйка, мало того что воскресла, так еще оказалась полукровкой и наследницей Рингвардаадов, — с усмешкой заметил Рейшар и тут же скорчил недовольное лицо. — Как некрасиво с твоей стороны! Да бедный Совет наверняка чуть удар не хватил! Всех разом!

Не сдержавшись, я прыснула. Но потом снова нахмурилась.

— Было еще кое-что, — призналась со вздохом и поведала о подслушанном Лунарой разговоре между демонами рода Рингвардаадов, а следом — и о том, что случайно услышала сама.

— Маорелий мечтает о чистокровном наследнике? — нахмурился Кеорсен. — Но в любом случае, пока ты остаешься его единственным ребенком, он будет оберегать тебя всеми доступными способами.

— А Шимран?

— Его я беру на себя, — вызвался Рейшар.

— А я проверю твоего несостоявшегося жениха, — оскалился Кеорсен. — Не верится мне в его бравый поступок. Да и подозрительно очень, что на Торрела напал лишь один низший, в то время как за тобой погнались трое.

На том и договорились. Минут через десять Рейшар ушел, открыв новый портал. А следом и мы поднялись из кресел. Говорить не хотелось. Но только тишина, окружающая нас, не казалась холодной или колючей. Напротив, она была теплой и очень уютной.

Идя по коридорам спящего замка, мы с Кеорсеном едва ощутимо касались друг друга кончиками пальцев, и от каждого такого прикосновения по коже проносилась согревающая волна. Иногда я искоса поглядывала на шагающего рядом демона и все пыталась понять — какой же он на самом деле?

Раньше мне казалось, что Кеорсен — пламя, тот самый огненный вал: сильный, смертельно опасный, безжалостный. Но постепенно я узнавала и другого Кеорсена — заботливого, нежного, чуткого. Первый сжигал меня в огне своей природы, в страстном желании властвовать и получать вожаемое. Второй согревал теплом поддержки и веры, делился со мной силой и помогал достигать все новых высот.

Кеорсен испепелял меня и возрождал вновь. Он стал моей погибелью и моей жизнью. Моим воздухом. Моим солнцем и моей темнотой.

— Не смотри на меня так, — мягко произнес демон, ловя мой

очередной брошенный украдкой взгляд.

— Как?

— Бесконечно невинно и в то же время слишком искушающе, чтобы я мог сдержаться. Не знаю как, но тебе удастся совмещать во взгляде два столь непохожих чувства.

— А мои глаза, — на мгновение я смутилась, — они светятся белым?

— Нет.

— Но почему?

— Кто знает. — Кеорсен пожал плечами. В отличие от меня он не казался расстроенным. — Наверное, у полукровок взгляд Великого не проявляется.

— Но ведь мои глаза краснеют, когда я злюсь!

— Гнев гораздо ближе к сути демонов, его легче вызвать, на него легче повлиять. Видимо, эту особенность твоя кровь, даже разбавленная человеческой, смогла сохранить. Но знаешь, — уголки его рта дрогнули в намеке на улыбку, — мне достаточно того, как ты на меня смотришь. И мне не важно, какого цвета твои глаза в этот момент — лишь бы они глядели только на меня.

Я смутилась. Щеки опалило жаром, губы стянуло сухостью, и я не задумываясь облизнула их.

— Не дразни тигра, мой свет, если не готова оказаться у него в лапах. — Голос Кеорсена прозвучал низко, чуть раскатисто от проступившего рычания.

И что-то во мне ответило на призыв. По телу прокатилась волна дрожи, собралась в груди тугим комком и рухнула вниз живота. Тяжело и сладко.

Мы остановились напротив дверей в мои покои. Кеорсен развернулся ко мне, и я вновь утонула во взгляде его лунно-белых глаз.

Останься.

Слово прокатилось по языку и замерло на кончике, готовое сорваться. Тягучее, словно капля меда, манящее, желанное, но вместе с тем пугающее неизвестностью, скрывающейся за ним. На секунду, всего на мгновение я струсила. Спешно проглотила так и не произнесенное слово и потупила взгляд.

Кеорсен хмыкнул:

— Добрых снов, Сати. — Мягко очертив рукой контур моего лица, он заставил меня поднять голову, нежно коснулся моих губ своими, потом отстранился и зашагал дальше по коридору.

Я же осталась стоять, глядя демону вслед и проклиная собственную

нерешительность.

Утром меня разбудила рабыня. Чуть за сорок, полноватая, в строгом платье с длинными рукавами. Ее темные волосы были собраны в аккуратный пучок на затылке.

— Как твое им... Как мне к тебе обращаться?

— Семьдесят-восемь, махра, — с поклоном отозвалась она. — Вам приготовить ванну?

— Нет, спасибо.

Сев, я несколько секунд рассматривала молочно-белое постельное белье, не в силах перестать сравнивать его цвет с глазами Кеорсена. Потом тряхнула головой и снова повернулась к рабыне:

— Когда подадут завтрак?

— Через два часа, махра.

Я кивнула, принимая информацию, и распорядилась приготовить одежду, обувь и повседневные украшения. Пока я умывалась, Семьдесят-восемь вынесла из гардеробной красивое платье цвета темной сливы. Помогла мне одеться, заплести волосы в воздушную косу, подала туфли. Поблагодарив рабыню, я покинула покои.

После вчерашнего разговора я долго не могла заснуть. Лежала, глядя в потолок, и все пыталась понять — что же не дает мне покоя? Неясное беспокойство витало в мыслях, словно марево над горной грядой. Я чувствовала — мы что-то упускаем. Только никак не могла понять, что именно. Лишь под утро, когда темнота уступила место предрассветной серости, мне удалось облечь беспокойство в слова.

Совет действительно пытается подставить род Моргранов, а точнее — самого Рейшара. Вот только не думаю, что причина во внезапном объединении двух сильнейших демонов. В свое время, когда я еще пряталась в лесном домике, Рейшар искал меня, а найдя, предложил защиту. И все потому, что знал — в случае моей смерти обвинения падут на него.

Рейшар — второй по силе после Кеорсена. И уничтожить его может только сам Кеорсен. А Совет, судя по всему, хочет дать Кеорсену мотив для убийства. Но почему? Чем им не угодил Рейшар?

«Ты не совсем обычная человечка, а я — не совсем обычный высший».

Я замерла, вспоминая его слова, а потом развернулась и решительно зашагала в малую библиотеку. Чем бы ни отличался Рей от остальных, я должна это выяснить.

Нужное помещение нашла без проблем. Мне казалось, хитросплетения

коридоров и залов стерлись из моей памяти, но стоило вернуться в замок, как ноги сами повели меня в правильном направлении.

Войдя в библиотеку, я огляделась. Как в первый раз, отметила вытянутые полукруглые окна, кресла с высокими спинками и стол на коротких ножках между ними. А еще диваны темно-зеленого цвета.

Перед мысленным взором встали картинки прошлого: Кеорсен, лежащий на одном из этих диванов; я, замершая на приставной лестнице; внимательный алеющий взгляд, капкан сильного тела, в который я угодила, сорвавшись сверху. Игра, противостояние, азарт. Ни один из нас не желал уступать другому, но вместе с тем мы тянулись друг к другу. Ведя свою игру, мы совсем не догадывались о той, что давным-давно начал Великий, сделав нас истинной парой.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как часто он вмешивался в мою жизнь, незримо вел выбранным курсом. Почему проверка высших в библиотеке случилась так внезапно? Почему именно тогда? Начнись она после смерти Ба, я бы не узнала о визите высших, попалась бы и заплатила за это жизнью. А в городской тюрьме? Почему из всех комнат я забежала в ту, где был Кеорсен? Любой другой демон мог не заинтересоваться моей невосприимчивостью к магии, убить физически.

Вспоминая пройденный путь, я все больше уверялась, что любой неосторожный шаг стоил бы мне жизни. Но вот я здесь — признанная высшими полукровка, наследница рода Рингвардаадов, истинная пара Кеорсена, — и что-то мне подсказывает, это еще не конец пути.

Погрузившись в раздумья, я медленно брела вдоль стройного ряда книг, скользила пальцами по цветным корешкам. Почти на самом дальнем от входа стеллаже нашла то, ради чего пришла в библиотеку. Фолиант в переплете из красно-коричневой кожи с тисненым золотыми буквами названием — «Книга родов».

Не без труда вытащив увесистый том, я прижала его к себе и заняла одно из кресел, стоящих у окна. С тихим хрустом корешка открыла его и принялась неспешно, выхватывая обрывки фраз, просматривать страницы.

В своих ожиданиях я не ошиблась. Книга родов первой семьи действительно оказалась внушительной, содержала подробную информацию по каждому из двенадцати домов. Интересно, сколько лет этим желтоватым, чуть шершавым на ощупь страницам? Сколько поколений Артенсейров старательно дополняют имеющиеся данные?

Я с любопытством изучала фрагменты, написанные явно разными высшими. Манера речи, обороты, форма букв и их наклон — каждая добавленная глава хранила отпечаток оставившего ее демона. Когда я

дошла до раздела, посвященного Рингвардаадам, то замерла, борясь с искушением. Бросила украдкой взгляд на часы, вздохнула и перелистнула страницу. Не сейчас. Позже.

Наконец мне на глаза попалась выведенная алым строка «Род Моргранов». Устроившись поудобнее, я углубилась в чтение.

Прошное второй семьи затягивало. Чем больше я в него погружалась, там сильнее жаждала узнать еще. Мой взгляд скользил по строчкам быстро, но очень внимательно, стараясь не упустить ни буквы. Мысли сорвались в стремительный полет, достраивая мозаику событий, находя все новые фрагменты.

— Махра? — приглушенный голос заставил меня отвлечься.

— Я здесь. — Заложив пальцем страницу, я закрыла книгу и повернулась к вошедшей Семьдесят-восьмой.

— Завтрак будет подан через пятнадцать минут. Вас проводить?

Я бросила удивленный взгляд на часы. Уже так поздно?

Кивнув, вернула «Книгу родов» на место и следом за женщиной вышла из библиотеки.

В столовой я появилась первой. Оглядела накрытый на троих стол и только собиралась сесть, как в комнату вошел Кеорсен.

От новых знаний бурлила кровь, они пьянили и подталкивали проверить их правдивость. Да, я понимала, что неразумно сомневаться в записанном очевидцами, но ничего не могла с собой поделать. Слишком удивительной казалась открывшаяся правда.

Пользуясь тем, что сейчас, кроме нас двоих, в столовой никого нет, я быстрым шагом подошла к Кеорсену и, заглядывая ему в глаза, выдохнула:

— Ты знал, что Рейшар полукровка?

ГЛАВА 17

В это время двери вновь распахнулись, и в столовую всплыла Амарелия. На секунду я засмотрелась. За прошедшие недели из памяти стерлось, насколько она красива. Даже сейчас, в сдержанном платье цвета предрассветного неба демоница выглядела изумительно. Есть в ней что-то гораздо более глубокое, чем поверхностная красота, — грация, пластика движений, особая внутренняя сила, которую невозможно не почувствовать.

— Доброе утро, — певуче поприветствовала она, проходя и присаживаясь к столу.

Мы с Кеорсеном тоже заняли положенные места. В комнату вошли слуги, расставляя перед нами печеные ягодные рулеты, пудинги и свежие булочки. От наливаемого в чашки напитка поднимался пряный аромат корицы и меда.

— Рейшар не совсем полукровка, — заговорил Кеорсен, когда слуги удалились.

Я посмотрела на него с удивлением. Почему-то мне казалось, что при Амарелии он не станет продолжать разговор. Сама демоница бросила быстрый взгляд сначала на брата, затем — на меня.

— Добралась до «Книги родов»? — понятиливо хмыкнул высший.

Я кивнула.

— Не стоит думать, будто вы с ним похожи. — Амарелия неодобрительно поджала губы. — Кровь Рейшара разбавлена давно, да и то демонической.

— Прабабке Рейшара повезло встретить истинную пару. Только вот ее истинным оказался темный демон.

— А как она поняла это? У темных же глаза не светятся лунным светом. Или светятся?

— Темный сам ей сказал об этом — о том, что рядом с ним ее взгляд меняется. Он решил не ждать несколько месяцев, — хмыкнул Кеорсен, принимаясь за пудинг. — Обычно истинные пары если и случаются, то только у высших демонов. Случай с Мириной — прабабкой Рейшара — уникален. Говорят, высшие всех двенадцати родов разделились. Одни считали, что идти против воли Великого немыслимо, другие настаивали на сохранении чистоты крови. Мирина решила не обращать внимания на недовольных и связала свою жизнь с темным. Она была из основной ветви рода, но после свадьбы ее откинули в хвост второй побочной. Довольно

унизительно по нашим меркам.

Я слушала, затаив дыхание и забыв про завтрак.

— Дочь от такого союза получилась слабой, — продолжил рассказ Кеорсен. — А вот внук — отец Рейшара — смог бросить вызов вышестоящему роду Фелихьеров и занять второе место в иерархии домов. А еще через поколение Фелихьеров с третьего места сместили Гарааны. Хотя последнее уже к нашему разговору не относится. В Верине и Филесоре кровь темного прадеда почти не проявилась. Это легко понять по оттенку их волос. А вот в Рейшаре прошлое его рода особенно сильно.

— В любом случае, — Амарелия дернула плечом, — Рейшар — сын высших, внук высших и правнук истинных. Да, в нем течет другая кровь, но это кровь демонов!

Я посмотрела на сверкающую алым взглядом красавицу. В памяти всплыло воспоминание: Лунара убеждала меня не злиться на Амарелию за резкость, объясняя ее ревностью. Амарелии нравится Рейшар. И сейчас, глядя на хмурую высшую, я вдруг поняла, что это действительно так. Интересно, а сам Рейшар догадывается о ее симпатиях?

— Я и не думала сравнивать себя с ним, — ответила примирительно. — Но я и не стесняюсь своего происхождения.

Амарелия хмыкнула, явно не считая человеческую кровь поводом для гордости. Но, к счастью, развивать тему не стала.

Остаток завтрака прошел спокойно. Потом Амарелия удалилась. Я же уходить не спешила. За время трапезы мне в голову пришла еще одна мысль, и, дождавшись, когда за высшей закроются двери, я повернулась к Кеорсену:

— Рейшар говорил, что в Совет входят высшие, пересекающие тысячелетний рубеж.

— Верно.

— Получается, мы можем составить список участников?

— Неверно, — усмехнулся он.

Я нахмурилась, и Кеорсен, продолжая улыбаться, пояснил:

— Мы не всегда точно можем назвать собственный возраст, что уж говорить о чужом. Когда живешь долго, течение времени начинает восприниматься иначе. Мы не мыслим вчерашним или сегодняшним днем, скорее десятилетиями. И держать в голове, кто перешагнул тысячелетний рубеж, а кто только подошел к девяти сотням, не всегда получается. Да и неинтересно это.

— Но почему? Ведь Совет опасен!

— Только с недавних пор, — качнул головой Кеорсен. — Раньше он не

нес угрозы. По крайней мере, лично моим интересам.

— То есть ты даже не догадываешься, кто может в него входить?

— Относительно. Ошибиться в определении чьего-либо возраста на сто лет несложно. Точнее, — его губы дрогнули в усмешке, — я бы даже сказал, гораздо проще, чем кажется.

— И что же, нам действовать вслепую?

— Да. Но в этом, пожалуй, есть своя прелесть. Как минимум мы не заскучаем.

Я поморщилась, не разделяя веселости демона.

— Это вам за несколько веков жизнь стала казаться однообразной. У меня же еще совсем недавно все было предсказуемо, понятно и...

— Скучно, — закончил за меня Кеорсен. — Ты просто не успела ощутить, насколько губительна рутина. Но рано или поздно, поверь, она задушила бы и тебя. Сейчас наша жизнь замерла на острие меча: приходится просчитывать каждый шаг, подбирать любую крошку в надежде, что она поможет найти ответ. Хотя бы один из множества. Но при этом именно сейчас каждый миг кажется особенно ярким. Ты ведь тоже это чувствуешь, разве нет? Эти эмоции захватывают, заставляют подмечать малейшие их оттенки, полутона, наслаждаться каждым, даже самым быстротечным моментом — самой жизнью. Без оглядки на прошлое, будущее. От этого кипит кровь, мысли уносятся в полет, а сердце бьется в два раза быстрее. Но знаешь, что еще важнее? — Губы демона изогнулись в дразнящей улыбке. — В такие моменты ты выбираешь то, что по-настоящему желаешь. Без выгоды, без расчетов. Тянешься к тому, чего жаждет твоя душа.

Речь Кеорсена завораживала меня, уносила на волнах, точно быстротечная река. Я не сопротивлялась — смотрела в расплавленное серебро глаз, все больше отливающее белым, и тонула.

Не знаю, прав ли Кеорсен во всем, но в одном он точно не ошибается: лишь рядом с ним моя жизнь заиграла красками. Пусть темными, пусть поначалу даже мрачными, но после в их палитру добавлялось все больше ярких, сочных, почти слепящих. Лишь рядом с ним я испытала все грани чувств и эмоций. От ненависти до... любви?

Сам демон, замолчав, не спешил продолжать разговор. Как и я, он неотрывно глядел в мои глаза и, казалось, видел саму душу.

— Переодевайся, — выдохнул Кеорсен спустя вечность. — Через полчаса я жду тебя в тренировочном зале.

— Ч-что? — Я не сразу смогла вынырнуть из серебряного омута.

— В прошлый раз я едва не опоздал. Да, теперь я не собираюсь

отпускать тебя от себя, но вместе с тем хочу, чтобы при необходимости ты могла постоять за себя. Мы возвращаемся к тренировкам, мышка.

Я огладила мягкую тунику. Длинная, она доходила едва ли не до колен, но благодаря разрезам по бокам совсем не сковывала движений. Рукава до локтя, круглый ворот, плотная бирюзовая ткань — мне нравилась эта вещь. Свободные светло-серые штаны, собранные широкими манжетами на щиколотках, подходящая обувь, поднятые в высокий хвост волосы. Я была готова к тренировке. Но при этом почему-то не спешила покинуть покои.

Ожидание, предвкушение, надежда — чувства будто переплелись тугой косой и обвили мою грудь. Чего я жду от предстоящего занятия? Не знаю.

С Кеорсеном никогда и ничего нельзя предугадать. То он чуткий наставник, готовый вести и направлять, то непримиримый противник, стремящийся отыскать мои уязвимые места. Именно в поединках наше противостояние выходило на пик возможного. Мы бодались, незримо сталкивались лбами и отказывались уступать. Но в то же время мы как никогда остро чувствовали друг друга. И сейчас, стоя в своих покоях замка Артенсейров, я предвкушала именно это — противостояние на грани вожделения.

Бросив еще один взгляд в ростовое зеркало, я вышла за дверь. Следуя за Семьдесят-восьмой, спустилась на первый этаж, а потом и ниже. В воздухе едва ощутимо запахло сыростью.

— Вам вон туда. — Указав на дверь в конце коридора, рабыня поклонилась и застыла, не смея выпрямиться, пока я не отойду.

Предвкушение и ожидание носились в крови, точно пузырьки игристого вина. Сознание подернулось дразнящей дымкой азарта. Пальцы едва ощутимо покалывало. Шорох моих шагов по каменному полу расходился в узком коридоре приглушенным эхом. Проступившая на стенах влага манила прикоснуться, ощутить подушечками неровную шероховатость камня. Но я не поддавалась искушению — дошла до двери, решительно толкнула ее и переступила порог.

Внутри было тепло. Пол устилали тонкие бамбуковые циновки, свет магических светильников сбил тени в углы. Одна из стен оказалась увешана оружием, напоминая мне о похожей в замке Рингвардадов.

— Разувайся, мой свет, — с улыбкой произнес Кеорсен.

Его ботинки уже стояли возле узкой длинной лавки.

— Позволь ногам ощутить свободу, почувствовать окружающее пространство, — продолжил он. — От их движения и скорости реакции

зависит слишком многое. Прислушайся к ним...

Мне нравился тембр голоса Кеорсена. В меру низкий, раскатистый, он пускал по моей коже волны мурашек и желания.

— Сегодня будем заниматься на коротких мечах.

Я не стала спорить. Покорно приняла оружие и встала в стойку.

— Готова?

Стоило мне кивнуть, как высший резко перешел в нападение. Слишком резко. Я едва успела отразить удар. А уже в следующую секунду атаковала сама. Кеорсен играючи ушел от моего выпада. Я по инерции сделала несколько шагов вперед, и демон, воспользовавшись этим, плоской стороной лезвия шлепнул меня по попе.

— Ты медлительна! — припечатал он.

Словно ужаленная, я резко развернулась и сделала новый выпад. Наши мечи скрестились.

— Так много забыла?

Да он что, издевается?! Кажется, я зарычала.

Резко очертив круг, я скинула меч Кеорсена со своего и снова перешла в атаку. Высший легко ушел из-под удара и напал сам, вынуждая меня перейти в защиту. В какой-то момент он оттеснил меня к стене с оружием. Не думая, я схватила второй меч и направила его на противника.

— А справишься с двумя? — хмыкнул он.

Я не ответила — только прыгнула вперед и попыталась достать его поочередно каждым из мечей. Кеорсен успел отразить оба удара. Потом в мгновение ока возник возле стены и схватил с нее один из щитов.

Звон стали, ее скрежет, собственное шумное дыхание, пылающий расплавленным серебром взгляд — мне нравилось все. Ощущения затягивали, уводили все дальше от реальности, но я не сопротивлялась. Танец, который мы вели, был на грани жестокости и нежности, агрессии и мира. Отдаваясь во власть происходящего, мы растворялись во взглядах друг друга, позволяли им унести нас отсюда — туда, где нет ни Совета, ни опасности, ни высших, ни полукровок, где нет надуманных правил, только чувства и эмоции.

Мы снова играли, в очередной раз пытаясь доказать друг другу, что не отступимся. Каждый старался подавить другого, но в то же время мы оба кружились в едином танце. Слушали ритм наших тел.

Очертания тренировочного зала смазались, приглушенный хруст циновки под босыми стопами исчез. Я не видела ничего, кроме меча и щита Кеорсена, кроме его глаз.

Удар, отскок, отражение...

Кеорсен выбил один меч у меня из рук. Но уже в следующий миг, уравнивая наши шансы, выкинул щит. Снова один на один — на острие желая, обоюдного притяжения.

— Ну же! — призывно крикнул Кеорсен, и я поддалась.

Бросилась на него, целясь в грудь, и ухмыльнулась, уже догадываясь, каким будет следующее движение — он легко отобьет мой выпад и снова вынудит меня уйти в защиту. Однако вместо этого Кеорсен опустил меч.

Я запаниковала, попыталась отвести смертоносный удар. Но в последний миг демон уклонился от моей атаки, перехватил меня за свободную руку, рывком развернул и прижал спиной к своей груди.

— Почему засомневалась? — раздался его голос над самым ухом.

— Не хотела убить тебя.

— Думаешь, смогла бы?

— А что? — Я дерзко дернулась. — Стоило рискнуть?

— Ты могла попробовать. — Губы Кеорсена коснулись моей шеи, и мир окончательно рухнул.

Я закрыла глаза, наслаждаясь прикосновением. Ощутила, как Кеорсен скользнул рукой на мою талию, еще крепче прижал к себе, вырывая из моей груди слабый стон. А в следующий миг... я почувствовала холод металла у своей шеи.

ГЛАВА 18

Я замерла, боясь даже шумно сглотнуть.

— Ты проиграла, — выдохнул демон.

В следующий миг он убрал лезвие от моей шеи, а меня с силой толкнул вперед. Развернувшись, я уставилась в серебряные глаза.

— Играешь? — Мой голос больше походил на шипение, взор затянуло алым.

— Учю, — спокойно отозвался Кеорсен. — В настоящем бою нельзя отвлекаться, нельзя сомневаться и терять уверенность. Любое промедление может стоить тебе жизни. А ты сейчас слишком медлительна.

— Медлительна? — процедила я, до боли стискивая пальцы на эфесе. — А так? — Вместе с коротким словом я бросилась вперед.

Тренировка перешла на новый уровень. Внутри меня кипела обида, алый туман застилал разум. словно со стороны я отмечала свои яростные выпады, стремительные, почти невидимые глазу уклонения и новые атаки.

Выражение лица Кеорсена изменилось. С него исчезла расслабленная полуулыбка, черты заострились и теперь выражали предельную сосредоточенность.

Мои движения становились все быстрее и быстрее, едва не сливаясь в серо-бирюзовый поток смазанных образов. Азарт затягивал, скорость пьянила. Доверяя движениям тела, я отпустила самоконтроль и отдалась во власть инстинктов. Теперь они вели меня, управляли моими ногами, переступающими в опасном танце, моими пальцами, стиснутыми на рукоятке оружия, зывали к чему-то в глубине меня. Чему-то дремлющему, незнакомому, опасному.

Внезапная вспышка боли ослепила. Столь неожиданная и сильная, что, не удержавшись, я упала на колени. На секунду замерла, надеясь, что приступ схлынет, но уже в следующий миг задохнулась от полыхнувшего в груди пожара. Каждая клетка моего тела зашлась в агонии, каждую кость скрутила невидимая сила, каждый миллиметр кожи будто оплавился от нестерпимого жара. Боли оказалось слишком много — гораздо больше, чем я могу выдержать.

— Сати! — Крик Кеорсена раздался будто издалека.

Даже то, что меня схватили за плечи и ощутимо встряхнули, я отметила лишь краем сознания.

— Смотри на меня! Смотри!

Новая вспышка боли заставила сильнее сжаться, зажать ладонями уши и закричать. Я не могу... не могу!

— Сати! Ну же!

Взгляд мутный, все плывет. Я почти ничего не вижу.

— Дыши медленно! Вдох, пауза, выдох, слышишь меня? Давай, мой свет, вдыхай...

Не вдумываясь, послушно пытаюсь наполнить грудь воздухом. Боль скручивает снова. Столь неистово, будто решила переломить мой позвоночник.

— Давай же, родная! Держись, ты сможешь.

Цепляясь за звучание голоса демона, я тянусь к нему. Новый вдох.

— Вот так, теперь медленно выдыхай.

Мелкая дрожь расходится под кожей частыми волнами.

— Умница, Сати. А теперь еще раз вдох, удержи дыхание и выдыхай. Вдох, выдох...

Голос Кеорсена направляет меня, ведет сквозь черную, полную боли пустоту к свету — к нему самому. И я продолжаю тянуться. Кусая губы, глотая слезы, я тянусь к тому единственному, кто удерживает меня на краю пропасти. Каждый мой вздох — для него одного. И с каждым новым вздохом, с каждым шагом на пути к нему боль слабеет.

Я снова могу видеть, могу наполнить грудь воздухом — сильно и жадно. Могу вскочить на ноги или ощупать себя, убеждаясь, что невидимый огонь не оставил ожогов на моем теле. Но вместо этого я забираюсь к Кеорсену на колени, обнимаю его за шею и прижимаюсь изо всех сил. Сейчас не важно, насколько бесстыдна моя поза, насколько такое поведение вообще допустимо правилами приличия — все это надуманная мишура. А единственно важным остались только крепкие объятия и легкие, почти невесомые поцелуи, которые Кеорсен оставляет на моем лице.

Не знаю, сколько мы так просидели. Кеорсен не торопил, давая мне время прийти в себя, победить трусливую дрожь и справиться с охватившим разум ужасом. Демон молчал. За него говорили его прикосновения и сила, с которой он прижимал меня к себе.

— Что это было? — спросила я тихо.

— Третий блок, — вздохнул Кеорсен.

— Пал?

— Не думаю. Скорее, дал трещину.

— Но почему? Мы ведь тренировались физически, а не магически. Он не должен был...

— Видимо, что-то изменилось. В нем или в тебе самой. А может, у

физических тренировок тоже есть предел, пересекать который не следует. Впредь нам надо действовать осторожнее.

— А вдруг такое повторится? — Я не сумела скрыть страха в голосе. — Вдруг тебя не окажется рядом? Что... что мне тогда делать?

Кеорсен нахмурился:

— Я постараюсь всегда быть рядом, мой свет. Но если все же так случится, — он сильнее прижал меня к себе, — то сконцентрируйся на дыхании, не позволяй боли затмить разум. Цепляйся за что угодно, но держи себя на поверхности.

Кивнув, я снова уткнулась носом в шею высшему. Вдохнула запах его тела, разгоряченного тренировкой, и прикрыла глаза.

Раньше мне казалось, что угроза исходит извне — от мира, жестокого к людям и полукровкам; от высших, чтящих чистоту крови; от таинственного Совета, ведущего свои игры. Но я совсем забыла об угрозе, таящейся внутри меня самой.

Что случится, если у меня не получится удержать третий блок? Если он вдруг падет? Выживу ли я?

Цепляясь за собственные страхи и неуверенность, пытаюсь отстоять право на жизнь, я упустила самое главное — саму жизнь. А моя жизнь — это Кеорсен.

Выпрямившись, я заглянула в серебряные глаза демона. Позволила себе еще несколько секунд провести на грани, а потом смело шагнула вперед.

Наклонившись, я накрыла его губы своими. На границе сознания алыми искрами тлела робость перед неизведанным, но я не собиралась ей поддаваться. Хватит. Она и так слишком долго удерживала меня от желанного.

Развязав ленту, стягивающую волосы Кеорсена, я запустила в них пальцы и углубила поцелуй. Снова, как тогда в лесу, вручала демону мое тело и душу, отдавалась его власти. И мне нравилось это... Нравилось ощущать силу его рук, жадность губ, его дыхание во мне и мое в нем. Грани различий исчезли. Мы больше не были демоном и человеком, высшим и полукровкой, а стали просто мужчиной и женщиной, сгорающими в объятиях друг друга.

Упершись ладонями в широкую грудь, я надавила, опрокидывая Кеорсена на спину, и прижалась сверху. Не разрывая поцелуя, демон сорвал заколку с моих волос, и золотой водопад отрезал нас от мира. Огонь в груди разрастался, как лесной пожар, становясь сильнее с каждой секундой. Он прокатился по телу горячей волной, стянулся вниз живота и там полыхнул

голодным пламенем. Я застонала.

Это был другой огонь, совсем не тот, что еще недавно сжигал мое тело. Этот рождал во мне желание нового, еще пока незнакомого чувства. Соблазнял поддаться и вкусить запретное.

Миг, и Кеорсен перевернулся, подмяв меня под себя. Оторвался от моих губ и заскользил поцелуями по шее. Спустился к груди, задрал тунику, коснулся языком моей кожи. Я выгнулась, все больше теряясь в ощущениях. Казалось, мир вокруг меня сходил с ума, кружился в чувственном хороводе, иссушал меня жаждой. Я плавилась. Теряла себя и обретала вновь, неуловимо менялась, растворяясь в охватившем нас безумии.

Новый поцелуй, неистовый, жадный, почти яростный, смел последние преграды. Я снова оказалась сверху, прижимаясь к демону всем телом, чувствуя его каждой клеточкой, каждым изгибом. Но мне было этого мало. Я хотела стать еще ближе, прижаться еще теснее, ощутить себя его частью. Рык, родившийся в моей груди, разошелся по телу низкой вибрацией, передался Кеорсену и вызвал у него ответный отклик. Наши демонические сущности тянулись друг к другу, звали, провоцировали и вели одну им ведомую игру, слишком соблазнительную, чтобы от нее отказаться.

Голодное пламя внизу живота полыхнуло ярче.

Одежда стала мешать. Казавшаяся раньше мягкой ткань теперь царапала, злила. Ухватившись за край демоновой кофты, я рывком потянула ее вверх. Одним движением Кеорсен приподнялся, на мгновение разорвал поцелуй, скидывая кофту, и снова впился в мои губы. Еще жарче, не сдерживаясь и не осторожничая. И я была этому рада. Отдавая себя без остатка, я перестала контролировать собственное тело — лишь слепо следовала его желаниям.

Краем сознания отметила стягивающиеся к нам потоки магии, а в следующий миг задохнулась от чувства падения. Секунда, и Кеорсен снова сверху, а подо мной вместо жестких циновок шелк простыней. Треск ткани, рывок, и лоскуты моей туники вместе с нательным лифом улетели куда-то в сторону. Я оказалась зажата между разгоряченным телом демона и холодной гладкостью постели. Спина вмиг покрылась мурашками, воздуха перестало хватать. Задыхаясь, я пила дыхание Кеорсена и сходила с ума. Застонала, стоило ему коснуться губами моей груди, и податливо выгнулась навстречу.

Снова треск разрываемой ткани, и последняя преграда сорвана. Теперь ничто не мешает мне ощущать Кеорсена каждым миллиметром кожи, скользить руками по спине, своими бедрами по его. И чувствовать...

Чувствовать все. Жар, томление, ожидание, жажду. Такую невыносимую, что нет сил терпеть.

Лишь на мгновение Кеорсен оторвался от меня, заглянул в мои глаза, будто давая последний шанс остановиться, но только я давно прошла точку невозврата.

— Дышу тобой, — прошептала ему в губы.

— Живу тобой, — почти одновременно произнес Кеорсен, а потом снова смял мой рот поцелуем.

Вспышка боли, миг без движений, а потом новый, все нарастающий смерч ощущений. Ярких, слепящих, сводящих с ума. Мое рычание, его, наши разгоряченные тела, демонические сущности, общее на двоих дыхание — все смешалось. Ощущения становились насыщеннее, движения — быстрее. Шелк простыней, внутренний жар и накатывающее волнами наслаждение. Снова и снова. До головокружения, до заплывавших перед глазами мушек, до протяжных стонов. Пока в один момент весь мир не сошелся в точку, сжался в напряжении, замер на два удара сердца, а на третий — разлетелся сотней новых звезд. И клянусь, на мгновение мой взор затянуло лунно-белым.

Лежа на шелковых простынях, влажных от нашего пота, мы оба пытались восстановить дыхание. Глядели друг другу в глаза и улыбались.

— Моя Сати, — хрипло произнес Кеорсен, ласково убирая с моего лица спутанные пряди. — Мой дар и мое проклятие.

— Проклятие?

— Так говорят про истинные пары, — пояснил он, притягивая меня к себе. — Великий одновременно одаривает нас и прокликает, делая уязвимыми. Наделяет силой и умиротворяет слабостью, не позволяя истинным парам забывать о ценности его благословения. Самое желанное проклятие любого высшего. И ты стала моим.

ГЛАВА 19

Следующие десять дней стали самыми счастливыми за очень долгое время. Я часто улыбалась. Когда тренировалась с Кеорсеном, когда засиживалась в библиотеке над очередной книгой, когда сталкивалась с Амарелией в столовой или прогуливалась по заснеженному парку. Все мое тело наполнилось такой легкостью и таким счастьем, что я просто не могла не улыбаться. Душа пела, и, вторя ей, я сама часто мурлыкала под нос знакомые песни.

Через два дня после моего возвращения в замок Артенсейров прилетела Лунара. Я честно рассказала о привязке Бердера, на что маленькая демоница поморщилась, по, как мне показалось, слишком картинно, чтобы поверить в искренность ее недовольства. Думаю, в тот момент Луна попросту хотела заставить меня принять ее помощь. Я сама заговорила о выгоде, а она лишь подхватила тему.

Когда я пересказала эти события Кеорсену, тот рассмеялся над пронырливостью своей кухни и пообещал подарить ей лучшего грайсерского жеребенка. Я же снова улыбнулась.

О будущем мы с Кеорсеном не говорили. Оба понимали: пока беспокойно настоящее, загадывать вперед — слишком опрометчиво. Вместо этого мы наслаждались моментом. Ценили каждый миг, проведенный вместе, каждую бессонную ночь и каждое утро, заставшее нас в объятиях друг друга.

Мой мир менялся. Точнее, его меняло поселившееся в моей душе счастье. Зимние дни стали казаться жаркими, а темные вечера — светлыми. Иногда я мысленно взывала к Великому, вкладывая всю душу в одно короткое «спасибо». Я благодарила его за жизнь, за возможность ощутить столько эмоций, за счастье. За Кеорсена.

Маорелий не искал со мной встречи. То ли не хотел идти против сильнейшего их вида, то ли поверил, что в замке Артенсейров мне действительно безопаснее. Жаль, что для моего отца я так и осталась лишь носителем крови, запасным вариантом, ставшим основным в отсутствие альтернатив. В лесном домике мне казалось, у нас может получиться стать если не семьей, то хотя бы мы будем ближе друг к другу, но время, проведенное в замке Рингвардадов, расставило все по местам.

Вечерние встречи с Рейшаром стали регулярными. Он приходил порталом в гостиную, пил бурбон, шутил в привычной манере и делился

новостями. Кеорсен, в свою очередь, рассказывал, что удалось выяснить ему. Не зная, какая деталь может оказаться важной, мы вгрызались в каждую. Подолгу обсуждали, строили догадки, жарко спорили. Разумеется, чаще всего горячились Кеорсен с Рейшаром, но делали это не зло, а мирно, почти по-дружески.

Мне нравились такие посиделки и наш маленький, четко очерченный круг — не похожий на круги демонов, а особенный, наш собственный. Лишь иногда я чувствовала себя в нем неловко — когда ловила на себе задумчивые взгляды Рейшара. В такие моменты что-то мелькало в глубине его глаз, какая-то невысказанная печаль. Не ярая, скорее затаенная. Словно рана, затянувшаяся, но еще ноющая, давала о себе знать.

Иногда наши взгляды встречались, и тогда расплавленное золото едва заметно менялось, становилось теплее. Я боялась таких мгновений. Боялась, что однажды все невысказанное облечется в слова, и тогда не получится делать вид, будто ничего особенного не происходит.

Видел ли Рейшар во мне полукровку, выжившую вопреки системе? Ту, кого он должен был убить еще до рождения. Стала ли я для него напоминанием о десятках загубленных душ? Или же он видел во мне разжигающую эмоции человечку? Ту, что заинтересовала его еще на вечере в фамильном замке Моргранов. Я не знала ответов на эти вопросы, но и не стремилась их найти. Некоторым загадкам лучше оставаться неразгаданными.

В хороводе событий, разговоров и встреч я совсем забыла об Амадейне. А вот она, как выяснилось, обо мне помнила, и на одиннадцатый день моего пребывания в замке пригласила на бокал лайденского вина.

Кеорсен улетел еще утром. Как он сказал накануне вечером — проверить новую зацепку, способную вывести на заказчика второго покушения. Что интересно, зацепка касалась самого Торрела. Вчера эта новость вызвала радостное предвкушение и у меня, и у Рея. Но теперь я чувствовала беспокойство. И пусть объективных причин для него нет, избавиться от грызущего чувства не получалось.

За обедом, на котором в отсутствие хозяина замка собрались лишь мы с Амарелией, я не выдержала.

— Амадейне можно верить? — спросила без предисловий, глядя на сидящую напротив высшую.

Та удивленно вскинула брови и замерла, явно ожидая пояснений.

— Она пригласила меня встретиться...

Уже после первых слов демоница расслабилась и снова вернулась к рыбе.

— Мир высших — это сплошные встречи, — пояснила она, широким ножом отделяя румяную корочку от мякоти. — Обеды, ужины, разговоры за бокалом вина или бурбона — попытки хоть сколько-нибудь разнообразить рутинный ход времени, которые в результате делают его еще более рутинным. Это нормально, ничего необычного.

— Но я же полукровка.

Амарелия пожала плечами:

— Наш род лоялен к тебе. — Свернув корочку и отложив ее на край тарелки, демоница снова посмотрела на меня: — Амадейна из побочной ветви и не может игнорировать то, что делает основная. Не думаю, что ты ей интересна. — Красивый рот дернулся в усмешке. — Но хотя бы один вечер она должна посвятить тебе.

Я кивнула, принимая ответ, поблагодарила и переключила внимание на еду. Разговор с Амарелией успокоил мое волнение. Пусть мотивы Амадейны оказались не такими душевными, как она пыталась меня убедить, но зато понятными.

К вечеру я сменила сдержанное платье на более дорогое — темно-синее, украшенное искусной черной вышивкой, — подобрала драгоценности и туфли и вышла в коридор.

Спина прямая, плечи расправлены, каждый шаг полон достоинства — я держалась именно так, как меня учили, когда готовили к празднику зимней ночи. Хотелось предстать перед Амадейной не просто полукровкой или бывшей воспитанницей Амарелии, а наследницей одного из родов. Почти равной.

И только пальцы иногда непроизвольно стискивались на вытянутом каплей турмалине в оправе из белого золота, выдавая внутреннее беспокойство. Кольцо мне подарил Кеорсен, и, кроме бесспорной красоты, оно способно предупреждать носителя о ядах. Стоило мне взяться за бокал с отравленным напитком или потянуться к смертельному десерту, кожу под кольцом начинало ощутимо жечь.

Пусть Амарелия не сомневалась в миролюбивости Амадейны, сама я рисковать не собиралась.

Покои демоницы, как и мои, располагались в восточном крыле, только в другом его конце. Дорога до них заняла от силы минут семь неспешным шагом. Меня ждали. Стоило лишь раз стукнуть в дверь, как та мгновенно распахнулась, а стоящая по другую сторону рабыня отступила вбок, не мешая пройти.

— Можешь быть свободна, — распорядилась Амадейна, взмахом руки отпуская девушку. Потом повернулась ко мне: — Спасибо, что пришла!

Прошу, садись.

Она с улыбкой поднялась, дождалась, пока я подойду, и потом вместе со мной опустилась на диван. Перед ним на низком овальном столике ютились тарелки с ягодными пирожными, большое блюдо с фруктами, вытянутая голубая бутылка и два хрустальных бокала.

— Лайденское, как и обещала, — снова улыбнулась Амадейна.

В воздухе едва ощутимо пахло чем-то сладким. Возможно, то был аромат спелой клубники, а может, всему виной стоящие в высоких вазах белоснежные пионы.

Пока Амадейна разливала по бокалам едва заметно пузырящийся розовый напиток, я разглядывала саму демоницу. Ее горделивую осанку, белоснежную кожу, уложенные в элегантную прическу волосы, дорогое, расшитое самоцветами платье. Она держалась спокойно, я бы даже сказала — расслабленно. Радужная улыбка не сходила с красивого лица, во взгляде читался только интерес. Исчезло даже привычное недовольство на грани презрения, которое я так часто видела в глазах высших.

— Прошу, — мелодично произнесла Амадейна, ловко подхватывая один из бокалов и передавая его мне.

Я со сдержанной улыбкой приняла фужер и, стараясь не выдать волнения, прислушалась к ощущениям. Кольцо не жгло. Поняв, что вино не отравлено, я с облегчением выдохнула и уже без страха пригубила напиток. Упругим шариком он прокатился по языку, оставляя после себя легкий сладковатый привкус, и ухнул в желудок. Под кожей разлилось тепло.

— Вкусно, — сказала я внимательно следящей за мной демонице.

Та улыбнулась и, ухватив одно из крошечных пирожных, отправила его в рот.

Беседа потекла в спокойном русле. Мы говорили о моде (точнее, больше говорила Амадейна, а я кивала), о книгах (теперь ситуация изменилась с точностью до наоборот), о грайсерских лошадях, о Лунаре... Праздник зимней ночи и первую совместную трапезу мы, не сговариваясь, не вспоминали.

Потом речь зашла об украшениях.

— Подожди секунду, сейчас покажу тебе новое творение Лекиара. — Амадейна поднялась с дивана. — Этот темный просто мастер! Такую тонкую работу выполнить не каждому под силу! Я сейчас.

Она улыбнулась и быстрым шагом направилась в спальню. Проводив ее взглядом, я откинулась на спинку дивана. Мягкие подушки ласково приняли в свои объятия, по телу разлилась истома. Вина я выпила совсем немного — всего бокал, — но в голове появилась приятная легкость.

Внезапно кольцо на пальце нагрелось. Не успела я понять, что происходит, как шею кольнуло.

— Ай! — Я выпрямилась, рывком обернулась и встретила взглядом с Амадейной. — Но почему? — выдохнула растерянно.

После слов Амарелии, после спокойного артефакта... мне казалось, причин для беспокойства не осталось. Это ведь замок Кеорсена! Его дом, его род!

— Порядок существует не просто так, — певуче протянула Амадейна, растягивая губы в холодной улыбке. — И исключения недопустимы. Чем дольше живешь, тем отчетливее это понимаешь.

Последние слова я еле расслышала — меня будто обложили ватой, заглушающей любые звуки. Тело вдруг показалось тяжелым, а еще через секунду его повело, и я рухнула на диван. Последнее, что я ощутила, прежде чем провалиться в беспамятство, — закручивающиеся потоки открываемого портала.

Сначала пришла жажда — такая сильная, что терпеть ее казалось невозможно. За жаждой пришла головная боль, а следом вернулась память. Я вспомнила вино, Амадейну и... укол. Удушливая волна страха заставила разлепить веки, со стоном сесть и оглядеться.

Я однозначно не в покоях Амадейны, да и не в своих тоже.

Помещение, где я оказалась, утопало в густом полумраке. Пахло сыростью. Свет проникал лишь сквозь крохотное полукруглое окно с решетками, расположенное под невысоким потолком. Судя по синеватому небу, истекал последний час заката. Скоро опустится ночь.

Стоило снова шевельнуться, как подстилка подо мной захрустела. Прищурившись, я попыталась разглядеть, на чем же мне довелось проснуться. Тюфяк. Набитый прелой соломой тюфяк.

Совсем рядом — каменная стена. Холодная, шершавая, с небольшими зазорами между кладкой. Я провела по ней пальцами, исследуя, потом осторожно прислонилась лбом. От тянущей прохлады боль в висках начала медленно отступать. Я позволила себе посидеть еще несколько минут, борясь со слабостью, прежде чем опереться на липковатую от влаги поверхность и встать.

Не спеша, придерживаясь стены одной рукой и выставив вторую, я двинулась вперед. Через пять шагов мои пальцы коснулись новой каменной преграды. Потом еще одной слева. Повернув направо, я сделала семь шагов и врезалась в решетку. Прошла вдоль нее, добралась до другой стены; новые семь шагов, и вот я снова у тюфяка.

Опустившись на тонкую подстилку, я подтянула колени к груди и принялась ждать. Если меня не убили сразу, значит, чего-то хотят добиться. Осталось только узнать, чего именно.

Однако время шло, а ко мне никто не приходил. Камера совсем скоро погрузилась в темноту, наполнилась шорохами. Я обнимала себя за плечи, ежилась от холода, ощущавшегося с каждым часом все отчетливее, и старательно вслушивалась в окружающие звуки — все надеялась услышать поступь приближающихся шагов. Но было тихо.

До самого рассвета я продолжала жадно ловить каждый звук и упрямо боролась со сном. Иногда усталость все же брала свое, и я проваливалась в легкую дрему, но даже в ней не переставала вслушиваться в шорохи.

А утром ко мне наконец пожаловали. Увидев подошедшего демона, я не сдержала усмешки.

— Все-таки ты? — спросила, дернув уголком рта.

ГЛАВА 20

Вопрос вышел риторическим — ответ на него стоял по ту сторону решетки и, кривя тонкие губы, не сводил с меня внимательного взгляда.

— Месть? Ущемленная гордыня? Жадность? Амбиции?

— Все сразу, — соизволил ответить демон.

Потом чуть поддернул темные штанины и присел. Теперь наши лица оказались вровень.

— Но сейчас я говорю не только от своего имени, — продолжил он, гипнотизируя меня бледно-голубыми глазами.

— Что, подался в посыльные? — не удержалась я от сарказма, поняв, о чем речь.

Разум сбоил, вымотанный переживаниями и бессонной ночью. Чувство опасности притупилось.

— Ты все так же ершиста... Рея, — хмыкнул высший. — Могла бы быть и поласковее с тем, кто спас тебе жизнь.

Я нахмурилась:

— Ты? Спас?

— Совет хотел избавиться от тебя, но, узнав, что ты избранная Великим истинная пара для одного из нас, мм... передумал.

— Струхнул, — поправила я с улыбкой.

Даже высшие демоны, как оказалось, боятся гневить того, кто стоит над всеми нами. Кто решает наши судьбы, щедро одаривает или безжалостно карает.

— Может, и так. — Торрел пожал плечами. — Но только теперь Совет готов пойти на мирное разрешение вопроса. Тебе сохраняют жизнь, Рея, более того — на нее перестанут покушаться. Тебя примут. Закроют глаза на твоё происхождение, — медленно, делая паузы между предложениями, перечислял он. — Тебе всего лишь нужно выполнить два простых условия.

— Каких?

Я напряглась. Сомневаться в том, что условия Совета мне не понравятся, не приходилось.

— Первое: отказаться от Кеорсена. — Тонкие губы снова растянулись в улыбке, на этот раз хищной. — Хватит злить Совет своим посягательством на сильнейшего из нас. Дай ему связать себя с достойной демоницей.

Я хмуро глядела на демона, отчетливо замечая, насколько ему

нравится происходящее: мое положение плененной и его власть. Интересно, понимает ли он, что Совет лишит его этой дутой власти, как только перестанет нуждаться в услугах посредника?

— А второе условие?

— Выйти за меня замуж, — еще сильнее оскалился Вирсейр. — По сути, сделать то, что и так должна была. Наши семьи окажутся в выигрыше, Совет успокоится, а Верина и Кеорсен станут прекрасной первой парой — гордостью и цветом мира высших.

Не сдержавшись, я хмыкнула:

— Неужели ты так жаждешь подняться хоть на ступень, что готов связать себя с полукровкой?

— А почему нет, Рея? Глупо отказываться от столь удачной возможности, а я себя глупцом не считаю.

С языка почти сорвалось дерзкое «напрасно», но я сдержалась. Не стоит накалять обстановку, лучше от этого точно не станет. По крайней мере, мне.

— И почему же ты думаешь, что я соглашусь? — спросила с полуулыбкой.

Если бы не разделяющая нас решетка, не тонкий тюфяк, слабо защищающий от тянущего понизу холода, не моя усталость, можно было бы представить, что мы сидим в гостиной одного из родовых замков. Пьем чай или вино и ведем почти светскую беседу.

— Совет успел изучить тебя, колючка Рея. На твою покладистость никто не рассчитывал, потому было решено помочь тебе сделать правильный выбор.

Я напряглась. Торрел же выпрямился, отошел на несколько шагов вглубь коридора и взял со стола какой-то ларец. Довольно крупный, с полукруглой крышкой.

Недоброе предчувствие затопило мысли, как разошедшаяся в полноводье река. Оно же подтолкнуло меня подняться, хватаясь за влажную стену в попытке удержать равновесие — за долгое время сидения в одной позе ноги онемели, и доковылять до решетки.

— Гляди, что у меня есть, — улыбнулся Торрел. Развернул ларец к себе, открыл его и выудил оттуда чашку.

Я моргнула. Что? Что за ерунда? Он издевается?

Но потом пригляделась. Из голубого фарфора, с тонкой окантовкой из белоснежных цветов чашка казалась очень знакомой. Узнавание замаячило на краю сознания, словно юркая лента. Я почти ухватила ее за юркий край, но Торрел спрятал вещь обратно в ларец.

— Ладно, а если так?

Теперь из деревянных недр появился тонкий блокнот для рисунков. Его я узнала сразу. Дернулась, не отдавая себе отчета, и попыталась выхватить драгоценные листы из рук демона. Но тот увернулся.

— Вот так-то лучше, — оскалился он.

Захлопнув ларец и отставив его на пол чуть позади себя, Торрел принялся лениво листать страницы. Я больше не шевелилась, только прожигала его яростным взглядом.

— Твоя мать, надо полагать? — спросил Вирсейр, разглядывая наброски. — А ничего себе. Хотя не настолько, чтобы замарать высшего подобной связью.

— Что с Тиной? — Мой голос прозвучал холодно.

И чашка, и блокнот — из лесного убежища. И раз теперь они оказались здесь, это означает лишь одно — кто-то побывал под защитным куполом. Как? Не знаю. Но сейчас меня беспокоит другое.

— Что с Тиной? — повторила я настойчивее, не дождавшись от Торрела реакции. Он продолжал изучать рисунки. — Эй! — прикрикнула, поняв, что отвечать мне никто не собирается.

Оторвав взгляд от листов, Торрел посмотрел на меня.

— Так не пойдет, Рея, — качнул он головой. — Если хочешь что-то узнать, умей просить.

Голос Торрела звучал мягко, почти заботливо, только я слышала плохо скрытое торжество и видела хищные искры в глубине светлых глаз. Демон ликовал, упиваясь моей зависимостью.

Внутри меня все взбунтовалось. Я не желала играть по навязываемым правилам, но понимала: другого выхода нет. Не сейчас, когда речь идет о Тине.

— Пожалуйста, Торрел, — послушно произнесла я, — скажи, что с Тиной.

— Мм, недостаточно искренне, — скривился он. — Попробуй еще раз.

Я скрипнула зубами, но попросила снова. И вновь высший остался недоволен.

— Нежнее, Рея. Старательнее... — Голубые глаза полыхнули огнем желания.

— Пожалуйста, — выдохнула я еле слышно. Подалась вперед и опустила пальцы на холодный металл решетки. — Торрел, прошу тебя, скажи! Ты один можешь успокоить мое волнение. Пожалуйста...

Губы демона едва заметно приоткрылись. Дыхание участилось.

— Умница, Рея, — похвалил он хрипло. — Просто превосходно. Такая

покорность, такая зависимость... — Зрачки демона расширились, выдавая его наслаждение. Но, наткнувшись на мой хмурый взгляд, Торрел скривился. — В порядке твоя дорогая человечка. В порядке...

Я не сдержала полного облегчения выдоха, но тут же замерла, услышав насмешливое:

— ...пока. И если ты хочешь, чтобы с ней и дальше все было хорошо, придется выполнить условия Совета.

Внутри все оборвалось. Я догадалась, что сейчас услышу.

— Кеорсен или Тина. Ты можешь выбрать кого-то одного. Так что же для тебя важнее, колючка Рея: собственные чувства или чужая жизнь?

Торрел ушел, дав мне время на размышление до вечера. При этом выглядел настолько довольным, словно не сомневался в моем выборе и уже праздновал победу.

Я ненавидела его. Каждую черточку его лица, тембр его голоса, манеру тянуть гласные, хищную улыбку и безумный блеск в глубине голубых глаз. Если бы только ненавистью можно было убивать, Торрел давно отравился бы моим ядом.

Этот демон меня пугал. Я не знала, чего от него ждать и как далеко он готов зайти. Сейчас, чувствуя поддержку Совета, Торрел выпустил на волю внутренних демонов. Он словно потерял сдерживающие его границы и упивался властью. Даже мои попытки уверить, что Кеорсен ни за что не отступится, не возымели эффекта. Торрел лишь искривил губы в самоуверенной улыбке и, уходя, бросил, что знает, как охладить пыл Артенсейра. Уверенность, так отчетливо прозвучавшая в его голосе, заставила кожу покрыться мурашками.

Меня трясло. Возможно, от сырости подземелья, от тянущего по полу холода. А возможно, от стягивающего внутренности льдом отчаяния.

Разве могу я сделать выбор? Предать Кеорсена? Того единственного, рядом с кем сердце бьется так радостно и замирает так сладко. Или Тину? Добрую, искреннюю, доверившуюся мне. Разве должна она страдать из-за того, что стала близка мне?

Великий, как она вообще попала в лапы Совета? О расположении лесного убежища знают только четверо: я, Кеорсен, Рейшар и Маорелий. Неужели отец предал меня? Но ради чего? Он ведь всегда беспокоился о моей безопасности. Да, не всегда мог ее обеспечить или выбирал методы, с которыми я была не согласна. Но сейчас...

А что сейчас? Если ради спасения Тины я пойду на условия Совета, все сложится так, как Маорелий изначально и планировал.

Закрыв глаза, я застонала.

Душу разрывали отчаяние, боль предательства и страх перед необходимостью решать чужие судьбы. Дрожь усиливалась. Я обхватила себя за плечи в попытке сдержать ее, уткнулась лбом в переплетенные руки и закусила губу. Я не стану плакать! Не сдамся! Не знаю как, но не уступлю. Я обязана найти способ спасти Тину, не отказываясь при этом от Кеорсена.

День медленно клонился к вечеру. Свет, едва проникающий в камеру сквозь зарешеченное окно, становился все более тусклым. Еды не было. Воды тоже. Жажда царапала горло шершавой щеткой, и я часто сглатывала в пустой надежде избавиться от неприятного ощущения. Голова едва ощутимо кружилась.

За прошедшие часы я успела изучить камеру вдоль и поперек, ища хоть одно, пусть даже самое слабое магическое плетение — что угодно, что могло бы помочь выбраться отсюда. Но вокруг был лишь камень, металл решеток и сырость, липкой пленкой покрывшая каждый сантиметр пространства.

Уже в сумерках я услышала гулкий звук приближающихся шагов. Поднялась с тюфяка и нетвердой походкой, выдающей проклятую слабость, приблизилась к решетке. Спину при этом держала идеально прямой. Демоны не увидят меня сломленной!

В этот раз Торрел пришел не один. За его левым плечом маячил огромный низший с перебитым носом и сколотым правым рогом. Но гораздо больше внешности в синекожем демоне меня интересовали нити магии, оплетающие его тело едва заметным коконом. Щиты, заклęcia, связанные с наручами, браслетами и серьгами. Я уже видела большую часть из них на тех низших, что напали на меня в ущелье. И похоже, перед смертью ни один из них не успел предупредить, что полукровка может перехватывать контроль над чужой магией. Торрел, сам того не ведая, доставил ключ к моему спасению.

Улыбку я сдержала в последний момент. Еще рано.

— Здравствуй, дорогая. — А вот у Торрела причин сдерживать улыбку не было. — Скучала? Надеюсь, ты все обдумала и готова упасть в мои объятия. — В издевательском жесте он развел руками.

— Я скорее упаду в объятия низшего, чем в твои, — ответила холодно.

Губы Торрела на секунду поджалились, но уже в следующий миг он вновь растянул их в кривоватой улыбке:

— Ты не разочаровываешь меня, дорогая! Твое упрямство заводит. Я ведь говорил, как люблю укрощать диких. Пойдем, — он коротко кивнул

низшему, и тот шагнул к решетке, доставая связку ключей, — я помогу тебе принять правильное решение. Пора навестить твою рабыню.

При упоминании Тины все во мне дрогнуло. Пришлось с силой прикусить щеку, и мгновенная боль отрезвила. Сейчас нельзя поддаваться чувствам. Если хочу выбраться отсюда, если хочу спасти Тину, если хочу побороться за право быть с Кеорсеном... я не имею права на слабость.

С лязгающим звуком ключ встал в паз, а затем дважды провернулся. Низший отворил решетку и посторонился, давая мне пройти. В ту же секунду я атаковала.

Перехватила контроль сразу над двумя заклятиями и, как в порталном зале Рингвардаадов, принялась их менять. Не обращая внимания на слабость, дрожь и вернувшуюся жажду, я стягивала и скручивала потоки, чтобы уже в следующий миг накинуть на демонов. Спеленать их тела невидимыми путами и с грохотом уронить на пол.

Зрение поплыло, желудок скрутило. Но расслабляться рано — в коридоре снова раздался топот.

Выхватив еще одно из заклятий, вплетенное в наручи поверженного низшего, я принялась менять и его. Ноги дрожали, норовя подкоситься. Дышать становилось все труднее, словно вокруг меня вдруг начал заканчиваться воздух. Перед глазами плыло — я едва разбирала, куда иду. Под кожей разгорался пожар, и с каждой секундой он лишь набирал силу.

Я почти дошла до лестницы, когда на ней показались сразу двое низших. Огромных, мощных, щерящих зубы. Из последних сил я замкнула плетения и накинула получившуюся паутину на демонов. Она оплела их тела и заставила замереть, точно пойманных в каплю смолы насекомых. Я же без сил рухнула на пол, до боли отбив колени, и закричала.

Голова взорвалась снопом искр, огонь, пожирающий мое тело, стал невыносимым. Он плавил кожу и жадно вгрызался в кости, норовя рассыпать их пеплом. Я знала эту боль, помнила ее. Третий блок... Опасность, скрытая внутри меня самой, вновь пробудилась.

ГЛАВА 21

Тело снова скрутило, сотни невидимых игл разом вонзились под кожу. Сердце заколотилось испуганно и нервно, с силой ударяясь о ребра. Оно словно пыталось пробить грудную клетку и спастись от разрастающегося пламени. А в следующий миг жар внезапно сменился холодом — моя природа будто обратилась против меня и вознамерилась уничтожить.

«Сконцентрируйся на дыхании, не позволяй боли затмить разум. Цепляйся за что угодно, но держи себя на поверхности», — в ушах зазвучал голос Кеорсена.

Проглотив слезы, я подняла голову и попыталась сфокусировать расплывающееся зрение на замерших демонах.

— Двое низших, — выдохнула сквозь стиснутые зубы. — Черные ботинки, форма с нашивками. На груди отличительный знак — два скрещенных меча-а-а. — На последнем слове я все же сорвалась на стон.

Пляшущие перед глазами искры слепили, во рту появился металлический привкус.

— Шесть насечек на рогах у правого низшего, — продолжила, едва почувствовав, что снова могу говорить. — Четыре — у левого.

Я кусала губы, скулила, но упрямо не позволяла себе провалиться в темноту. Цеплялась за каждую деталь в облике демонов, за каждую несущественную мелочь. Заставляла себя разглядывать их снова и снова.

Главное, не обращать внимания на боль. Это все происходит не со мной. Это не мне больно. Не мне! Со мной все в порядке, я справлюсь. Я должна. Ради Тины, ради Кеорсена... ради себя.

И медленно, явно нехотя, пожар успокаивался. Спустя полминуты получилось сделать глубокий вдох, а еще через столько же — осторожно встать и продолжить путь. Теперь я двигалась медленнее. Колени дрожали, ноги то и дело норовили подкоситься, и лишь усилием воли я заставляла их переступать. Шаг. Шаг. Еще один.

Кожа побелела, и теперь на фоне серого камня моя рука казалась не живой, а будто сделанной из воска. И без того тонкие пальцы стали походить на веточки. Придерживаясь ими за стену, я протиснулась мимо замерших низших, поднялась по лестнице и оказалась возле массивной, укрепленной железом двери — слишком тяжелой, чтобы одолеть ее с первого раза. Пришлось трижды навалиться всем телом, прежде чем та поддалась. Я еле успела проскользнуть в образовавшуюся щель, как темное

дерево тут же захлопнулось, едва не прищемив подол моего платья. Скользнув по нему взглядом, я на секунду замерла, переводя дух.

За переживаниями прошедших суток из памяти почти стерлись воспоминания о том, как старательно я выбирала наряд на встречу с Амадейной, как хотела выглядеть достойной, равной. Сейчас же темно-синяя ткань с искусной черной вышивкой смотрелась плачевно.

Равная... Чтобы таковой стать, мало выглядеть, как они. Необходимо доказать им собственную силу — ведь только ее ценят демоны. А раз так, сдаваться сейчас я не имею права.

Злобно глянув вниз, будто видя спрятанные под юбкой подрагивающие ноги, я упрямо продолжила идти по коридору. Дошла до новой лестницы, которая, по моим прикидкам, должна вывести меня с подземного этажа, и замерла, услышав низкий рык.

Вскинув голову, я встретила взглядом со спускающимся темным. Невысокий, худощавый, он выглядел слабым. Но при этом двигался очень выверенно, плавно, как настоящий хищник. На секунду сердце споткнулось, когда демон пружинисто оттолкнулся и кинулся вперед. Осознание неизбежности было слишком ясным — я не успевала даже оценить оплетающую темного магию, не говоря уже о том, чтобы перехватить над ней контроль.

— Стой!

Испуганный вскрик сорвался с губ непроизвольно. Пустое, отчаянное желание спастись. Но темный вдруг замер. Его тело окаменело в почти завершенном прыжке: одна нога уже крепко стояла на ближайшей ко мне ступени, пальцы замерли в нескольких сантиметрах от моего горла. Хищный оскал, прищуренный взгляд — каждая эмоция, успевшая отразиться на лице демона, застыла, точно у статуи. И только раскатистый рык продолжал вырываться из обтянутой формой груди.

Как? Почему?

Отступив, я огляделась в поисках того, кто мог бы сотворить подобное. Узкий коридор позади меня оставался пустым, на лестнице, кроме замершего темного, тоже никого не обнаружилось. Что ж, если кто и помог мне, явиться за благодарностями он не спешил. Я же медлить не могу: где-то здесь держат Тину, и я должна найти ее.

Лестница вывела меня в очередной коридор. Только этот, в отличие от предыдущих, выглядел жилым: по полу тянулась темно-серая ковровая дорожка, закрепленные в стенах магические светильники наполняли узкое помещение светом.

Не мешкая, я перехватила контроль над одним из плетений и

перетянула его к себе. Кто бы ни ждал меня впереди, я должна быть готова дать отпор.

Внезапно слух уловил звуки скрежета стали, крики, грохот — где-то совсем рядом идет битва. В душе встрепенулась надежда. Она же придала сил. Не отпуская забранную магию, я дошла до новой массивной двери и не сдержала вскрика, когда та с грохотом распахнулась.

В проеме застыл демон. Высший. В черной одежде, перетянутой ремнями и скрывающей тело от шеи до пят. В каждой руке он держал по длинному, чуть загнутому клинку, с лезвий тягучими каплями срывалась кровь. Кровь была и на одежде, и на волосах цвета темного серебра, и на лице, чьи заострившиеся черты выглядели устрашающе хищно. Но пугали меня не они, а глаза демона — два кровавых озера, затопивших радужку и белок. И только черный зрачок, словно крохотный остров, выделялся среди разлившегося алого безумия.

— Кеорсен... — прошептала я, глядя на изменившегося высшего.

Он с шумом втянул носом воздух и сощурился. Черные зрачки на секунду расширились, но уже в следующий миг вновь собрались в точку.

Что это значит? Узнал ли он меня?

Я не знаю... не понимаю такого Кеорсена. И боюсь. Вот только не самого демона, а охвативших его эмоций. В памяти всплыли слова Рейшара, уверявшего, что ярость может захватывать высших, поглощать их разум. И сейчас, глядя на изменившегося Кеорсена, я боюсь именно этого — потерять того, кого люблю.

Люблю? Да, люблю.

Осознание пришло внезапно, но очень спокойно. Не было ни внутренней бури, ни волнения, ни страха. Я действительно люблю этого демона, готова принять любым, и единственное, чего хочу, — чтобы он всегда был рядом.

— Кеорсен, — повторила я, не в силах отвести от него взгляда.

В два шага оказалась рядом и, закрыв глаза, прижалась к нему. Высший вздрогнул от моих прикосновений и замер, точно решаясь... На что? Я не знаю. Все, что я могу, — доверять ему и надеяться, что он сможет побороть затопившую его ярость, что узнает меня и не навредит.

С тихим звоном клинки упали на пол, а меня стиснули крепкие руки. Слишком сильно, почти до боли, но я не дернулась. Подняла лицо, заглядывая в алые глаза, привстала на носочки и поцеловала. Не обращая внимания на заляпанную кровью одежду и лицо, я прижималась, тянулась за губами Кеорсена. Снова дышала им, и с каждым вдохом ко мне возвращались силы. Еще недавно подкашивающиеся ноги теперь легко

удерживали мой вес, дрожь отступала. Но, забирая, я отдавала взамен часть себя самой, взывала к сути демона, пыталась вернуть его к свету, как возвращал меня он.

Почувствовав, что слишком сильные объятия сменились бережными и заботливыми, я отстранилась. Снова посмотрела на высшего и улыбнулась, уверенно и смело.

— Нам нужно спасти Тину. Думаю, она где-то здесь.

Кеорсен кивнул. Взгляд его постепенно избавлялся от алой пелены. Сделав пасс рукой, демон поднял клинки магией, крепко ухватил их и развернулся к двери, из которой совсем недавно вылетел.

— Держись позади и постарайся не смотреть по сторонам, — предупредил он.

Я послушно отстала на шаг, но следовать второму пожеланию не собиралась. Я не стану прятаться и притворяться, будто не понимаю яростной природы демонов. Меня воспитала Ба в закрытом от всех мире, и привитые ей представления о правильном и неправильном сильно отличались от демонических. Однако я не позволю предубеждениям зашорить мое сознание. Высшие демоны — жестокие создания, не умеющие прощать, но при этом они готовы защищать то, что для них дорого, до последней капли крови. Свет и тьма, живущие в высших, переплелись слишком тесно, чтобы можно было отделить одно от другого.

В огромном зале, куда мы ступили, царила смерть: беспощадная и голодная, растерзавшая десятки тел. Ее крылья протянулись над всем помещением, укрыв его невидимым саваном. Мой взгляд скользил по искореженным трупам, по липким пятнам крови, покрывшим все вокруг, по гримасам ужаса и злости, застывшим предсмертными масками на лицах поверженных.

— Я предупреждал, что лучше не смотреть, — произнес Кеорсен, бросив на меня взгляд через плечо. — Они заслужили. Предатели.

В голосе демона не прозвучало даже тени сомнения — лишь мрачная решимость.

— Ты знаешь, где они могли держать Тину? — перевела я тему.

— Нет, — коротко ответил он. — Если на верхних этажах, то Рей найдет ее.

— Рей? Он здесь?

— Да.

— А... — Я бегло огляделась, продолжая послушно следовать за демоном. — А где мы?

— Поместье Алви-Шандаад второй побочной ветви рода Шандаад.

— Шандаад? Десятый дом? Но при чем тут они?

Не сбавляя шага, Кеорсен обернулся и подарил мне хитрую усмешку.

— Потому что это дом матери Торрела.

Оторопев, я сбилась с шага и не упала только потому, что Кеорсен успел вовремя меня придержать.

— Что? Подожди, этого не может быть! Он же Вирсейр и...

— И самый слабый в роду, — закончил он за меня. — Майрея — жена Дердена — приняла второго сына своего мужа от связи с младшей дочерью Алви-Шандаада. Даже удивительно, как Лерден связался с демоницей столь низкого происхождения. Может, то была лишь недолгая интрижка, которая внезапно закончилась беременностью юной пассии.

— Юной?

— Дарине было всего сто сорок лет. Совершеннолетняя, но все равно слишком молодая для связи с кем-то вроде Дердена. Скорее всего, она прельстилась его положением. Для побочной ветви Шандаад даже седьмой род кажется чем-то недостижимым. Как бы там ни было, Дарина забеременела, и Лерден, желая сохранить случившееся в тайне... купил ее.

— Что? — Я снова не поверила ушам.

Высшие же не рабы! Их нельзя купить и продать!

— Отец Дарины оказался слишком жадным и согласился на предложение Лердена. Дарину, как я понял, никто не спрашивал. А спустя год после рождения Торрела она умерла.

— Сама?

Кеорсен хмыкнул.

— Сомневаюсь. Но меня это не особо интересует. Гораздо любопытнее то, что Торрел был представлен миру высших как сын Лердена и Майреи. О его связи с родом Шандаадов никто не знал.

— А отец Дарины? Неужели смерть дочери ничего для него не значила?

— Скорее всего. Продав дочь, он отказался от нее. Встреч с Торрелом не искал то ли потому, что не испытывал родственных чувств, то ли не желал выдать происхождение собственного внука и тем самым снизить его шансы на удачный брак. Кто знает.

Мы успели миновать два холла, подняться по лестнице и теперь шли вдоль узкого коридора, украшенного картинами и высокими вазами с цветами. Точнее, когда-то украшенного. Сейчас вытянутый проход выглядел пугающе: валяющиеся на полу картины в сломанных рамах, фарфоровые осколки, с громким хрустом ломающиеся под ногами, раскиданные по серому ковру цветы... И пятна. На полу, на стенах, даже на

потолке — алые цепочки смазанных пятен.

Вокруг было тихо, словно в поместье не осталось никого, кроме нас с Кеорсеном. Чем дальше мы шли, тем сильнее грудь сдавливало от беспокойства. Здесь ли Тина? В порядке ли она? Не пострадала ли? А если...

Додумать я не успела. Одна из дальних дверей несмело приоткрылась, и в коридор шагнула Тина, а за ней Рейшар.

— Я же говорил, что это они, — хмыкнул он у нее над головой. — Все, не трясись, здесь твоя Сати. Цела, видишь?

Едва я вышла из-за спины Кеорсена, как Тина — всегда робкая, старающаяся лишний раз не привлекать к себе внимания — бросилась ко мне с явным стремлением обнять. Но в последний момент, не дойдя шаг, остановилась. Все-таки Тина — всегда Тина, и у ее смелости тоже есть границы.

Улыбнувшись, я сократила расстояние и заключила девушку в крепкие объятия. А потом закусила губу, услышав полное беспокойства:

— Хвала Великому, вы в порядке!

— Хвала Великому, в порядке ты, — ответила я, чувствуя окутавшее меня тепло.

Маленькая Тина, даже пойманная высшими, переживала за меня. И от осознания этого на душе стало светлее.

ГЛАВА 22

Северный замок Артенсейров располагался высоко в горах. Не такой большой, как родовой, укрытый снегом, с узкими вытянутыми окнами и шпилями башен он словно повторял окружающий пейзаж, вписывался в него, становясь его частью.

Я смотрела на картину в тяжелой позолоченной раме, висящую над камином, и не могла перестать любоваться изображенным на ней замком. На улице бушевала метель, выводя в дымоходе одной ей ведомую мелодию. Треск пламени, снопы искр, с которыми ломались объятые огнем поленья, аромат пряного вина, поднимающийся от горячего напитка, — в гостиной Северного замка царил атмосфера уюта и спокойствия.

Тина сидела в мягком кресле, подложив под спину маленькие подушки, и грела руки о чашку с травяным чаем. Зная, что никто, кроме хозяина замка, не сможет войти в эту комнату, мы обе чувствовали себя защищенными. Нет, страх случившегося еще не забылся, но теперь он ощущался притупленно. И только беспокойство за оставшихся в поместье Алви-Шандаад Кеорсена и Рейшара не давало полностью расслабиться.

— Не переживайте, махра. — Голос Типы вывел меня из размышлений.

Повернувшись, я встретила теплый взгляд карих глаз.

— Махры Артенсейр и Моргран — сильнейшие среди высших. Когда они вместе, им никто не может противостоять. Скорее стоит переживать за того демона, о котором говорили махры... Махр Торрел, кажется.

Я улыбнулась и, подойдя, опустилась в соседнее кресло.

— О, поверь, Торрел последний, кто заслуживает того, чтобы о нем беспокоиться, — заметила с усмешкой. Потом замерла на несколько секунд, вглядываясь в доброе лицо Тины, и вздохнула. — Мне искренне жаль, что из-за меня ты оказалась втянута в игры Совета.

Она пожала плечами. Причем до того расслабленно, словно не видела повода для волнений.

— Уберечься от высших невозможно — они слишком могущественны, — произнесла она буднично. — Ничто, даже защитный купол не сможет уберечь, если высшие выбрали жертву. Тут нет вашей вины, махра.

— Но почему купол пропустил чужаков? — Я вопросительно посмотрела на Тину и встретила ее очень серьезный взгляд.

— Он пропустил лишь одного — высшего со злыми голубыми глазами. А тот уже впустил низших.

— Ему удалось снять защиту? Но как?

— Нет, махра. — Тина качнула головой. — Он не снимал ее, он прошел сквозь, как если бы это сделали вы.

Несколько секунд мы обе молчали. Пятиана вернулась к чаю, я же обдумывала услышанное. Единственное, что могло бы объяснить странное поведение купола, — наличие у Торрела кровной привязки. Такой же, какую я сделала Тине. И есть лишь один демон, способный сотворить это. Маорелий.

Кеорсен с Рейшаром вернулись через два часа. Шагнули из открывшегося в центре комнаты портала и разошлись: Рей направился к стоящим на высоком круглом столике хрустальным бутылкам, заткнутым тяжелыми пробками, Кеорсен же первым делом заключил меня в крепкие объятия. Зарылся носом в мои волосы и оставил на них едва ощутимый поцелуй. Потом увлек меня за собой и усадил рядом на диван.

Рейшар тем временем наполнил бурбоном два стакана с толстым дном и, передав один из них Кеорсену, опустился в кресло.

— Ты начинаешь меня пугать, — хмыкнул Моргран, поглядывая на меня сквозь прозрачные стенки и плещущуюся за ними жидкость. — Нет, не пойми неправильно, мне понравилось, как ты разделалась с Торрелом. Но все-таки это... пугает.

— Что? — Я нахмурилась. — Разделалась? О чем ты?

— Это ведь ты их связала? — уточнил Кеорсен. Я кивнула. — А как?

На несколько секунд я задумалась, потом, осторожно подбирая слова, заговорила:

— Я научилась не просто перехватывать контроль над чужой магией, а менять ее. В первый раз это случилось в замке Рингвардаадов. Тогда, опасаясь, что Маорелий не позволит мне встретиться с Лунарой, я спряталась в порталном зале. Позже, в ущелье, я... забирала магию низших, чтобы использовать ее против них же. Но тогда я меняла плетения не полностью, а лишь частично. В этот раз я использовала магию низшего, чтобы связать его самого и Торрела.

Рейшар хмыкнул и глотнул бурбона.

— Знаешь, а я начинаю понимать, почему твои силы запечатали. Даже с блоком на сути ты развиваешься слишком быстро: от невосприимчивости до умения менять уже существующие заклятия, и более того — воздействовать на чужую магию. Проклятье, это действительно пугает!

Я открыла рот, желая поведать о собственных подозрениях насчет

третьего блока, но заговорил Кеорсен:

— Рей хочет сказать, что ты связала не только Торрела и низшего — ты связала их магию.

Все мысли тут же вылетели из головы, оставив меня в полной растерянности. Я смотрела в смеющиеся серебряные глаза и, кажется, даже дышала через раз.

— М-магию? — кое-как выговорила, справившись с оторопью. — Это возможно?

— В некотором роде ты наложила на них блоки, как моя мать на тебя двадцать лет назад.

— И теперь Торрел самый слабый не только из Вирсейров, но и из всех высших, — с довольной улыбкой заметил Рейшар, салютуя мне стаканом. — Просто шикарное наказание! Так щелкнуть по носу этого выскочку — ух, как же он бесится!

Меня же, в отличие от Морграна, новости не порадовали.

— Получается, Торрелу сойдет все с рук? Похищение Тины, меня? Попытки шантажа?

Высшие почти одинаково поморщились.

— Подвести случившееся под рассмотрение Круга будет сложно. Ты — обещанная Торрелу невеста, и твое временное заточение можно рассматривать едва ли не как ролевые игры. Мало ли что у вас за вкусы, — пожал плечами Рейшар. — Тина же в первую очередь человек, и потому в отношении ее вопрос подниматься не будет. Точнее, единственный вопрос, который может быть задан: почему она жива при имеющихся записях о смерти рабыни с номером, как у нее. Поверь, о Тине лучше даже не заикаться. Да и насчет лесного дома... — Он качнул головой. — Если выносить вопрос на рассмотрение Круга, слишком многие узнают о твоём убежище, и сохранить его в тайне не получится.

— А разве тайна не стала явной?

— Относительно. Низшие, которые, как я понял, были под куполом, оказались в поместье Алви-Шандаад. В нем же они и остались, — добавил он, оскалившись. — Торрел сейчас слишком напуган своей слабостью, чтобы думать о каком-то там убежище в лесу. А после можно выжечь его память о доме. И нас снова остается четверо... пятеро, — исправился Рейшар, глянув на Тину, — хранителей тайны.

— То есть Торрел выйдет сухим из воды, — хмуро подвела я.

— Не совсем. — Кеорсен накрыл мою ладонь своей. — Без магии он не сможет появиться в обществе высших. Ты же видела наши приемы. Вспомни хотя бы вечер в замке Рея — иногда мы можем бросить друг в

друга магией. Просто развлечения ради. — Он улыбнулся. — Но Торрел, даже увешанный артефактами, станет уязвимым. Слабым. Позор для любого высшего. Не сомневаюсь, он скорее предпочтет добровольное заточение, пока наложенный блок не падет.

— А если он его снимет?

— Для этого надо сначала понять, как именно и в какую часть его сути вплетен блок, — хмыкнул Рей. — Не видя магии, сделать это почти невозможно. А из видящих у нас только ты. Так что, если ты сама не поможешь, Вирсейры будут долго пытаться справиться с твоим подарком.

— К тому же, уверен, новый скандал не поспособствует их душевному спокойствию.

Я недоуменно посмотрела на Кеорсена. Рейшар же широко улыбнулся.

— Не-э-эт, — протянул он, не скрывая удовольствия, — ты что же, собираешься раскрыть миру маленький секрет Торрела?

— Он так рвался сменить род... — небрежно отозвался Кеорсен, пряча лукавую ухмылку в уголках рта. — С Рингвардаадами не вышло, но от Шандаадов ему точно не скрыться.

На секунду в гостиной повисла тишина, а потом Рейшар громко захохотал и, отсалютовав нам стаканом, опустошил его залпом.

Ночью я спала хорошо, несмотря на изматывающие события последних суток. Видимо, присутствие Кеорсена, его рука, прижимающая меня к сильному телу, его дыхание, шевелящее мои волосы, и размеренный стук сердца действовали на меня умиротворяюще.

Кеорсен не мог находиться рядом и не касаться меня. Ему нравилось скользить по моей коже не только взглядом, но и пальцами, губами. Я снова ловила себя на мысли, что не перестаю удивляться тому, насколько гармонично переплетены в демоне жестокость и мягкость, смертоносность и умение защищать. Рядом с ним я сама меняюсь: ощущаю себя и сильной, способной справиться с чем угодно, и ранимо-слабой, нуждающейся в защите. И Великий свидетель, мне нравится такая многогранность.

Осторожно, стараясь не потревожить спящего высшего, я выскользнула из кровати и на цыпочках подошла к окну. Рассвет окрасил горы в розовый и лиловый, переливаясь на снежных шапках слепящими искрами. А высоко над ними, на медленно тающем чернильно-синем небосводе еще светились звезды. Последние, самые яркие.

От окна тянуло холодом, и я обхватила себя за плечи. Отступать, однако, и не подумала — не хотела пропустить рождение нового солнца.

— Не мерзни, мой свет.

Я обернулась и встретила взглядом с Кеорсеном, подкравшимся так неслышно. На плечи мне опустился теплый плед, а сам Кеорсен, держа шерстяные края и замыкая их коконом, обнял меня со спины.

— В тебе так много от демоницы, — выдохнул он, глядя на разливающийся по горам рассвет. — Но вместе с тем так много от человека. Это пугает меня. — Голос Кеорсена звучал тихо, и я почти не дышала, жадно ловя каждое слово. — Люди хрупкие. Пожалуй, даже слишком. И в тебе, мой свет, есть половина их слабостей. Знаешь, чего бы мне хотелось больше всего? Спрятать тебя от всех, уберечь от каждого хмурого взгляда, от каждой злой мысли, способной мелькнуть в головах высших. Спрятать и любить. Днями, ночами, каждую секунду до самой смерти, до самого последнего удара сердца.

Руки, обнимающие меня, сжались, выдавая его напряжение. Откинув голову на плечо Кеорсена, я прикрыла глаза.

— Второй раз за последние недели я испытал страх, впервые за прожитые годы поддался ярости. — Его губы мимолетно коснулись моего виска. — Не знаю, как я сдержался и не убил Торрела. Думаю, только осознание, что ты в порядке, смогло вернуть мне трезвость рассудка. Но клянусь Великим, еще хоть одно движение в твою сторону, и я избавлюсь от бастарда Вирсейров. Меня не остановят ни закон, ни мнение Круга, ни недовольство Совета. Мне надоело бороться с их узколобостью, с их неспособностью принять тебя только потому, что ты полукровка. Сегодня я уйду... — Я испуганно дернулась, но Кеорсен лишь крепче прижал меня к себе. — Ненадолго, мой свет. Я должен наказать тех, кто решил, что имеет право посягнуть на жизнь моей истинной пары.

— Вы узнали, кто стоит за покушениями?

— Только за некоторыми.

— Расскажешь?

— Обязательно, мой свет. — Моего виска снова коснулись губы высшего. — Как только уверюсь, что наши выводы правильные, ты узнаешь обо всем. Обещаю. А сейчас, — меня развернули и одарили дразнящей улыбкой, — нам лучше вернуться в постель.

Улыбнувшись в ответ, я привстала на носочки и поцеловала Кеорсена. Когда он рывком подхватил меня на руки и понес к кровати, ухватила пальцами за его плечи и прижалась теснее.

Кеорсен превратил Северный замок в крепость. Все входы и выходы, все окна и балконы накрывал защитный полог, чем-то напоминающий купол над лесным домом. Прodelывать подобный трюк над замком было

слишком затратно в магическом плане, а вот защитить таким образом слабые места казалось логичным. Кроме того, над замком кружили темные демоны, присягнувшие на крови Кеорсену. Как он пояснил, отныне темные будут защищать замок ценой собственной жизни.

Сам же Кеорсен запечатал входы порталов. Теперь даже Лунара не могла явиться в гости, если только кузен не приведет ее лично. Каждый слуга, каждый раб, работающий в замке и на его территории, принес клятву не вредить мне. Кеорсен лично составил текст, который один за другим повторяли люди и демоны, причем делали это в его присутствии.

Кеорсен понимал, что новость о нашей с ним связи скоро дойдет до каждого высшего из двенадцати родов. Но при этом он не желал делать тайны из моего местонахождения. Напротив — решил показать всем и каждому, что посягательств на свою пару не потерпит.

Тине выделили комнату рядом с моими покоями. Небольшую, но чистую и очень светлую. А вот от прогулок ее попросили воздержаться, если в будущем она надеется исчезнуть из поля зрения демонов, вернувшись в лесной дом. Незачем рабам видеть человека, обладающего такой свободой. И пусть для меня такая свобода весьма условна, Тина с видимым облегчением согласилась. Как она призналась мне позже, ее пугала возможность встречаться с теми, с кем раньше она работала на кухне.

Еду доставляли ко мне в покои. Причем всегда в таком количестве, что с лихвой хватало и на меня, и на Тину. Мы много болтали. Я рассказывала обо всем, что случилось со мной после праздника зимней ночи, Тина — о том, как протекала ее жизнь. Набравшись смелости, я попросила коснуться ее живота, а после с замиранием сердца ловила каждый толчок растущего в ней сына. И внезапно поймала себя на мысли, что пытаюсь представить, каково это — чувствовать подобное?

Эмоции взметнулись, точно поднятая ветром снежная крошка. Щеки полыхнули, и я, оставив Тину на диване, отошла к окну. Несколько секунд старалась выровнять сбившееся дыхание и все надеялась, что тянущий холод остудит охвативший лицо жар. А после, сдаваясь в борьбе с самой собой, прижала пальцы к животу, который сейчас показался слишком плоским. Интересно, каково это — ощущать движение своего малыша? Знать, что внутри тебя растет маленькое чудо? Носить сердце под сердцем?

Закусив губу, я посмотрела вверх — в прозрачно-голубое небо, такое яркое, что глазам больно. Если Торрел был прав в своих рассказах о трех благодатях, которыми Великий одаривает истинные пары, то я... То смею ли я надеяться?

Ветер за окном продолжал играть снежной крошкой, кружил ее в вихре и уносил вверх. Я следила за ее полетом словно зачарованная. На душе было спокойно. Как бы ни сложилась моя судьба дальше, что бы ни ждало нас с Кеорсеном, я благодарна Великому за каждый подаренный миг счастья. А мечты... Иногда они осуществляются, иногда остаются мечтами. И пожалуй, есть определенная магия в том, чтобы не загадывать, а просто жить и надеяться.

ГЛАВА 23

Кеорсен отсутствовал два дня, а на третий вернулся в компании Рейшара. Оба демона выглядели настолько вымотанными, словно последние сутки провели на ногах. Рейшар, непривычно тихий, занял кресло. Откинул голову на высокую спинку и, вытянув ноги, прикрыл глаза. Я почти физически ощущала исходящие от него волны усталости. Как, впрочем, и от Кеорсена.

Не представляю, где они побывали и сколько вопросов решили, но одно то, что двое сильнейших демонов кажутся едва ли ни обессиленными, говорит о многом.

Наконец с тяжелым вздохом выпрямился сначала Кеорсен, а за ним и Рейшар. Оба скользнули почти одинаково безразличными взглядами по низкому столику, уставленному тарелками с едой и высокими бокалами с горячим вином.

— Знаешь, а твой папаша даже еще больший жук, чем я думал, — устало заметил Рей, без особого рвения стягивая с блюда кусок мясного пирога. — Ты ведь догадалась, что это он сделал Торрелу привязку на купол?

Я кивнула.

— А то, что он рассказал Совету и о твоих слабостях, и о лесном доме, и о Тине?

Вздыхнув, я снова кивнула.

— Разлучать истинную пару лично старик побоялся, а вот попробовать это сделать чужими руками духу у него хватило, — все так же устало произнес Рей.

На этот раз я не нашла в себе сил даже на кивок. Во рту появился привкус горечи, и, стараясь от него избавиться, я спешно глотнула вина. Закашлялась, ощутила, как пряная волна прокатилась по языку, обожгла небо и тяжело упала в желудок. Но странным образом дышать стало легче.

Маорелий никогда не видел во мне дочери — только носительницу крови, с чьими чувствами не обязательно считаться. Я знала это, смирилась. Но все же каждое новое напоминание об отцовском безразличии задевало, заставляло что-то внутри болезненно сжиматься. Уже не остро, но все еще ощутимо.

Там, в лесном доме, пусть всего на несколько недель, но я поверила, что была желанным ребенком и что у нас с Маорелием может получиться

стать друг для друга семьей. Теперь же приходилось расплачиваться за каждую иллюзию, в которую по собственной наивности я поверила.

— И все равно я не понимаю, — произнесла, справившись с эмоциями. — Почему Маорелий так противился моему желанию быть с Кеорсеном? Разве такие отношения не делают чести роду Рингвардаадов?

— И да и нет, — пожал плечами Рейшар. — Мимолетные интрижки не имеют значения. А в глазах твоего отца интерес Кеорсена был именно таким. К тому же глава рода и наследница рода не могут быть вместе, ведь каждый должен принять избранника в свой дом. То есть в вашем случае, учитывая место Артенсейров в иерархии высших, сменить дом пришлось бы тебе, а значит, род Рингвардаадов остался бы без наследника. И Маорелия это, разумеется, не устраивало. А потом... — Он на секунду замолчал, не сводя с меня внимательного взгляда. — А потом стало известно, что скоро у него родится чистокровный ребенок, и в старике разыгралась гордость. Не смеет его истинный наследник оказаться ниже полукровки.

— Что? — Мое дыхание снова сбилось. — У Маорелия будет ребенок? От кого?

Больше ложных иллюзий я не питала — стоит родиться чистокровному наследнику, и необходимость во мне исчезнет. И тогда дом Рингвардаадов постарается избавиться от пятна на истории рода.

— Ни за что не угадаешь, — довольно улыбнулся Рейшар. В отличие от меня его открывающиеся подробности приводили в восторг. — Майрея Вирсейр, жена Лердена и твоя несостоявшаяся свекровь!

Я моргнула, не в силах поверить в услышанное.

— Мы сами поначалу опешили, — продолжал светиться, точно полуденное солнце, Моргран. — Но все действительно так! Майрея, как оказалось, не простила мужу интрижку с Дариной. А необходимость признать Торрела сыном перед двенадцатью родами окончательно настроила ее против Лердена. Надо отдать Майрее должное — она долго вынашивала план мести. Думаю, именно с ее подачи начались их отношения с Маорелием. Негласное противостояние, которое шло между твоим отцом и Лерденом, отсутствие у Маорелия детей и постоянной партнерши — для планов Майреи он стал идеальным кандидатом. Да, твое появление выбило ее из колеи, но, думаю, она быстро просчитала варианты и поняла: чистокровного наследника Маорелий желает видеть продолжателем рода гора-а-аздо больше, чем полукровку.

— Со временем старший сын Майреи возглавил бы род Вирсейров, а младший — Рингвардаадов, — заключил Кеорсен. — И только твое

существование омрачало сладость мести.

— Каким образом? Ведь я ничем не угрожаю статусу ее ребенка. Стоит ему родиться, как наследником рода Маорелий признает его.

— Дело не в наследовании. Дело в Торреле: брак с тобой помог бы ему подняться по иерархии родов, а Майрею это не устраивало. Ненависть к собственному мужу и пасынку давно ослепила ее. Она пошла бы на что угодно, лишь бы не позволить возвыситься ни одному из них. Единственное, чего Майрея делать не смела, — вредить Торрелу. Ее сдерживала принесенная Лердену клятва. Но вот избавиться от невесты и тем самым не дать Торрелу перейти в вышестоящий род Майрея могла. Что и попыталась сделать.

— Выходит, это она устроила покушение в ущелье? — Демоны кивнули. — Ее накажут?

— С этим сложнее. — Рейшар вздохнул. — Каждая беременность высших — чудо, и вредить демонице в положении никто не вправе.

— Она больше не посмеет вмешаться, — произнес Кеорсен. — Мы с ней поговорили. — Рейшар громко фыркнул, явно оценив выбранное другом слово. — И Майрея поняла, что если хочет жить после рождения ребенка, то ей лучше даже не смотреть в твою сторону. К тому же ее месть скоро свершится: Торрел унижен, за собственную честь она отомстит рождением наследника другому дому.

— То есть Маорелий получит чистокровного отпрыска?

— Да. На мой взгляд, это даже хорошо. — Кеорсен пожал плечами.

Я нахмурилась, не понимая причин для одобрения, и Рей, заметив это, пояснил:

— Наследница Рингвардадов не сможет перейти в род Артенсейров. А вот демоница Рингвардаад — запросто. Кое-кто эгоистично и жадно преследует собственные интересы.

Повернувшись, я встретила внимательный взгляд серебряных глаз. Кеорсен ждал моей реакции. Возможно, расспросов или даже возмущения, что не спросил моего на то желания. Но недовольства не было. Кеорсен понимал мои желания гораздо лучше, чем я сама. Он предугадывал их. И сейчас снова давал мне то, о чем я втайне мечтала, но не осмеливалась попросить.

Улыбнувшись, я едва заметно кивнула и вернулась к основной теме.

— А желтый турмалин, найденный у низшего? Откуда он у нее? И кто выжиг тому низшему память? Разве Майрея настолько сильна?

— Не настолько, — качнул головой Кеорсен. — Кто ей в этом помог, нам еще предстоит узнать.

Я вздохнула и вновь пригубила вина. Теперь уже без спешки, наслаждаясь пряным вкусом и ароматом.

— И почему этот мир так ненавидит полукровок? — спросила тихо, больше саму себя, чем кого-то из демонов. Но неожиданно услышала:

— Страх часто провоцирует ненависть.

Вскинув взгляд, я уставилась на замолчавшего Рейшара.

— Что ты сказал? — обманчиво спокойно произнес Кеорсен.

— Просто мысли, — попытался увильнуть Моргран, но ему не позволили этого сделать.

— Если ты знаешь что-то, чего не знаем мы, сейчас самое время поделиться.

Рейшар молчал долго. Не сводил с Кеорсена хмурого взгляда и будто никак не мог решиться ответить.

— Ты же понимаешь, что некоторые тайны открыть я не в силах.

— Запечатанные кровью рода? — уточнил Кеорсен и недовольно рыкнул, получив кивок в ответ.

— Рей, — я в беспокойстве посмотрела на сидящего в кресле высшего, — что за тайны? Ты... твоя семья знает, почему Совет приказал вам истреблять полукровок?

— Именно, девочка. — Улыбка, коснувшаяся губ Рейшара, вышла очень печальной.

На секунду дыхание перехватило. Он знал... Все это время знал, почему подобных мне уничтожают, почему нас ненавидят, почему запрещено любить неугодных, почему... Так много «почему» и ни одного ответа. А ведь они были! Все это время были в голове Рейшара! Он понимал происходящее гораздо лучше меня и Кеорсена, но продолжал молчать.

В душе поднялась волна возмущения. Даже помня упомянутую демонами клятву, запечатанную кровью рода, я не могла подавить негодование.

— За что нас ненавидят? — Мой голос прозвучал сухо, словно треск веток на зимнем ветру.

— Сати, пойми, я не могу нарушить...

— Ответь, — перебила я, не сводя с Рейшара требовательного взгляда.

Демон вздрогнул. Губы его искривились, точно пытаюсь удержать готовые сорваться слова. И я повторила:

— Ответь, Рей! Я имею право знать, почему каждый из высших ненавидит меня! Откуда в вас такое желание уничтожать мне подобных?

— Правду знают единицы, — натужно произнес он. Его грудь

вздыхалась от тяжелого дыхания, пальцы с силой вцепились в подлокотники. — Остальных приучили к мысли, что любые связи вне своего вида недопустимы. Их воспитали ненавидеть полукровок.

— Почему?

— Сати, я не...

— Ответь!

Лицо демона дернулось как от пощечины. Каждая черточка заострилась, каждый мускул напрягся. Вены вздулись, на щеках проступили желваки — до того сильно демон стиснул зубы. Рейшар замер, словно статуя, и только во взгляде горело неверие. Он с видимым усилием боролся сам с собой и... проигрывал.

— Потому что вы можете изменить устоявшийся порядок сил. — На секунду золото глаз скрылось от меня, спрятанное под опустившимися веками. Потом появилось снова — холодное, застывшее, подернутое льдом страха. — И я начинаю понимать, чего именно опасались старейшие из нас.

Слова прозвучали устало. Сам же Рейшар плавно поднялся и, пройдя к бару, щедро плеснул бурбона в хрустальный стакан.

— Это она? — спросил Кеорсен.

Он, в отличие от друга, казался совершенно спокойным.

— А что, есть еще варианты? — обернувшись, Рей дернул уголком рта в кислой усмешке.

— Может, теперь расскажешь все как есть? Насколько я понимаю, с этого момента мы вошли в круг посвященных, и действие родовой клятвы тебя не сдерживает.

— Вошли... — Рейшар фыркнул, залпом опустошил стакан и налил себе еще. — Скорее уж ворвались без приглашения! Надо же, — он качнул головой и на мгновение замер, невидящим взглядом уставившись на собственные пальцы, — не думал, что доведется испытать подобное. Приказ, который сильнее клятвы.

Все это время я переводила непонимающий взгляд с одного высшего на другого, потом не выдержала:

— О чем вы? Какой круг посвященных?

Рейшар посмотрел на меня и снова качнул головой.

— Ты ведь даже не поняла, что сделала, верно? — спросил он с полуулыбкой. Вернулся в кресло, глотнул бурбона и продолжил: — У многих семей высших есть тайны, и самые ценные из них защищает клятва рода. Подобные клятвы нарушить невозможно... как считалось раньше. В моей семье такая клятва скрывала наш долг перед миром высших оберегать его от полукровок. О причинах подобной травли знает лишь круг

посвященных. И только с ним можно обсуждать подробности. Вы теперь в него входите, потому что ты, — мне достался выразительный взгляд, — смогла заставить меня нарушить клятву рода.

— Но... как? — Я растерялась.

— Ты ведь знаешь, что высшие чтят чистоту крови? — вопросом на вопрос ответил Рейшар. Я кивнула. — Поначалу это была прекрасная идея: мы сохраняли и приумножали собственное могущество. Становились все сильнее, обретали все больше контроля и власти. А потом от века к веку, с каждым новым поколением мы стали... вырождаться, — подобрал он подходящее слово. — Смешивая свою кровь с одними и теми же родами снова и снова, мы теряли потенциал. Причем настолько незначительно в каждом следующем поколении, что заметили это слишком поздно.

На несколько секунд Рейшар замолчал, взгляд его стал рассеянным.

— Когда живешь долго, все происходящее смазывается в единый временной поток, однообразный, кажущийся едва ли не бесконечным. Так случилось и с нами. Мы слишком поздно поняли, что утрачиваем изначальную мощь. Но как в этом признаться? Да и зачем? Ради чего рисковать устоявшимся порядком? Не проще ли попытаться защитить его? Именно так думали высшие того времени. Они же решили сохранить происходящее в тайне, уберечь сложившийся ход вещей любой ценой. И единственные, кто мог его нарушить, — полукровки. Именно в вас заключена опасность всем ценностям высших.

— Поэтому поединки силы стали столь редкими? — спросил Кеорсен.

— Именно. Без притока новой крови устоявшуюся иерархию не нарушить. Мой отец был одним из последних, кому удалось бросить вызов и сместить вышестоящий род. После него повторить такое смогли только Гарааны, да и то больше из-за слабости Фелихьеров, чем из-за собственной силы.

Я пила вино, уже не чувствуя вкуса, и пыталась осознать услышанное.

— Раньше эти рассказы казались мне едва ли не выдумкой, — продолжил Рейшар через некоторое время. — Разве ж можно упомянуть, что было несколько поколений назад? Слишком много сотен лет уткло... Но теперь... — Не договорив, он в задумчивости качнул головой.

— Как твой род мог согласиться на убийство полукровок, если сам не может похвастать чистотой крови и... — начала было возмущаться я, но Рейшар меня перебил.

— А ты не поняла? — грустно улыбнулся он. — Это та цена, которую пришлось заплатить Мирине, моей прабабке, за возможность быть со своим истинным. Она не пошла против воли Совета, как думают многие.

Да и кто бы ей позволил? Вместо этого Мирина пошла на сделку: Морграны убивают полукровок в обмен на право существовать — на то, что многим из нас позволили родиться. И мы храним в секрете правду о силе полукровок.

Каждое слово проникало в меня как холодный ветер. Заставляло ежиться и покрываться мурашками. Но больше всего меня страшил не выбор Мирины и даже не то, скольким полукровкам Морграны подписали смертный приговор, а то, что я не могу в полной мере его осудить. Признавая всю жестокость действий второго рода, в глубине души я понимаю отчаяние демоницы и ее желание быть с возлюбленным.

— Когда пал третий блок? — Внезапная смена темы и внимательный серебряный взгляд заставили меня вынырнуть из тяжелых раздумий.

— Пал? Я думала, он снова треснул, как тогда, в тренировочном зале.

— О нет, мой свет, — усмехнулся Кеорсен. — Трещины явно не хватило бы, чтобы пробудить в тебе магию слова — старейшую и опаснейшую силу вышних.

ГЛАВА 24

Я смотрела на Кеорсена, одновременно понимая и не понимая сказанные им слова.

— А забавное выражение лица, — с усмешкой заметил Рейшар, нарушая повисшую паузу. Встретился со мной взглядом и улыбнулся уже мягче. — Ну чего ты так растерялась? Да, блок пал. Да, в тебе пробудилась уникальная сила. Но разве это плохо? В прошлом, еще до создания Круга, подобную магию называли даром королей. Даже тогда ей обладали лишь единицы, она же исчезла первой. Ты особенная, девочка, и с каждым новым изменением становишься все опаснее. Но бояться самой себя не стоит.

Грусть оставила его. Золото глаз вновь блестело лукавыми искрами, в уголках рта притаилась улыбка.

— Но... — я на мгновение закусила губу, — но как контролировать эту магию? Как она вообще работает? Исполняет все, что я пожелаю?

— Не совсем. Если ты пожелаешь, чтобы твой конь взлетел, он этого не сделает, потому что физически не в состоянии выполнить такой приказ. В противном случае — да, скажешь ему замереть — он не пошевелится, скажешь встать на дыбы — встанет.

Рейшар выглядел очень довольным. Казалось, пробуждению моей магии он радовался едва ли не больше меня самой. Я же торжествовать не спешила — представила Бердера со стеклянным взглядом, слепо выполняющим мои приказы, вспомнила недавний испуг самого Рейшара, не смевшего противиться моей воле, и темного, замершего истуканом в подвале поместья Алви-Шандаад.

Уже сейчас я видела опасность, заключенную в магии слова. И она пугала меня.

— В чем дело, мой свет? — Кеорсен, в отличие от друга, сохранял спокойствие.

Он всматривался в мое лицо, ловил каждую эмоцию, находящую отражение в мимике, и будто чувствовал стянувшее мою грудь беспокойство.

— А... а можно вернуть третий блок? Хотя бы частично?

Рей поперхнулся и уставился на меня неверящим взглядом. Кеорсен нахмурился.

— Боюсь, частичная блокировка невозможна, — качнул он головой. — Ты хочешь отказаться от магии? Почему?

— Она опасна. Я не чувствую ее. Не понимаю, какая фраза останется просто фразой, а какая — приказом, способным даже высшего демона превратить в раба. Для меня каждая жизнь бесценна, но и свобода воли важна не меньше. Я не хочу отбирать ее.

Несколько секунд Кеорсен молчал, продолжая вглядываться в мое лицо. Потом заговорил:

— Раньше ты едва видела плетения заклятий, теперь же можешь перехватывать над ними контроль, более того — научилась менять их. Не позволяй страху и сомнениям одолеть тебя. Попробуй подчинить себе новую магию. А если не получится, я достану артефакт.

— Вы серьезно?! — возмутился Рейшар.

Переполюющие его эмоции, казалось, не позволяли ему усидеть на месте: он вскочил и принялся курсировать от камина к креслу и обратно.

— Если Сати не хочет пользоваться своей магией, я не стану настаивать, — спокойно ответил Кеорсен. — Моих сил хватит, чтобы нас защитить.

— Сати! — Рей остановился и вперил в меня негодующий взгляд. — Ты... ты действительно готова отказаться от открывшихся возможностей? У тебя есть шанс поставить мир высших на колени! Ты можешь сотворить что угодно и с кем угодно! Можешь отомстить всем и каждому, а ты...

— А я не хочу мстить, — ответила мягко. — Наказать? Да, но только в рамках закона.

Рейшар сверлил меня хмурым взглядом. Скользил им по моему лицу, словно надеялся найти ответы, и все сильнее сводил брови на переносице.

— Единственное, чего я всегда хотела с тех пор, как узнала о своем происхождении, — доказать, что полукровки, подобные мне, имеют право на жизнь. Однако это вовсе не означает, что я собираюсь стать похожей на высших, подписавших нам смертный приговор. Сила — далеко не все, на чем следует выстраивать связи.

Моргран гипнотизировал меня почти минуту, после чего вернулся в кресло. Тонкие аристократичные пальцы размеренно покачивали стакан с бурбоном, заставляя янтарную жидкость скользить по прозрачным стенкам.

— Ты же можешь уничтожить любого. Отыгаться на Майрее, Торреле, Маорелии — на каждом, кто посмел оскорбить тебя. А вместо этого ты хочешь сохранить их волю нетронутой? — В золотом взгляде было столько растерянности и непонимания, что я улыбнулась.

Заговаривать, однако, не спешила. Кеорсен тоже молчал. Он, в отличие от Рея, понимал меня гораздо острее, чувствовал даже невысказанные мысли и желания. Ему не нужно знать причины моих поступков — Кеорсен

верит мне.

Рейшар же полагался на логику высших, а она сейчас спасовала, неспособная объяснить мое решение.

— У тебя душа человека, — наконец заключил Рей. — Сила демона и душа человека, — повторил он тихо и перевел взгляд на Кеорсена. — Ты счастливчик, друг. Береги ее.

Достав из голенища сапога короткий кинжал, Рейшар полоснул им себя по ладони.

— Отныне и навсегда, — произнес он, обводя запястье, — род Моргранов, каждый член его основной или побочной ветви не посмеет навредить тебе, Сатрея из рода Рингвардадов. Ни тебе, ни твоим детям, — добавил он с грустной улыбкой, замыкая кровавое кольцо. — Меняй мир, смелая девочка, делай его лучше. А я всегда буду на твоей стороне, останусь верным... другом.

Глядя в его глаза, я видела все невысказанные чувства, читала все неозвученные слова и верила — Рейшар найдет свое счастье. Не сейчас, не со мной, но когда-нибудь — обязательно.

В тренировочном зале Северного замка было холодно. Гораздо холоднее, чем я ожидала — даже демоническая кровь, бегущая по моим жилам, не спасала.

На столике, высотой едва достигающим мне до коленей, стояла свеча. Толстая, из белого воска, с оплавленными краями и возвышающимся над ними фитилем. Я сидела на промерзших циновках и не мигая смотрела на тонкий обугленный кончик, так и манящий поджечь его.

Вчера после долгих споров Кеорсен с Рейшаром все же сошлись во мнении, что лучшей тренировкой для меня станет медитация. Именно она может помочь мне почувствовать собственную магию. Поэтому, воодушевленная, я с самого утра заперлась в тренировочном зале и старательно вглядывалась в огарок свечи. Однако единственное, что я чувствовала на протяжении последних четырех часов, — тянущий по полу холод.

Хотя справедливости ради стоит признаться, что целую свечу в огарок превратила именно я.

— Гори, — произнесла хмуро, повторяя надоевшее за утро слово.

Кончик фитиля вспыхнул, игриво затрепетал, будто в танце, а потом мгновенно потух, стоило приказать ему это сделать.

Свеча подчинялась мне, но только я до сих пор не могла нащупать ту грань, которая разграничила бы мои желания и мои приказы, помогла бы

осознать пределы пробудившейся магии.

Тихий скрип открывающейся двери отвлек меня от размышлений. Повернувшись, я увидела робко замершую на пороге Лунару. Она держалась скованно, едва ли не виновато, глядя на меня исподлобья. Но уже через пару секунд, будто решившись, дерзко задрала подбородок и выкрикнула:

— Если хочешь прогнать меня — гони! Но сама я не уйду.

Я улыбнулась на столь отчаянный выпад и уточнила:

— Почему я должна прогонять тебя?

Мне достался хмурый взгляд.

— Потому что моя мать предала наш род, покусилась на твою жизнь и...

— И это сделала она, а не ты, — закончила я. — Ее нашли?

Лунара мотнула головой, пересекла тренировочный зал и опустилась на циновки рядом со мной.

— С тех пор как она сбежала, от нее нет вестей, — произнесла она, глядя на огарок свечи. — Она понимала, что делала, и знала: Кеорсен не простит ее.

Я тоже посмотрела на оплавленный воск. На место усталости от попыток почувствовать собственную магию пришло беспокойство. Вот только не за себя и не из-за исходящей от Амадейны угрозы, а за маленькую высшую.

Что она почувствовала, узнав о поступке матери? Осуждала ли ее? Переживала ли?

Скосив глаза вбок, я посмотрела на Лунару, все так же гипнотизирующую свечу. Пухлые губы поджаты, глаза прищурены, спина прямая — несмотря на юный возраст, демоница умела скрывать внутренние бури за выдержкой и самоконтролем. Но я не желала проверять их на крепкость.

— Я поговорю с Кеорсеном, — произнесла, следя за реакцией Луны. — Попрошу его не срывать зло на Амадейне. Она точно действовала не одна. Может, ее вообще заставили?

Лунара криво усмехнулась:

— Не стоит ее недооценивать. Даже если мама следовала чьим-то указаниям, она явно не испытывала к тебе симпатии. Ты добрая, Сати, но не каждый высший заслуживает твоего доброго отношения. И все же... — Она повернулась и встретилась со мной взглядом. — Спасибо.

Я кивнула.

Некоторое время мы сидели в тишине, обе глядели на свечу, чьи

восковые слезы застыли неровными вытянутыми каплями. Потом я вновь заговорила:

— Ты не знаешь, кто бы мог повлиять на Амадейну? С кем она общается?

— Со всеми. — Лунара пожала плечами. — С членами рода, с ближайшими домами высших, с каждым, кого посчитает достойным.

— С Вериней? — Имя сорвалось с губ быстрее, чем я отдала себе в этом отчет.

Да, клятва, принесенная Рейшаром как главой рода, сковала демоницу по рукам и ногам. Но это не значит, что она не пыталась избавиться от меня раньше. И пусть сам Рей не видит в сестре угрозы, я не хочу сбрасывать ее со счетов.

— Конечно, — удивленно отозвалась Лунара. Потом нахмурилась. — Думаешь, это она? Да, у нее были причины тебе мстить. Но поверь, если бы только в речах Верины проскользнули опасные намеки, Амарелия образумила бы ее. В отличие от моей матери Ли всегда оставалась верна своему роду.

— Может, не позволить брату спутаться с полукровкой — это тоже верность роду? — усомнилась я, вспоминая недовольство среброглазой высшей.

Лунара же усмехнулась:

— Ты не особо нравишься Ли, это верно. Но она предана семье и больше всего — своему брату. Ли никогда не пошла бы против его воли. Поэтому-то она одной из первых признала тебя наследницей Рингвардаадов, поэтому же, едва поняв, что ты не ночевала в замке, кинулась искать Кеорсена. Амарелия может не одобрять его выбор, но никогда не пойдет против.

Несколько минут я обдумывала услышанное. Вспоминала поступки Амарелии и смотрела на них по-новому: не с точки зрения напуганной, готовой биться до последнего полукровки, а с позиции высшей. И чем дольше я размышляла об этом, тем яснее понимала — Лунара права.

Приглушенный стук заставил меня вынырнуть из раздумий и повернуться к двери. Та приоткрылась, впуская полноватую рабыню с посеребренными сединой висками.

— Махры, — вошедшая поклонилась, — меня послали передать, что обед будет подан в полуденную столовую через сорок минут.

— Спасибо, можешь идти, — произнесла я.

Удивилась поспешности, с которой женщина покинула тренировочный зал, но не придавала этому значения. Гораздо больше меня заботили сотни

иголок, впившихся в тело, стоило мне подняться — длительное пребывание в одной позе дало о себе знать. Я зашипела. Луна же, поняв, что со мной, хихикнула.

— А ты чего сидишь? — Я с улыбкой глянула на высшую. — Вставай!

Едва последний звук сорвался с моих губ, как Луна быстро вскочила на ноги. Слишком быстро. Словно циновки под ней раскалились или невидимая сила заставила ее это сделать.

В серебристых глазах расплескалась паника.

— Прости, Лу. — Я смотрела на Луну и с ужасом осознавала, что сейчас сделала. — Я не хотела...

— Прощаю, — послушно прошептала она.

Паника в ее взгляде смешивалась с растерянностью. Маленькая высшая явно не понимала, почему ее собственное тело следовало чужим приказам. На кукольном лице застыла немая мольба — надежда, что я помогу ей. Вот только я не знала как.

Магия слова, поселившаяся на кончике моего языка, набирала силу. Единственное, что я могла, — уйти, избавить Луну от опасного общества.

Выбежав в коридор, я едва не столкнулась с проходящей темной. Та открыла рот, явно собираясь что-то спросить, и я, боясь ее вопроса и необходимости отвечать, крикнула:

— Молчи!

Губы темной тут же сжались, а сама демоница испуганно прижала к ним пальцы.

Бросив короткое «говори» в попытке исправить содеянное, я помчалась дальше. Не оборачиваясь, не слушая зазвучавшего за спиной голоса, не позволяя себе остановиться. Я бежала, не чувствуя ног, надеясь добраться до своих покоев и переждать там опасный всплеск силы.

Магия слова, точно разбуженный зверь, неслась впереди меня. Она искала жертву, рвалась утолить мучающий голод. И единственное, что может ее насытить, — чужая воля, подавленная силой моего слова.

На пути, как назло, раз за разом возникали слуги. Некоторые из них — те, что занимали довольно высокое положение в замке, — стремились узнать, не нужна ли мне помощь. Их голоса, заданные вопросы, жгущие язык ответы — все смешалось в огромный шар, намного более опасный, чем огненный вал. Он преследовал меня, гнал по коридорам, и я продолжала бежать.

Лишь оказавшись у себя в покоях, я с облегчением выдохнула. Однако не прошло и минуты, как в дверь с силой постучали.

— Сати, что происходит? — раздалось требовательное. — Впусти меня!

По ту сторону деревянной преграды стоял Кеорсен.

ГЛАВА 25

В груди, словно снег на ветру, взметнулась паника. Я не хочу влиять на Кеорсена!

— В порядке, — ответила, стараясь контролировать каждое выбираемое слово и интонацию. — Этот обед я, пожалуй, пропущу. Ничего серьезного, просто уста...

— Впусти меня! — потребовал он. — И не смей лгать мне, мой свет. Ты не в порядке, я чувствую! Впусти, — повторил он твердо.

Я замотала головой. Выдавить из себя хоть звук стало слишком страшно.

— Сати!

Тяжелый удар сотряс дверь. Совсем как в замке Рингвардаадов, Кеорсен рвался внутрь, а я одновременно хотела и боялась его увидеть. Потоки стягиваемой магии я ощутила слишком поздно, перехватить их было уже нельзя. Дверь вспыхнула и осыпалась пеплом.

Я отскочила и упрямо сомкнула губы. Не скажу ни слова! Не позволю собственной магии повлиять на Кеорсена!

Он вошел, оглядел меня хмуро и качнул головой:

— Ты не должна сбегать, мой свет. Ну же, соберись.

Против воли я нахмурилась. Соберись? Он думает, я не пыталась?

— Уже лучше, — улыбнулся Кеорсен, подходя ближе. — Такой взгляд мне нравится больше, чем напуганный. Не нужно бояться собственной силы. Она чувствует это, поверь. Докажи ей и самой себе, что именно ты решаешь, когда использовать магию, а когда нет. Иди сюда. — Протянув мне руку, он легко поймал мою ладонь и привлек меня к себе. — Видимо, медитация все же не твой метод, — ухмыльнулся он, шевеля дыханием мои волосы. — Хотя...

Потянув в сторону, Кеорсен заставил меня пройти в спальню и опуститься на мягкий ковер с высоким ворсом. Взглядом попросил подождать и ушел в гардеробную, чтобы, вернувшись, принести широкий атласный пояс полуночно-синего цвета.

— Ну уж нет, мой свет, — улыбнулся Кеорсен, стоило мне дернуться в попытке встать. Тяжелые ладони надавили на плечи, возвращая меня обратно на ковер. — Замри, — шепнул он над ухом.

В следующий миг прохладный атлас скрыл от меня очертания окружающего мира. Наступившая темнота напугала, но я не позволила себе

поддаться страхам.

— Умница. — Моей щеки мимолетно коснулись губы Кеорсена. — А теперь постарайся выкинуть из головы все мысли. Не думай ни о чем: ни о магии, ни о Совете, ни о Луне, ни обо мне. Сосредоточься на ощущениях. Почувствуй скользкую прохладу ткани на лице, мягкость ковра под пальцами, тепло моего тела. Позволь моему голосу вести тебя...

Кеорсен опустил у меня за спиной. Очень близко, но при этом сохраняя дистанцию. Я отчетливо ощущала те несколько сантиметров, что разделяли нас. Словно невидимая подушка, воздух между нами пружинил, прогибался, но продолжал служить преградой.

— Почувствуй плотность собственной одежды, ее вес, — продолжал вполголоса нашептывать Кеорсен. — Крепость туфель, тепло нагретых от твоего тела украшений, ощути витающие в воздухе запахи...

Интонация, тембр, паузы — мелодия речи гипнотизировала, пленила меня. И я не сопротивлялась, следовала за ней. Руки, плечи и грудь налились тяжестью, ноги перестали ощущаться. Под сердцем разлилось тепло.

— Вот так, — тихо выдохнул Кеорсен, — ты умница, родная. Ты все делаешь правильно. А теперь почувствуй ее — свою магию. Ну же, вот тут.

Мне на грудь опустилась широкая ладонь. Исходящий от нее жар ощущался даже сквозь плотную ткань платья. Под кожей прокатилась волна удовольствия, и я, не отдавая себе отчета, прогнулась сильнее. Хотелось прижаться к ладони демона плотнее, хотелось больше его жара. Лишенная зрения, я очень остро ощущала каждое прикосновение. Биение собственного сердца показалось оглушающим. Но, может, то шумела кровь, отдаваясь в ушах гулким эхом.

Будто играя, Кеорсен провел рукой вверх, коснулся пальцами моей шеи и мягко обхватил ее. Захоти он надавать сильнее, я бы не сопротивлялась — сейчас его власть надо мной безгранична. Но Кеорсен лишь нежно погладил бьющуюся под его пальцами жилку и спустился обратно. Скользнул по груди, срывая с моих губ стон, и тихо хмыкнул, обжигая дыханием ухо.

Не знаю, добивался ли Кеорсен именно этого, дразня мои ощущения, но мыслей в голове действительно не осталось. Мой незримый мир стал крошечным: только Кеорсен, я и ворс ковра, в который я зарывалась пальцами. Во рту пересохло. Недавние страхи отступили — точнее, я едва о них помнила.

А потом грудь вдруг стянуло — будто невидимые ленты оплели тело, на несколько мгновений сдавили до боли и исчезли, оставляя после себя

едва ощутимую пульсацию на коже. Моя магия... я чувствовала ее, ощущала все грани пробудившейся силы, знала ее желания, но могла их контролировать.

Не снимая с глаз повязки, я повернулась, на ощупь нашла губы Кеорсена и накрыла их поцелуем. Каждое прикосновение — нежное, трепетное — благодарность. За то, что помог, что направил, что вновь не оставил на растерзание собственным страхам. Каждое движение — сильное, страстное — жажда, разбуженная дразнящими прикосновениями. И где-то на кончиках пальцев, скользящих по лицу высшего, танцевала пьянящая смелость.

— В тебе я черпаю силу, — прошептала я в перерывах между поцелуями, — и тебе возвращаю свою.

Фраза, произнесенная в лесу Вирсейров, только теперь обрела ясность. Первое благословение Великого, о котором говорил Торрел. Оно действительно существует. Кеорсен делится со мной своей уверенностью, решительностью, я отдаю ему взамен свои эмоции, свою жажду жизни и свою человечность. Мы дополняем друг друга, наделяем недостающим и принимаем то, в чем нуждаемся.

Интересно, сможем ли мы насытиться когда-нибудь? Схлынет ли со временем эта иссушающая необходимость друг в друге? Надеюсь, что нет.

Мысли текли потоком где-то на границе сознания, и, честно признаюсь, я не пыталась в них вникать. А совсем скоро выкинула их вовсе — сейчас важными остались лишь прикосновения Кеорсена, его губы на моей коже и пальцы, расстегивающие пуговицы моего платья.

На обед в тот день мы так и не явились.

Я бы хотела сказать, что после случившегося магия слова полностью подчинилась мне, но это было бы неправдой. Сила, запечатанная столько лет, рвалась проявить себя. Я чувствовала ее голод и нетерпение, ощущала на кончике языка, готовую стать приказом в любую секунду. Требовалась вся моя выдержка, чтобы только сохранять контроль над пробудившимся даром.

Иногда он все же брал верх и, вплетаясь невидимой лентой в мои слова, подавлял чужую волю. Как правило, я успевала вовремя отменить приказ и сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Слуги редко замечали неладное, а если что и чувствовали, то не придавали этому значения.

С Кеорсеном и Рейшаром мы условились не афишировать мои новые способности — не хотели дразнить Совет и подкидывать дров в огонь их

ненависти ко мне. Да, магия может защитить меня, но только пока о ней не догадываются. Стоит врагам прознать о ней, как меня попытаются устранить более грубым способом: метко пущенный арбалетный болт не менее опасен, чем разъяренный низший. И мое счастье, что демоны — не важно, какого подвида — питают слабость к уничтожению недруга в ближнем бою. Иначе мое сердце давно бы перестало биться.

Поиски Амадейны продолжались. Демоница растворилась, будто снег по весне, — исчезла, не оставив ни следов, ни зацепок. Однако Кеорсен с Рейшаром не сдавались. Подключив присягнувших темных, они пытались отыскать сбежавшую высшую. Действовали при этом без лишнего шума. Дела Артенсейров оставались делами Артенсейров, и тех, кто не относился к первому роду, посвящали в происходящее крайне неохотно.

Когда Кеорсен покидал замок, я запиралась в тренировочном зале и медитировала часами напролет. Я хотела научиться ловить момент активации магии за секунду до того, как она вплетется в слова. Почувствовать ту грань, когда обычный приказ становится непреодолимым. Верной помощницей в этом деле стала Двадцать-шесть — человеческая рабыня, чью жизнь я однажды спасла. Как оказалось, она не забыла моего заступничества и, узнав о моем пребывании в Северном замке, попросила принять ее клятву верности. Отныне Двадцать-шесть хранит мои секреты крепче собственных.

Иногда, глядя на нее, я вспоминала слова Кеорсена. Он не верил в прощение, считал, что ударивший раз обязательно сделает это снова. Но Двадцать-шесть оказалась не такой: она умела признавать ошибки и быть благодарной за помощь и тем вселяла в меня надежду.

С Тиной я стала проводить меньше времени. Сейчас, не чувствуя уверенного контроля над пробудившимся даром, я не хотела нечаянно навредить ей. Тина, к моей радости, поняла все правильно. Иногда она сама приходила ко мне и делилась мыслями, показывала вязание, которым увлеклась в Северном замке, или просто сидела рядом. Я в такие моменты старалась больше слушать.

Жизнь снова стала почти нормальной. И лишь по ночам, когда Кеорсена не было в замке, я мучилась бессонницей. Подолгу ворочалась в кровати или, кутаясь в плед, стояла у окна, глядя, как снег блестит от лунного света.

Я думала о том, какой была когда-то и какой становлюсь. С каждым новым этапом, с каждой пробудившейся или обретенной силой я все больше похожу на демоницу и все меньше — на человека. Это пугает. Я не желаю лишиться своей более слабой половины. Точнее, слабой ее считают

высшие. Я же вижу в ней силу — силу поступать правильно, игнорировать выгоду ради совести.

Впервые за последние недели я вновь задумалась о положении людей в мире высших, о несправедливости установленных порядков. Только теперь это не просто сетования — я вдруг поняла, что действительно могу попытаться их изменить. Чувствуя поддержку Кеорсена, полагаясь на пробудившуюся магию, я ощутила себя как никогда уверенной в собственных силах.

Кеорсен отсутствовал уже четыре дня, но к сегодняшнему вечеру обещал вернуться. Предвкушая скорую встречу, я с особой тщательностью подбирала наряд: платье из струящейся ткани цвета предрассветного неба, туфли на два тона темнее, подаренные высшим драгоценности. Мне хотелось выглядеть безупречно в его глазах. Но еще больше мне не терпелось увидеть его самого, обнять, прижаться к сильному телу и вдохнуть ставший таким родным запах.

Идя к гостиной, в которую по негласному правилу всегда перемещался Кеорсен, я с трудом сдерживалась, чтобы не сорваться на бег. Сердце трепетало, губы едва ощутимо покалывало в ожидании поцелуя. И только гордость не позволяла сбиться с шага, заставляя держаться спокойно и с достоинством.

Переступив порог гостиной, я огляделась. Это глупо — в душе я уже знала, что Кеорсена здесь нет, но желание убедиться в обратном оказалось сильнее меня. Вызвав слугу, я велела подать закуски и напитки, сама же опустилась на диван и принялась ждать. Мне казалось, пройдет минута-две, и в центре комнаты закрутятся потоки открываемого портала. Однако этого не случилось ни через пять, ни через десять, ни даже через сорок минут.

За окном стремительно темнело. В небе драгоценными слезами замерли звезды, и ветер пел им протяжную песнь. Вторя ему, моя душа выла, отчетливо понимая: что-то случилось. Что-то ужасное, непоправимое. И незнание рождало в сердце страх.

Я исходила гостиную вдоль и поперек, отправила Двадцать-шесть дежурить возле покоев Кеорсена — на случай, если он перенесется туда. Иногда я останавливалась и прислушивалась к звукам в коридоре, надеясь услышать спешную поступь рабыни, бегущую сообщить о возвращении хозяина.

Искусанные от волнения губы едва ощутимо пульсировали. Холод, тянувший от окна, все сильнее проникал под кожу.

Когда спустя почти четыре часа ожидания в комнате закрутились вихри портала, я едва не заплакала от облегчения. Кинулась к Кеорсену, но замерла, не дойдя шага. Лицо высшего казалось непроницаемым — фарфоровая маска, не выражающая ни единой эмоции.

— Что случилось? — Я с беспокойством заглянула в черно-серебристые глаза.

Кеорсен прошел к дивану, упал и, запрокинув голову, прикрыл веки. Я, ступая почти неслышно, приблизилась и опустилась рядом. Заговаривать снова не спешила.

— Мы нашли Амадейну, — наконец произнес он. В затянувшейся тишине его голос прозвучал до неуютного громко. — Точнее, все, что от нее осталось.

ГЛАВА 26

Не произнося ни слова, я придвинулась вплотную и опустила голову на плечо Кеорсена.

— Ее убили жестоко, — продолжил высший. — Даже слишком для демоницы ее статуса. Задели краем огненного вала. Не промахнулись — поступили так сознательно.

Кеорсен говорил сухо, отрывисто. Боль главы рода, потерявшего члена семьи, и злость на убийцу переплелись слишком тесно, чтобы можно было отделить одно чувство от другого.

Огненный вал... Я помню его и свой страх перед несущимся в меня шаром пламени. А еще я помню холодную усмешку Кеорсена, когда он поведал мне о жестокости подобной магии: тех, кому не посчастливилось умереть сразу, вал уничтожает в течение нескольких дней. Выжигает изнутри клетка за клеткой, сводя с ума невыносимой болью, выворачивает душу и толкает на самоубийство в надежде на избавление от мук.

Как бы Амадейна ни поступила со мной, она не заслужила такой страшной участи.

— Ее бросили умирать, связав руки и ноги. Видимо, желали поглумиться. — Кеорсен скрипнул зубами. — Кто бы это ни сделал, он знал, что боль не позволит ей мыслить здраво. Амадейна видела свои связанные запястья, но вместо того чтобы избавиться от веревок, она раздирала собственное лицо.

Меня передернуло, стоило только представить происходящее. Я тряхнула головой и попыталась выкинуть жуткие картины из головы.

— Где ее держали?

— Лучше тебе этого не знать, мой свет. — Кеорсен криво дернул уголком рта.

Выпрямившись, я посмотрела на демона в упор.

— Почему?

— Просто поверь, родная, и не настаивай. Прошу, — устало произнес он.

Несколько секунд я вглядывалась в любимое лицо, боролась с внутренним волнением и дурным предчувствием, но все же заставила себя кивнуть.

— Луна знает? — задала новый вопрос, вновь прижимаясь к Кеорсену. Грудь под моей щекой ощутимо поднялась и опустилась от тяжелого

вздоха.

— Пока нет. Но ей придется принять эту новость.

— Ты... ты скажешь ей все?

— Да. Она имеет право знать подробности. Какими бы сложными ни были их отношения, Амадейна все же была ей матерью. Лу справится. Может, не сразу, но со временем — обязательно.

Некоторое время мы молчали, оба погруженные в мысли. Потом я нарушила тишину:

— Как думаешь, кто мог это сделать? Совет?

— Не знаю, мой свет. Но не думаю, что Совет проголосовал за убийство Амадейны. К тому же таким жестоким способом. Нет. — Кеорсен качнул головой. — Совет бы не пошел на это. Нас, высших, слишком мало, а дети в наших союзах рождаются все реже. Убийство — крайняя мера, на которую идут только из мести. Даже самые агрессивные из нас срывають жажду крови на темных, низших или людях. Себе подобных мы не трогаем.

— А как же вызовы?

— Поединки чести — это совсем другое. Здесь же была даже не ярость — скорее желание наказать, заставить пожалеть о содеянном или, наоборот, о чем-то несделанном. Меня беспокоит другое. Убить Амадейну под силу далеко не каждому: пусть она не самая сильная демоница в роду, но она Артенсейр, а это не пустой звук.

— Думаешь, снова попытаются подставить Моргранов?

— Не знаю, Сати. — Кеорсен устало сдавил переносицу. — В этот раз не было ни камней, ни записок — только изуродованное тело Амадейны.

— Где оно теперь?

— В фамильном склепе.

— А Рейшар? Он был с тобой?

Кеорсен кивнул.

— Он остался вместе с темными проверять дом. Мы договорились, что, если будут вести, он со мной свяжется.

Что-то царапнуло мое внимание, какое-то неясное беспокойство, смутная тревога. Но я не смогла облечь ее в слова, а уже через мгновение отвлеклась на вопрос Кеорсена.

— Как твоя магия? Поддается?

Разговор плавно перетек в более спокойное русло. Я рассказывала о своих тренировках, об опасениях повлиять на Тину, о клятве, принесенной Двадцать-шесть. Спрашивала о Лунаре и Амарелии. Слушала о набирающей силу волне потрясения среди высших, которую вызвала открывшаяся правда о происхождении Торрела.

О самом Торреле, запершемся в родовом замке Вирсейров. О Маорелии и Майрее, по-прежнему держащих свою связь в тайне. О верном отцу Хемильдеоре и о Шимране.

События, потрясения и секреты в мире высших затянули меня. К Кеорсену за разговором медленно возвращалось привычное спокойствие. Нет, он не простит убийцу и когда найдет его — обязательно отомстит. Я знала это. Но сейчас думала о другом.

О том, что высшие, живущие дольше кого бы то ни было, не привыкли погибать насильственной смертью. Наоборот — они покидали этот мир по своей воле, устав от бесконечной смены веков. Всегда и во всем неподвластные остальным, сами решающие свою судьбу — вот каковы высшие. Их гордость и надменность, их непримиримость к переменам лежат в основе принятых порядков, словно камни в фундаменте стены. Но теперь эта стена дала трещину — ведь предсказать, как свет отреагирует на гибель демонницы первого рода, не берется даже Кеорсен.

А еще я думала о Лунаре. Боялась, что она может не справиться с эмоциями. Следуя внутреннему голосу, я предложила Кеорсену перенести ее в Северный замок и уже здесь рассказать обо всем. Мне хотелось быть уверенной, что, если маленькая высшая будет искать поддержку, она ее найдет. Но Кеорсен решительно отказался от этой идеи. Как он пояснил — в моменты эмоционального всплеска высшие могут быть крайне опасны. И он не желает рисковать мной. Амарелия же при необходимости сможет справиться с гневом Луны. Да и он постарается держаться поблизости. Однако, видя мое беспокойство, Кеорсен пообещал, что как только Луна сама захочет, он перенесет ее в Северный замок.

Ночь давно опустилась на горы. В камине с тихим треском пожирал сухие поленья огонь, за окном вновь выла метель. Проговорив больше полутора часов, мы оба — и Кеорсен, и я — наслаждались тишиной. Крепкие объятия дарили чувство защищенности, но успокоить растревоженные мысли они оказались не в силах.

Беспокойство, волнение, страх — эмоции рождали в голове одно предположение хуже другого. Снова и снова я прокручивала в памяти все сказанное об Амадейне. Пыталась, но не могла перестать думать о ее смерти, о том, что ей пришлось пережить в последние дни. И внезапно, словно гром среди ясного неба, я поняла, что именно меня царапнуло в речи Кеорсена.

— Дом... — повторила я, отстраняясь и глядя на демона. — Ты сказал, что Рейшар с темными остались проверять дом. Но высшие не живут в домах, члены основных ветвей обитают в замках, а побочных — в

поместьях. Домом же мы называли лишь одно место... — Кеорсен нахмурился, попытался остановить меня, но я закончила мысль: — Наше лесное убежище, дом моей матери.

Демон смерил меня тяжелым взглядом.

— Это Торрел им помог? Или Маорелий?

В душе колючим остролистом разрасталась злость. Совет или кто-то из него посмел осквернить дом моей матери! Место, где я появилась на свет, убежище, распахнувшее передо мной двери, когда я оказалась одна в лесу. Более того, теперь это не только мой дом, но и дом Тины, ее сына. Да как они посмели?!

— Маорелий сейчас пытается стать незаметным. — Кеорсен пожал плечами. — Все, что хотел, он получил. Ему нет резона совать руки в огонь, чтобы разворошить угли и заставить пламя взметнуться выше. А вот Торрелу... — Его глаза полыхнули алым.

— Отдашь его Кругу?

В душе против воли шевельнулось удовлетворение. Так ему и надо! Пусть свои же покарают его за все зло, что он совершил! Пусть он ответит перед каждым! Пусть...

— О нет, мой свет, — протянул Кеорсен, холодом своего голоса остужая мою горячность, — с твоим несостоявшимся женихом я разберусь лично. У него был шанс сохранить шкуру целой, и он его упустил.

— Но ты же говорил, что на жизни высших вы не покушаетесь...

— Только если не мстим, — закончил за меня демон. — Я был готов оставить его гнить в замке Вирсейров, надеялся, что он поймет, с кем играет, и не станет лезть на рожон. Но он оказался даже глупее, чем я думал. Теперь ему придется ответить за все. И нет, мой свет, — мне достался очень выразительный взгляд, — даже не пытайся заступиться за жизнь этого червя. Второй раз милосердие я не проявлю.

Я замерла, вглядываясь в полыхающие жидким огнем глаза Кеорсена. Нет, жалости к Торрелу у меня не было, он заслужил наказание. За то, как вел себя со мной, как поступил с Тиной, за свои честолубивые планы. Но вместе с тем я отчетливо слышала звучащий на границе сознания голос совести. Интонациями. Ба он напоминал мне о ценности каждой жизни, умолял вмешаться, и я едва не прислушалась к нему. Открыла рот, собираясь заступиться, но не смогла выдавить из себя ни звука. В защиту того, кто угрожал Тине и ее нерожденному ребенку, был готов убить их, если потребуется, у меня не нашлось слов.

Сомкнув губы, я кивнула.

Возможно, какая-то часть человечности для меня утеряна

безвозвратно. Или то была и не человечность вовсе, а наивность молодой девчонки — даже не женщины, — не знавшей настоящего мира. Двадцать-шесть, оступившись раз, осознала свою ошибку. Торрел же оказался слишком мстительным, чтобы оставить себе шанс на спасение. Люди, демоны — мы все подвержены эмоциям, все неидеальны. Но сила, настоящая сила, она не в магии, а в умении признавать собственную неправоту, пытаться исправить то, что можно, и стремиться к лучшему.

— Что будет с домом? — спросила я через несколько минут.

— Купол над ним уничтожен. Земля, на которой он был воздвигнут, уже несколько десятилетий принадлежит моему роду. Поэтому, если захочешь, дом останется. Если нет — я уничтожу его и прикажу построить новый. Другой дом в другом месте, о котором никто не будет знать. Укрою его новым куполом и спрячу там твою Тину.

— Нет, — качнула я головой. — Я не хочу прятать Тину, как ты когда-то не желал прятать меня. Лучше я попробую изменить принятый порядок, подарить людям шанс на другую жизнь, дать им... свободу.

Кеорсен хмыкнул. С ответом он не спешил. Вглядывался в мое лицо несколько томительно долгих ударов сердца, потом улыбнулся тепло и нежно:

— Хочешь вылечить наш неправильный мир?

— Хотя бы попытаться.

— Будет сложно, мышонок.

— Знаю. — Я улыбнулась. — Но моя жизнь давно перестала быть простой. Если очередной ее безумный виток может облегчить судьбу целого вида, я готова рискнуть. Только без тебя мне не справиться.

— Я всегда с тобой, мой свет. Всегда рядом и всегда на твоей стороне. Но сначала... — он вздохнул, — давай уладим все дела с Советом?

Счастливо кивнув, я снова прижалась к сильной груди Кеорсена.

Этой ночью Кеорсен обнимал меня особенно нежно, словно я не из плоти и крови, а из хрупкого льда — надави посильнее, и он с хрустом сломается. Но в то же время я чувствовала иссушающую, почти выворачивающую душу потребность демона во мне. И, отвечая на нее, я отдавала себя без остатка. Каждым своим прикосновением старалась доказать, что я здесь, рядом, и что со мной ничего не случится. Я не повторю судьбу Амадейны, не попаду в руки к чудовищам, способным обречь жертву на столь мучительную смерть. Не доставлю им такой радости.

Мы с Кеорсеном уснули лишь под утро, когда непроглядная темень за

окном уступила место предрассветной серости. Закрывая глаза, я чувствовала тяжелую руку, перекинутую поверх моей талии и прижимающую меня к крепкой груди, слышала биение сильного сердца. А проснулась я одна. Огляделась растерянно и заметила на прикроватной тумбе белоснежный цветок каллы с лежащей под ним запиской. В уверенном размашистом почерке я сразу узнала руку Кеорсена.

Он писал, что улетел в родовой замок поговорить с Амарелией и Лунарой, уверял, что к вечеру обязательно вернется, пусть и на несколько часов. В каждой строчке сквозило беспокойство за маленькую кузину, потерявшую мать. Кеорсен предчувствовал возможную реакцию на печальную новость и не собирался бросать сестру один на один с опасной в своем горе высшей. Мне было жаль оставаться в стороне, когда душа рвалась поддержать Лунару, но я верила своему демону и была готова ждать столько, сколько потребуется.

Приняв ванну и приведя себя в порядок, я решила спуститься в библиотеку, когда вдруг ощутила закручивающиеся потоки открываемого портала.

Кеорсен? Вернулся так рано? Но почему не в гостин...

Додумать мысль я не успела. В последний момент зев перехода вильнул и, точно пасть голодного монстра, накрыл меня с головой. В желудке защекотало, к горлу подступила тошнота, виски сдавило. А уже в следующий миг меня выплюнуло на пол. Причем, судя по всему, портал открылся едва ли не под потолком, и я, пролетев всю высоту помещения, с размаху приземлилась на устланные тонким ковром камни. Отбитые ладони и колени тут же заняли от боли.

— Ну, здравствуй, Сатрея, — усмехнулись низким голосом у меня за спиной.

Вскочив, я обернулась и уставилась в холодные глаза высшего. Слишком знакомые, чтобы ошибиться.

ГЛАВА 27

Растопленное серебро круглыми островами светилося посреди черноты глаз. Волосы цвета холодной стали собраны в низкий хвост. Рукава чернильно-синей рубашки небрежно подкатаны, черные штаны доходили до края лакированных туфель. Тонкие пальцы унижены перстнями с большими, поблескивающими в свете масляных ламп бриллиантами — родовыми камнями Артенсейров. Вытянутое лицо, высокий лоб и тонкие черты казались знакомыми. Я помнила их. Гораздо лучше, чем мне бы того хотелось.

— Майкрам Артенсейр? — уточнила я, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Для тебя, грязь, махр Артенсейр, — отчеканил отец Кеорсена.

Он прошел к массивному кривоватому столу из рассохшегося дерева и взял веревку. Потом обернулся и, смерив меня презрительным взглядом, скривился.

— Сколько сложностей из-за одного смеска, сколько волнений в идеально выверенном мире, сколько ошибок... Грязь пачкает все, чего касается, — заключил демон и, опершись о край стола, принялся вязать петлю.

Я следила за его действиями с беспокойством. Нет, меня волновала не собственная судьба — магия слова давно танцевала на кончике языка, даря чувство защищенности. Я переживала за Кеорсена. Он тяжело воспринял смерть Амадейны, к которой не испытывал особой привязанности, так каким же ударом для него станет предательство Майкрама? Я мало знаю об их отношениях, но помню рассказы Лунары о том, что, боясь потерять отца вслед за матерью, Кеорсен пошел против правил и отказался от места в Круге в пользу Майкрама. А это уже говорит о многом.

— Сколько вам лет? — Вопрос сорвался с губ неожиданно еще до того, как я успела выстроить логическую цепочку.

Высший обернулся и надменно изогнул бровь.

— Хочешь узнать, вхож ли я в Совет? Ну и глупа же ты, если до сих пор не догадалась, — фыркнул он. — Я не просто вхожу в Совет, я его возглавляю. Мне больше тысячи трехсот лет.

— Но почему тогда Кео...

— Не смей называть моего сына по имени! — рывкнул Майкрам. — Даже не думай портить его звучание своим поганым ртом, — выдохнул он

уже спокойнее. — Кеорсен не знает мой истинный возраст, думает, я моложе.

Закончив вязать петлю, Майкрам накинул ее мне на шею и затянул. Потом ухватил пониже плеч и рывком дернул к окну. Округлые стены, узкий проем, закрытый алебастровым стеклом, — мы явно в башне. Стоило заметить прибитый к перекладине конец веревки, мозаика дальнейших событий сложилась. Майкрам собирается выкинуть меня в окно, вес моего тела и накинутая на шею петля сделают остальное.

Что примечательно — в башне не нашлось ни одного, даже самого слабого магического плетения. Лампы и те масляные. Высший явно знал о моей способности перехватывать контроль над чужими заклятиями и постарался предусмотреть все. Единственное, о чем он не догадывается, — о пробудившейся магии слова. И именно на нее я рассчитываю.

— Чем я так помешала вам? Своим происхождением?

— Происхождением? — От возмущения Майкрам остановился и прожег меня алеющим взглядом. — Ты угроза нашему порядку, всему, что в нем ценится! Ты невосприимчива к магии и одним этим нарушаешь существующие законы. Но главное... главное! — Он задышал тяжело, словно кипящая в нем ненависть была готова вырваться из ушей обжигающим паром. — Ты отравила Кеора! Из-за такой грязи, как ты, мой сын — гордость всего вида — отказался от брака с Вериной! Из-за тебя он забыл наши ценности! Из-за тебя стал мягче, будто растерял всю демоническую ярость! Ты отравила его, дрянь! — вновь выкрикнул он.

— Я его истинная пара! — попыталась возразить, упираясь туфлями в тонкий ковер.

— Ошибаются все, даже Великий, — произнес Майкрам, успокаиваясь. — Истинной Кеорсена должна была стать Верина. Прекрасная, сильная, идеальная высшая. Ее я желал видеть матерью своих внуков, а не отребье вроде тебя.

— Дед Верины был полукровкой, — заметила я и вскрикнула, ощутив жалящую пощечину.

Магия слова взметнулась, готовая слететь с языка в любой миг, но я уладила опасный порыв. Еще не время. Рано.

— Держи свой поганый язык за зубами, — процедил демон, впиваясь в меня алеющим взглядом. — Верина — сильнейшая из демонниц и лучшая пара для моего сына.

— Все-таки она стояла за происходящим? — Я дернулась, натягивая веревку и заставляя Майкрама остановиться.

До окна оставалось не более метра.

Демон вздохнул, всем своим видом показывая, как его утомила моя глупость, и окатил меня надменным взглядом.

— Верина хотела вмешаться, это верно. Но я не позволил. Каким бы ни был финал у твоей истории, Вери лучше оставаться в стороне. Гнев Кеорсена не должен пасть на нее — напротив, именно она примирит моего сына с утратой игрушки, а после — по-женски утешит.

От слов Майкрама в душе полыхнула ярость. Взор затянуло алым, и демон, заметив это, удовлетворенно хмыкнул.

— Ты не представляешь, сколько высших возжелало твоей смерти. Мне даже не пришлось особенно стараться, чтобы найти достойных исполнителей. Все, что от меня требовалось, — наслаждаться праздником зимней ночи и слушать. Слушать очень внимательно. Разговоры Хемильдеора и Шимрана, считающих наследницу-полукровку позором всего рода. Полные презрения речи Майреи, спокойные рассуждения Лердена, ищущего выгоду для своего бастарда, видеть азарт в глазах Торрела. Мир высших возненавидел тебя с первой же секунды, стоило тебе снять маску. Твои отвратительные человеческие глаза, твое неумение сгибать спину в нашем присутствии, твою... гордость, — губы Майкрама искривились в презрении, — за собственное происхождение.

Он бил прицельно, стараясь задеть побольнее. Но только я уже успела потушить огонь ярости и вернуть холодное спокойствие. Сейчас намного важнее выпросить как можно больше, понять, что же на самом деле движет Майкрамом, что заставило его пойти против воли Великого.

— Но если вы так благоволите Верине, зачем подставлять ее род?

— Не род — Рейшара. У моего сына не может быть соперников. Он лучший из лучших, достойнейший, его детям надлежит править демонами. И я не позволю грязи прилипнуть отвратительным пятном к его облику.

— Но...

— Довольно! Мне надоело тратить время попусту. И мне плевать, сможет ли твой человеческий умишко понять мои мотивы. Ваш удел — не понимать, а служить нам! Тебе не стоило забывать об этом.

С силой дернув, Майкрам заставил меня пройти по инерции еще два шага и замереть всего в нескольких десятках сантиметров от окна.

Я вдохнула, намереваясь на выдохе произнести короткое слово-приказ «отпусти», но замерла, почувствовав скручивающиеся потоки портала. Сердце в груди радостно затрепетало. Кеорсен! Это он! Он пришел за мной! Однако через секунду грудь сдавило разочарованием: из туманного зева вышла Амарелия.

Ей хватило секунды, чтобы оценить происходящее, и уже в

следующий миг, стоило Майкраму шагнуть к окну, она воскликнула:

— Отец, подожди! Умоляю, во имя Великого, остановись!

Он насмешливо фыркнул.

— О нет, Ли, даже не пытайся меня убедить, будто дорожишь этой грязью. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить в подобную чушь.

— Дело не в моих чувствах, — Амарелия спешно подошла к нам, — и не в твоих. Дело в чувствах Кеорсена. Мы семья, и я...

— И ты слаба! — отрезал Майкрам. — До отвратительного слаба, если потекаешь прихотям брата!

— Нет, отец, прошу, послушай! Позволь мне...

— Не позволю, — вновь осадил он дочь. — Твоя преданность Кеору похвальна, но твоя глупость непростительна! Род Артенсейров не будет опозорен связью с полукровкой, с вырожденком человека! Или, — серебряные глаза прищурились, — ты бы обрадовалась племянникам-полукровкам?

— Они были бы высшими, — мягко, явно стараясь сгладить накал, произнесла Амарелия. — Я получила документы, все исследования, все заметки...

— Не важно! Я не позволю опозорить наше имя! Не допущу, чтобы дочь рабыни забыла свое место.

Меня снова дернули в явном намерении выкинуть из окна, и я решила больше не надеяться на чудо.

— Отпусти, — приказала еле слышно, так, чтобы мои слова достигли только ушей Майкрама.

Он вздрогнул и послушно разжал пальцы, удерживающие веревку.

— Видишь, — произнесла я еще тише, — полукровки не грязь, не отребье. Мы можем быть сильнее любого высшего, а ведь именно силу вы цените больше всего.

Глаза демона расширились, сам он смотрел на меня со смесью удивления и ужаса. И в этот момент я ясно осознала: сейчас в моей власти сделать с ним что угодно. Я могу приказать ему снять петлю с моей шеи и накинуть на свою, могу заставить его выпрыгнуть в окно и запретить материализовывать крылья, могу вынудить его напасть на Торрела...

Но одновременно с этим я поняла: если поддамся опасному искушению, то переступлю черту, отделяющую мою человеческую половину от демонической. Предам все, чему меня учила Ба, забуду, кто моя мать. А я не собираюсь терять ни крупички собственной природы.

Повернувшись к Амарелии, я хотела попросить ее увести отца. Но замерла, ощутив вновь закрутившиеся потоки магии. Они стягивались тугой рекой, клубились сизым туманом, пока наконец не растянулись

овальным зевом нового перехода.

В башню ворвался Кеорсен. Разъяренный, красноглазый, с пляшущей на кончиках пальцев магией. По инерции он сделал еще два быстрых шага и замер, точно налетев на незримую стену.

Я видела все, что подмечал он: затянутую на моей шее веревку, перекошенное яростью лицо своего отца, растерянную Амарелию.

— Кеорсен! — Она кинулась к брату. — Постой, прошу тебя!

— Не вмешивайся, Ли, — холодно обронил Кеорсен, делая шаг к отцу.

— Нет, Кеор!

Амарелия всегда была предана семье, всегда готова выступить на стороне Артенсейров, даже если и не разделяет их решений. Она не говорила об этом вслух, но раз за разом доказывала действием, согласившись на забаву брата с обучением человечки манерам высших, поддержав признание меня наследницей шестого дома, подняв тревогу, стоило мне пропасть из замка. И сейчас — возможно, впервые за сотни лет ее жизни — семья Амарелии раскололась.

Она металась между отцом и братом в отчаянной попытке стянуть два фрагмента, сложить осколки в единое целое. Вот только решения, способного примирить Кеорсена с Майкрамом, не было. Это понимала я, это понимали демоны, это понимала сама Амарелия.

— Не надо, прошу вас! — взмолилась она, едва не плача.

Однако никто не внял ее просьбе.

— Ты ведь не отступишься? — Кеорсен хмуро посмотрел на отца.

— Ни за что! Я никогда не приму ни твою истинную, — слово слетело с губ высшего как грязное ругательство, — ни ваших детей, ни детей их детей. Лучше шагнуть за грань, чем видеть падение рода Артенсейров.

— Ошибаешься. — Кеорсен качнул головой. — Артенсейры возвысятся, станут еще могущественнее...

— И грязнее. — Голос Майкрама вдруг зазвучал спокойно, словно демон принял для себя какое-то решение.

— Нет, отец, пожалуйста! — Амарелия шагнула к нему, но замерла, стоило Майкраму предупредительно поднять руку.

— Я не смогу смириться с твоим выбором. И не желаю видеть грядущие перемены. Лучше убей меня. Убей достойно, — требовательно произнес он, глядя на сына. — Так, как и подобает сильнейшему из нас.

Кеорсен не ответил. Несколько секунд — таких долгих, точно время остановилось, — вглядывался в лицо отца, а затем молниеносно кинулся вперед. Сплел из воздуха тонкое лезвие и пронзил сердце Майкрама. Дернувшись, тот почти сразу же обмяк. Кеорсен бережно подхватил тело.

— Ли, пожалуйста, позаботься о Сати, — велел он, не глядя на сестру.

Голос демона звучал так, словно все чувства разом покинули его и вместо них осталась лишь выжженная пустошь, сухая и безжизненная.

Амарелия кивнула, кусая губы в беззвучном плаче. Дождалась, когда Кеорсен шагнет в портал, и начала плести новый. Точнее, попыталась это сделать. Вместо слов заклинания с губ высшей срывались всхлипы, руки дрожали и отказывались слушаться. Сострадание и жалость переполнили меня. Наплевав на возможное недовольство демоницы, я заключила ее в объятия.

Я знаю, каково это — лишиться дорогого человека, помню тянущую боль в груди и желание ощутить хоть чье-нибудь присутствие. Просто чтобы не захлебнуться в собственном горе. К моему удивлению, Амарелия меня не оттолкнула. Напротив, прижалась сильнее, почти до боли сдавив мои ребра, и заплакала в голос. Мы не говорили. Я не пыталась утешить ее словами, Амарелия не бросалась в меня проклятиями и не винила в случившемся.

В тишине башни, нарушаемой лишь всхлипами высшей, я думала, какую цену пришлось заплатить нам всем. Ба, согласившейся заботиться о чужом ребенке и полюбившей его как своего. Торрелу, не сумевшему усмирить амбиции. Лунаре, потерявшей мать. Амарелии, увидевшей смерть отца, и Кеорсену, исполнившему его последнюю волю.

Непримиримость высших к полукровкам, закостенелость их порядков обошлись многим из них слишком дорого. И теперь я вдруг поняла, что хочу изменить ход вещей не только ради полукровок и людей, но и ради самих демонов. Пора нам прекратить ненавидеть друг друга. Ведь в конечном счете совсем не важно, какого цвета наши глаза, если они смотрят на мир открыто, без враждебности.

ГЛАВА 28

Родовой замок Артенсейров накрыло тишиной. Но не уютной и согревающей, а колючей, давящей. В воздухе витал сладковатый запах цветов, расставленных в вазах по всем комнатам. Белые каллы и черные орхидеи, собранные в букеты, смотрели на мир, словно глаза Артенсейров.

Разговоры в эти дни почти не звучали. Что Кеорсен, что Амарелия переживали горечь утраты внутри себя, не желая показывать слабость. И только Лунара не пыталась держать лицо. Стоило нам встретиться, она первая кинулась ко мне на шею, повисла тяжелым грузом и расплакалась в голос. Протяжно, с громкими всхлипами, не стесняясь и не пряча горе, что переполняло ее. И я была рядом. Гладила ее по спине, прижимала к себе и слегка покачивала, как когда-то давно делала Ба, успокаивая меня.

Возможно, именно открытость Лунары помогла ей первой примириться с утратой. Нет, боль никуда не делась, и по собственному опыту я знала — потребуется еще много времени, чтобы она притупилась. Но, по крайней мере, Лунара нашла в себе силы принять случившееся. А это уже много значило.

Амарелия, хоть и сдерживалась, все же иногда позволяла себе плакать. Не при свидетелях, разумеется, но я часто замечала ее глаза, припухшие от слез.

Кеорсену приходилось тяжелее остальных. Он будто запер собственные эмоции, сковал их броней безразличия и сдержанности и не позволял себе чувствовать. Я пыталась пробиться к нему, растопить застывший в его душе лед, но Кеорсен не позволял мне этого сделать. Отгородившись от самого себя, он отгородился и от мира — от всех, кто его окружал.

Через день после смерти Майкрама в замок прилетел Рейшар. От встречи с ним Кеорсен отказался. Возможно, не чувствовал в себе готовности терпеть шутливую речь друга, а может, действительно не хотел его видеть. Рейшар не обиделся. Более того — наплевав на недовольство Кеорсена, остался в замке. Много позже Рей признается, что просто побоялся оставлять меня наедине с пережившими утрату высшими. Но в тот момент я видела в его поступке заботу не обо мне, а о друге. И думаю, отчасти это так и было.

К присутствию Морграна привыкли быстро. Все вместе мы стали собираться в малой гостиной, расположенной в западном крыле.

Небольшая, уютная, она стала нашим негласным прибежищем, в котором мы искали спасения от гнетущей атмосферы замка. Зачастую мы молчали — просто переживали тяжелые моменты рядом друг с другом. Иногда разговаривали. Разумеется, больше остальных болтал Рей. Шутил он мало, скорее пытался звучанием своего голоса перебить давящую тишину, не позволить ей, будто тяжелым пологом, упасть на наши плечи. И, думаю, Артенсейры были ему за это благодарны.

На седьмой день после событий в башне мы вышли из замка и, хрустя сапогами по снегу, двинулись к закрытому парку, где находится родовой склеп Артенсейров. Кеорсен упоминал его в ту ночь, когда помешал мне покончить с собой.

Не сбавляя шага, я обернулась и попыталась угадать — как высоко мы тогда парили? Выше моего балкона, выше шпилей северных башен... кажется, даже выше самого неба.

Перед входом в парк мы остановились, дождались, когда Кеорсен снимет сдерживающую посторонних магию, и продолжили путь. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара, морозный воздух покусывал за щеки. Наполнять им грудь было приятно — он проносился внутри будоражащим ветром, тормозил мысли, заставляя их лететь все быстрее.

Я думала об Амадейне, лежащей теперь недалеко от своего убийцы, о том, насколько такое допустимо. Несмотря на все, что я успела узнать о высших, невзирая на стремительный бег событий в их мире, многие вещи до сих пор остаются для меня загадкой. Но я и не стремлюсь разгадать их. По крайней мере, в один миг. Если Великий действительно отмерил мне долгую жизнь, я не хочу торопиться — лучше продолжу узнавать об особенностях высших постепенно, раз за разом открывая их для себя с новой стороны, узнавая, понимая.

Кеорсен, после смерти отца получивший доступ ко всем его тайникам, нашел записи — некое подобие дневника. Они же помогли пролить свет на оставшиеся нерешенными вопросы.

Как оказалось, после краха плана Торрела, после кровавой ярости, охватившей Кеорсена в поместье Алви-Шандаад, Амадейна... передумала. Майкрам не писал, испугалась ли она гнева главы рода или нашла иную причину, но мать Лунары хотела рассказать Кеорсену обо всем: чьи приказы выполняла, с кем общалась, кто был посвящен в детали плана. Майкрам воспринял подобный порыв как предательство.

Я не была уверена, всегда ли Майкрам до конца осознавал свои действия. Он явно понимал, чего хотел добиться, но, пытаясь сохранить существующий порядок, потерял ориентиры. Для него границы

оправданного и неоправданного размылись. Средства перестали иметь значение, осталась только цель.

Переступив порог склепа, я остановилась. Оглядела сложенное из серого камня помещение, отметила приглушенный свет магических кристаллов и выпуклые буквы из белого золота в углублениях на стенах.

Дрейслер Артенсейр
Унея Артенсейр
Райвар Артенсейр
Майкрам Артенсейр
Лиара Артенсейр

Прочитав имя на табличке, я подошла и мягко коснулась ее пальцами. Лиара Артенсейр — мать Кеорсена и та, кто в свое время помогла спрятать мою маму. Кто знала Лири и меня, когда я была ребенком, кто запечатала мою демоническую половину.

Еще до своего рождения я уже была связана с Артенсейрами, зависела от их покровительства. И, размышляя об этом, я не могла не думать о том, насколько причудливы планы Великого. Насколько запутанный и непростой путь он выбирает — не только для меня, для каждого из нас. Знал ли он, что я справлюсь? Что пройду его до конца, не погибнув? Что не сломаюсь? Понятия не имею. Но это и не важно. Я сама принимала решения, и лишь я в ответе за каждый сделанный мной шаг. Куда бы ни вела меня дорога — шли по ней мои ноги, вслушивались в окружающие звуки мои уши, и мое сердце стучало, испуганно или радостно, на каждом новом повороте.

— Спасибо, — прошептала я тихо, поглаживая золотые буквы.

Почувствовав за спиной чье-то присутствие, обернулась и встретила взглядом с Кеорсеном.

— Ты бы понравилась ей, — заметил он. Подошел, встал рядом и, как я, опустил ладонь на имя своей матери.

Я молчала, надеясь, что на этот раз плотина самообладания даст трещину и заставит Кеорсена показать истинные чувства, хотя бы часть из них. Но нет, уже через несколько секунд он отстранился и отошел, держа спину идеально прямо.

— Ты должна пробиться к нему, — раздался сбоку еле слышный голос Рейшара.

Мельком глянув на главу второго дома, я снова с беспокойством посмотрела на Кеорсена. Тот остановился возле Лунары, замершей

напротив имени Амадейны.

— Знаю, — так же тихо отозвалась я. — Но он... не пускает меня.

— Ты должна, — настойчиво повторил Рейшар. — Любыми средствами. Делай что угодно, но пробей его эмоциональный блок. Высшим такого уровня силы, как у Кеорсена, опасно пережигать все в себе. Там, где горечь и боль утраты, всегда таится ярость. Нельзя позволять ей задержаться в сердце Кеорсена так надолго.

Я кивнула, принимая совет. Рей прав: чего бы мне это ни стоило, я обязана справиться.

Поздним вечером, приняв ванну и переодевшись в длинную шелковую сорочку, я стояла у двери в спальню и сжимала в руке тонкий стилет. До сих пор ни одна из моих попыток пробить ледяную защиту Кеорсена не сработала. Вся надежда на последний способ. Полубезумный, опасный, отчаянный... И я боялась. Не задуманного, нет. Очередной неудачи.

Шумно выдохнув, я крепче сжала пальцы на рукоятке и решительно толкнула дверь.

Все лампы в спальне были выключены, и лишь пламя, с треском уничтожающее дрова в камине, слабо разгоняло ночную тьму. Кеорсен лежал на кровати поверх покрывала. С распущенными волосами, в одних штанах, он снова читал записки Майкрама. Точнее, не думаю, что именно читал — в таком полумраке даже с демонским зрением тяжело разобрать убористый почерк. Скорее всматривался в знакомые буквы. Может, пытался понять Майкрама. Или как он, Кеорсен, пропустил угрозу у себя под носом. Но, если честно, не думаю, что у Кеорсена был шанс ее разглядеть. В своей семье он не сомневался, верил в нее так же сильно, как и Рейшар в свою. И удара в спину точно не ожидал.

Я сделала четыре шага к кровати, а потом, едва заметив движение Кеорсена, готового повернуться ко мне, полоснула себя стилетом по руке.

— Сатрея! — В одно мгновение демон оказался рядом и, отшвырнув оружие, зажал порез ладонью. — Что ты творишь?!

Родные глаза полыхали яростно-алым. Но я не испугалась. Я давно перестала опасаться гнева Кеорсена — он никогда не навредит мне. И единственное, чего я боялась, — что он может навредить себе.

— Ты говорил, моя кровь тебя манит, — тихо произнесла я, неотрывно глядя на демона. — Говорил, что дурманит и не позволяет сдержаться.

— И ты решила проверить, так ли это? Уже забыла? — Голос Кеорсена прозвучал холодно, как зимний ветер в горах.

— Не сдерживайся. Прошу тебя, хватит. — Я коснулась свободной

рукой его щеки. — Не пытайся контролировать все на свете. Некоторые вещи, события или чувства должны оставаться свободными. И попросить о поддержке — это не слабость, мое сердце. Нет, не проси ее, — исправилась поспешно, — но и не отталкивай. Прошу тебя.

— Сати, не нужно. Я в порядке.

— Не в порядке, — возразила я, глотая подступивший к горлу ком.

Не получается... Кеорсен по-прежнему не подпускает меня, не дает пробиться сквозь барьер его самоконтроля. Неужели все напрасно?

— Пожалуйста, Кеор, — прошептали мои губы. — Пожалуйста...

Не в силах и дальше смотреть на его лицо, вновь ставшее пугающе-спокойным, я закрыла глаза. По щекам покатились слезы, но я даже не шевельнулась, чтобы их стереть. Когда надежды разбиваются, нет смысла трогать осколки — обратно их не собрать, можно лишь изрезать пальцы.

Я услышала тяжелый вздох, ощутила теплое прикосновение к щекам — Кеорсен стер мои слезы. А после он потянул вверх мою порезанную руку и коснулся ее губами. Из груди вырвался всхлип — смесь облегчения и новой надежды. И с каждым движением Кеорсена, с каждым его более жадным глотком моя надежда крепла.

Когда Кеорсен одной рукой обнял меня за талию и притиснул к себе, я с готовностью подалась навстречу. Прогнулась, прижимаясь сильнее, и запустила пальцы в его волосы. Все во мне привычно отзывалось на его прикосновения, и с каждой секундой желание разгоралось все ярче. Поэтому, когда Кеорсен вдруг отстранился, я не смогла сдержать разочарованный стон.

— Сати... — Голос высшего прозвучал хрипло. — Ты... твоя кровь... Ее вкус изменился.

Я никогда не видела его таким растерянным. Он вглядывался в мое лицо с неверием и... надеждой?

— Что? Но почему?

— У высших демониц вкус крови меняется только в одном случае — когда они носят под сердцем дитя.

В животе защекотало, словно от падения с большой высоты. Я расслышала каждое слово, каждый звук, сорвавшийся с губ Кеорсена, но смысл сказанного не спешил проникать в сознание. Он облепил меня подобно пуховому одеялу, уютно и мягко, едва ощутимо впитался в тело и собрался в груди теплым шариком. Под моими ребрами теперь билось не сердце — маленькое солнце, чей свет заполнял меня клетка за клеткой. Я ощущала его на кончиках пальцев, подрагивающих от волнения. Прижала их к животу и, глядя на Кеорсена, выдохнула:

— Думаешь, я беременна?

— Да, мой свет. — Он нежно обнял мое лицо ладонями. — Ты величайший дар, ниспосланный мне Великим, мое драгоценнейшее сокровище.

Его глаза вновь сияли лунно-белым светом, на губах застыла улыбка, а на лице — выражение бескрайнего счастья. Почти такого же, какое переполняло мою душу.

— Не закрывайся от меня, — попросила я.

Улыбка Кеорсена стала мягче.

— Никогда, мой свет. Больше никогда. Обещаю.

Меня заключили в объятия. Такие бережные и трепетные, что горло вновь сдавило подступившими слезами. А потом я вдруг почувствовала, как грудь Кеорсена затряслась от сдерживаемого смеха.

— Что? — Я попыталась отстраниться, но меня удержали.

— Ничего. Просто представил, насколько быстро задержается глаз Маорелия, когда я снова нанесу ему неожиданный визит.

— Снова? — Я все же приподняла голову и встретила взглядом с улыбающимся Кеорсеном.

— Ты же не думала, что я оставлю его действия безнаказанными? — Тон казался шутливым, но за ним отчетливо слышалась угроза. — Вредить я ему не стану, но поверь, Маорелий будет еще до-о-олго сожалеть о своих поступках.

— Он точно не пострадает?

— Не беспокойся, мой свет. Твой отец будет жить. Пострадает только финансовое состояние его рода, а еще — его гордость. Но это, в сущности, уже детали.

— А Хемильдеор и Шимран? — Я вспомнила, что Майкрам называл их имена. — Это ведь они стоят за первым покушением?

Меня снова притянули к широкой груди и крепко обняли.

— Не думай ни о чем тревожном. Больше никто не посмеет тебе навредить. Никогда. Ни тебе, ни нашим детям. Я об этом позабочусь.

И пусть обещаниям Кеорсена я верю, но заглушить проснувшееся любопытство оказалось не так-то просто.

— И все-таки — зачем тебе встречаться с Маорелием?

— Заставить его отречься от тебя как от наследницы, — буднично ответил он. — Мне надоело слышать имя Сатрея Рингвардаад. Ты — Артенсейр. С первого дня, как я взял над тобой покровительство, и до конца наших жизней.

Я не ответила — только спрятала улыбку на груди демона и прижалась

сильнее. Но, думаю, Кеорсен и не ждал от меня ответа. Он делал то, что считал правильным, — возвращал себе свое. И самое замечательное, что я тоже считала это правильным.

ГЛАВА 29

Спустя неделю Маорелий отрекся от меня как от наследницы. Смотрел при этом холодно, осуждающе, словно винил во всех бедах, обрушившихся на шестой дом. Справедливости ради следует признать — повод для обиды у Маорелия есть. Артенсейры и Моргранны разорвали с ним все торговые отношения, Хемильдеор и Шимран на сто пятьдесят лет отлучены от появления в обществе других высших. Им и их наследникам запретили покидать земли рода под страхом немедленной расправы.

Майрее дали право выбора: остаться в доме Вирсейров или перейти к Маорелию. Недолго думая она выбрала второе. Однако о безмятежном счастье для демоницы говорить не приходилось. Организованного ей покушения в ущелье никто не забыл, и хоть наказания выносить не стали — в силу ее особого положения, — но ясно дали понять, что шанс на спасение даруется лишь раз. Майрея, помня судьбу Торрела, предупреждениям вняла.

Дом Вирсейров пошатнулся. Лерден, потерявший младшего отпрыска и переживший предательство жены, сосредоточил все внимание на старшем сыне. Я не знаю Шиделера лично, но слышала, что он обладает прагматичным, уравновешенным характером — такой не рискнет положением рода ради призрачной возможности продвинуться. Пожалуй, в сложившихся обстоятельствах лучшего наследника для Вирсейров нельзя и представить.

Что касается Верины, то ей, можно сказать, повезло. Запрет Майкрама удержал ее от вмешательства и тем самым уберег от наказания. Вот только клятва, принесенная Рейшаром как главой рода, не оставляла демонице даже тени надежды на месть. И осознание этого заставляло Верину заходиться в бессильной ярости.

Лунара почти все время проводила в родовом замке Артенсейров. Новость о моем положении она восприняла с таким восторгом, что Кеорсену даже пришлось вмешаться и не дать маленькой высшей задушить меня в счастливых объятиях. На удивление, Амарелия тоже выглядела довольной. Нет, разумеется, бурных восторгов не выказала, но было видно — за брата она искренне рада.

Воспоминания о прошлом, мечты о будущем, переживания и надежды переплелись плотно, как колосья в снопе. На душе было спокойно. Стоя у окна, я куталась в белоснежную шерстяную шаль и смотрела на

темнеющий в сумерках лес. Зима отступала, снежный покров истончался, и в некоторых местах на земле уже появились проплешины. Ветер стих еще в обед, и сейчас природа почти безмолвствовала.

В доме тоже царила тишина. Вот только вызванная отнюдь не безмолвием, а наложенным пологом. Кеорсен не хотел, чтобы меня понапрасну беспокоили, и решил проблему. Сам и сразу — так, как привык действовать всегда.

Звук приближающихся шагов вывел меня из раздумий. Отвернувшись от окна, я встретила взглядом с Рейшаром.

— Держи. — Подойдя, он протянул мне кружку, от которой тонкой витиеватой лентой поднимался пар. Во второй руке высшего был зажат стакан с бурбоном.

— И не надоедает тебе? — Я кивком головы указала на янтарный напиток.

— Ни капли, — хмыкнул демон. — Алкоголь на нас почти не действует, лишь слегка расслабляет. А мне просто нравится вкус. Да и опустошать запасы Кеорсена всегда приятнее, чем собственные.

Я улыбнулась и вновь перевела взгляд на темный массив леса. Рейшар остался стоять рядом.

— Ты стала спокойнее, увереннее, — заметил он через полминуты. — Интересно, это повлияла беременность или окончание истории с Советом?

— А есть разница?

— Ну, в первом случае молодец только Кеорсен, во втором — мы оба. — Рейшар подмигнул, помолчал еще некоторое время, как и я, задумчиво глядя на лес. Потом тихо заметил: — Кеорсену повезло.

— Мне тоже.

— Нет, девочка, — качнул он головой. — Ему повезло больше. Ты сама не до конца понимаешь, насколько уникальна. Не по крови — по духу. В тебе есть то, что заставляет окружающих меняться, проявлять свои лучшие или худшие стороны, являть миру истинное лицо. Клянусь Великим, если когда-нибудь Кеор посмеет забыть, какое сокровище заполучил, я брошу ему вызов.

— Ты же говорил, что шанс одолеть его совсем небольшой. — Я прищурилась, не сводя взгляда с Рейшара.

— Вот надо было тебе напомнить! — фыркнул он. — Я тут такую красивую речь выдал! Сам едва не расчувствовался, а ты...

Не сдержавшись, я захохотала.

В этот момент ленты защитного кокона задрожали, предупреждая о приближении Кеорсена. Я шагнула было к выходу из гостиной, но Рейшар

удержал меня за локоть.

— Сам открою. Там холодно.

Не дожидаясь ответа, демон покинул комнату, а уже через несколько секунд я увидела его идущим к калитке.

Да, мы решили оставить дом моей матери. Ради Тины. Она призналась, что он стал для нее особенным — местом, где она обрела свободу, поняла, что сможет сохранить сына, видела мое становление как демоницы. Несмотря на все невзгоды, случившиеся под его крышей, она не хотела перебираться в другое место. Единственное, о чем еще попросила, — восстановить разрушенный Майкрамом защитный купол. И сейчас Рейшар размыкал его контур, впуская Кеорсена с Лунарой.

После смерти матери Лунара заняла ее место и стала главой кровной ветви Марвада-Артенсейров. Груз новых обязанностей показался маленькой высшей слишком тяжелым, и она попросила помощи у Кеорсена. Тот согласился. Но выдвинул условие: он приставит к ней лучшего управляющего, а взамен Лунара обещает перенимать у него опыт, чтобы со временем взять ветвь Марвада под полный контроль. Подобному условию она была даже рада.

— Как прошло занятие? — спросила я, едва высшие переступили порог гостиной.

Кеорсен обнял меня со спины и бережно прижал к себе. Ладони привычно опустил мне на живот, по-прежнему еще плоский.

— Сложно, насыщено, интересно, — перечислила она и совсем не грациозно плюхнулась на диван.

Наедине с нами Лунара переставала следить за манерами и позволяла себе вот такие вольности. Что любопытно, раньше она могла расслабиться только в присутствии нас с Кеорсеном. Теперь в этот список вошел и Рейшар. При Амарелии, всегда и во всем идеальной, Лунара держалась, как полагается.

— А у вас тут как? Я так понимаю, без изменений? — хмыкнула она. И замерла, вместе с нами прислушиваясь к шагам на лестнице.

В гостиную вошла темная демоница. Та самая, которую Кеорсен еще после праздника зимней ночи отправил заботиться о Тине. Во время первого проникновения Торрела под купол ее сковали магией, и помочь она не смогла. Когда же Кеорсен нашел ее, демоница поведала ему обо всем случившемся, назвала присягнувших Торрелу демонов и позволила заглянуть в ее память, чтобы увидеть их лица. Именно поэтому Кеорсен был уверен, что никто из предателей не покинул поместья Алви-Шандаад.

— Пятиана разрешилась от бремени, — произнесла она с

почтением. — Мальчик здоров и крепок.

— Мы... мы можем ее увидеть? — Я в волнении подалась вперед.

— Разумеется, махра, — все с тем же почтением отозвалась демоница, а потом вдруг тепло улыбнулась. — Тина очень надеется, что вы придете.

Поднимаясь по лестнице, я чувствовала все нарастающее волнение. А оказавшись у двери, секунды две собиралась с духом, чтобы повернуть ручку.

Наконец я вошла.

Тина выглядела уставшей. Спутанные волосы липли к вискам, мокрым от пота, но лицо сияло счастьем. На руках у нее, завернутый в белоснежные пеленки, лежал малыш.

— Махра, смотрите, — тихо, едва ли не шепотом произнесла она.

В несколько шагов оказавшись рядом, я увидела его — крохотного, с носом-пуговкой, пушком темных волос и большими карими глазами, такими же, как у Тины. Я смотрела на него, и в груди становилось все теплее. На глаза навернулись слезы.

— Он похож на тебя, Тин.

Она кивнула и нежно коснулась губами макушки сына.

— Спасибо вам, махра. — Голос Тины дрогнул. — Не знаю, как отдала бы его, как жила бы после этого, как...

— Не стоит. — Я опустила руку поверх ее, а потом, не удержавшись, погладила малыша по голове. — Никто не отберет его у тебя, обещаю.

Я верила в каждое сказанное слово и знала — все получится. Вместе мы сделаем этот мир лучше. Обязательно.

Эпилог

Двадцать четыре года спустя

За окном тихо завывала выюга, укрывая мир пушистым белым одеялом. Рассеянный желтый свет уличных кристаллов казался бесконечно уютным в этот особенный вечер.

Стоя у окна, я то смотрела на улицу, то задумчиво разглядывала отражение в стекле — девушку в длинном темно-фиолетовом платье. Собираясь под грудью, оно расходилось книзу свободным краем, мягко очерчивая выступающий животик. Собранные в элегантную прическу волосы, поблескивающая в них тиара. И спокойный, полный внутренней гармонии взгляд.

Почувствовав пинок сына, я улыбнулась и нежно погладила натянутую ткань платья. Пройдет еще полтора месяца, и я наконец смогу коснуться этого маленького драчуна — наследника Артенсейров. А пока...

Дверь без стука распахнулась, вырывая меня из размышлений, и в комнату влетела Лунара, держа на руках маленькую высшую с черно-серебристыми глазами.

— Ты ни за что не поверишь, где я ее поймала! Она снова едва не улизнула из замка!

— Но не улизнула же. — Я с улыбкой посмотрела на демониц.

На душе было спокойно. В замке ее отца Алире не грозит опасность. Меня скорее тревожит излишняя забота Лунары и Амарелии. Обе демоницы с поразительным единодушием ждали идеального послушания от двадцатитрехлетней крохи, выглядевшей по человеческим меркам лет на пять-шесть. Пытались наряжать ее, точно куклу, и заваливали игрушками. Но моей маленькой бунтарке нравятся совсем не девичьи проказы.

Она то взбиралась на деревья, чтобы, спрыгнув, материализовать крылья и аккуратно опуститься на землю, то прокрадывалась к Бердеру, то устраивала вылазки на кухню. Нет, разумеется, не от голода — скорее Алира проверяла границы дозволенного. Но пока она действовала осторожно, помня все уроки отца, и не посягала на запрещенные территории — например, рабочий кабинет или библиотеку, — ее проказы не пресекали.

И Кеорсен, и я понимали, что еще совсем немного, и Алира начнет обучаться всем наукам и правилам, которые следует знать дочери главы

первого дома. А потому мы не хотели раньше времени отнимать у нее детство.

Едва завидев меня, Алира прыгнула с рук Лунары и в несколько быстрых шагов оказалась на диване, всем видом выражая нетерпение. Как только стало известно о моем положении, Кеорсен запретил Алире забираться ко мне на руки. И моя умница поняла все правильно.

Не желая мучить ее ожиданием, я подошла и опустилась рядом, нежно прижала к себе дочь. Та потерлась об меня лбом, словно котенок, и зажмурилась, стоило поцеловать ее в макушку.

— Знаешь, — задумчиво произнесла Лунара, — когда смотрю на вас в такие моменты, мысли... становятся странными.

Я с улыбкой взглянула на демоницу. За прошедшие годы она заметно изменилась, превратившись из нескладного подростка в красивую молодую женщину. Сейчас Лунара выглядела лет на семнадцать по человеческим меркам.

Подойдя к ростовому зеркалу, она принялась поправлять бриллиантовые сережки-ниточки. Я же заметила смелый вырез на спине темно-золотого облегающего платья.

— Ты решила свести с ума всех приглашенных на праздник высших?

Лунара бросила на меня лукавый взгляд в отражении и подмигнула.

— Только одного, — призналась она честно.

Я качнула головой.

— Говорила с Кеорсеном об этом? Ты все-таки глава первой побочной ветви рода.

— Я... — Она на миг закусила губу и обернулась. — Я что-нибудь придумаю.

Тихий стук в дверь заставил нас обеих повернуться. А стоило мне разрешить, в комнату прошла Пятиана.

— Махры, я прошу прощения, но необходимо присутствие одной из вас на кухне. Из-за непогоды задерживается поставка лайденского вина. Устроитель торжеств просит узнать, чем его временно заменить.

— Я убью Фелихьеров! — в сердцах произнесла Лунара. — Договаривались же, что они отправят заранее! Хотя сама виновата, не проверила. Да, спасибо, Тин. Я решу вопрос.

Не прощаясь, она вылетела в коридор.

— А она все такая же шумная, — улыбнулась Тина, провожая демоницу взглядом.

Я же смотрела на самую Тину. Если на мне прошедшие двадцать четыре года не оставили следов, то ее они не пощадили. На круглом лице сеточкой

пролегли морщины, виски серебрились первой сединой. Праздничное светло-зеленое платье с белой вышивкой обнимало пышную, немного раздавшуюся с годами фигуру. Пожалуй, единственное, чего время не коснулось, — это взгляд Тины. Он оставался все таким же теплым, понимающим и удивительно родным.

Видимо, устав от долгого сидения без дела, под боком завожилась Алира.

— Что, душа моя, — я с улыбкой погладила светлую, как у Кеорсена, макушку, — будешь переодеваться к празднику?

— А оно сильно надо, да? — Алира вздохнула почти обреченно.

— Сильно, родная. В этом году именно наш дом принимает гостей, и тебе нужно будет предстать перед остальными семьями. Но, думаю, если через час после приветственной речи ты исчезнешь, никто не заметит. — Я подмигнула просиявшей дочери и тут же добавила: — От прогулок по замку, правда, придется воздержаться. Выходить на улицу тоже нельзя. Но все западное крыло остается в твоём полном распоряжении.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — защебетала она весенней птичкой и, сорвавшись с дивана, забегала по комнате.

— Пойдемте, махра, помогу вам собраться. — Тина поднялась и протянула Алире руку, за которую та тут же ухватилась.

— Пойдем, пойдем, пойдем!

Я же снова не сдержала улыбки. В Алире было столько жизни и света, сколько я не видела еще ни в ком. И этим светом она щедро делится с окружающими.

Но сейчас я провожала взглядом не ее, а Тину. Словно опавшие и подхваченные ветром листья, в памяти взметнулись воспоминания.

Как и обещал, Кеорсен поддержал меня в стремлении изменить положение людей. Мы понимали: просто не будет. Но все же к некоторым трудностям оказались не готовы.

Столкнувшись с первой волной протеста, я растерялась. Нет, не потому, что она была сильной, а потому что исходила от людей. Привыкшие к старым порядкам, многие из них оказались неспособны мыслить иначе и принялись отстаивать свое рабство едва ли не с большим рвением, чем их хозяева. Свобода пугала людей, необходимость думать и принимать решения вгоняла их в ступор.

Поняв это, мы с Кеорсеном сосредоточили все внимание на детях. Именно они, еще не закоснелые в своем мировоззрении, стали нашей надеждой. Мы построили Центр развития, куда принимали всех малышей, от которых отказались матери. Те же, кто не захотел расставаться со своим

ребенком, перебирались в него добровольно и вливались в его работу.

Последние десять лет во главе центра стояла Тина. Именно она, знавшая жизнь рабыни и свободного человека, помогала адаптироваться другим женщинам, учила их заботиться о детях. Надо сказать, работа ей нравилась. Саторсен, сын Тины, тоже активно участвовал в работе центра.

Что же касается мира демонов и его отношения ко мне, то после смерти Майкрама покушения прекратились. Убийство главы Совета, последующие наказания, коснувшиеся многих домов высших, заставили всех несогласных замолчать. А стоило миру увидеть нашу Алиру, понять, что по крови она — высшая демоница, и недовольных не осталось вовсе.

Однако новых полукровок за это время так и не появилось — высшие продолжали чтить чистоту крови и к переменам в отношении себя оказались готовы ничуть не больше людей. Рейшар в такие моменты всегда шутил, что оно и к лучшему, подразумевая, что этому миру хватит и одной полукровки с магией слова.

До официального начала празднования оставалось меньше часа. Прибывающих гостей размещали по покоям, в которых они отдохнут после бала. По коридорам сновали слуги, демоны — высшие и темные, — отовсюду звучали разговоры, смех. Общее настроение было приподнятым, все ожидали праздника и первого восхода, чтобы загадать желание.

Демоны верят, что если желание искреннее, то оно обязательно сбудется — ведь в первый рассвет Великий бродит среди нас и, как мы, любит рождением нового солнца. А значит, и желания наши он слышит отчетливее. Я же, по правде сказать, списывала это поверье на продолжительность жизни высших. Когда у тебя есть тысяча лет в запасе, неудивительно, что рано или поздно любое желание исполняется.

В бальном зале родового замка Артенсейров было шумно. Музыка, смех, звон бокалов, гул разговоров. Белоснежное, точно заиндевшее, дерево иглолиста переливалось сотней крошечных зачарованных огоньков. Волшебные светлячки летали по залу, садясь на наряды гостей. В воздухе пахло хвоей и чем-то неуловимо сладким.

Приветственная речь уже отзвучала, и сейчас гости вовсю наслаждались праздником.

Я держалась чуть в стороне, с полуулыбкой наблюдая за происходящим. Подмечала все заинтересованные взгляды, которыми демоны провожали Лунару. Но та, казалось, и не видела их. Я знала, кого она выискивает взглядом, и все пыталась понять: когда обычные, едва ли не

детские симпатии переросли в чувства?

Приближение Кеорсена я не увидела, а скорее предугадала. Повернулась и встретила с ним взглядом. Мой демон выглядел все так же, как и в первый день нашей встречи. И все так же при взгляде на него у меня перехватывало дух. Вот только уже совсем не от страха.

— Махра Артенсейр, — с улыбкой произнес он, протягивая мне ладонь, — вы подарите мне танец?

Улыбнувшись в ответ, я вложила в нее пальцы и позволила мужу увлечь себя к кружащимся парам. Краем глаза заметила Амарелию, благосклонно улыбающуюся новому кавалеру. Она меняла их легко и без особых душевных терзаний. Сердце демонницы принадлежало роду, и, по ее собственным признаниям, она не хотела дарить его никому иному.

С Амарелии взгляд скользнул на другую танцующую пару, и губы против воли растянулись в улыбке. Судя по всему, Лунара все же смогла свести с ума того высшего, на которого нацелилась. Она едва не светилась от счастья, прижимаясь к статному демону, чьи густые волосы цвета шоколада были заплетены в сложную косу.

Рейшар... Именно он стал особенным для Лунары демоном — тем, ради кого она готова отказаться от места главы первой побочной ветви первого рода. Но только разрешит ли подобное Кеорсен?

Сам Рейшар тоже выглядел довольным. Ведя в танце, он не отводил взгляда от лица демонцы. А в какой-то момент даже показалось, что золото его глаз на долю секунды подернулось лунно-белым. Не знаю, была ли то игра света, но я искренне надеялась, что Рейшар с Луной нашли друг в друге свое счастье.

— Думал, он еще долго будет себя сдерживать, — раздался над ухом родной голос.

Я вопросительно посмотрела на мужа.

— Рей, — коротко ответил он, а потом улыбнулся. — Рад, что он решился.

— Отдашь ему Луну?

— Если она сама захочет уйти.

— А ветвь Марвада-Артенсейров?

— О ней позаботится Ли.

— Подожди... — Я на секунду растерялась. — То есть ты все просчитал?

— Нет, мой свет, чувства просчитать невозможно. Но, узнав, каким пьянящим может быть счастье, я хочу подарить его дорогим мне демонам. Выбор в любом случае останется за Лу, но если она решится, я не стану

препятствовать.

Я улыбнулась и прижалась к мужу.

— Люблю тебя, — тихо произнес он. — С каждым годом все сильнее. Ты словно свет, сама жизнь. И я бесконечно рад, что судьба привела тебя ко мне.

— Люблю тебя, — так же тихо отозвалась я, закрывая глаза.

Могла ли я надеяться на это? Тогда, будучи напуганной девчонкой, прячущейся от мира в подвалах библиотеки, — могла ли поверить, что смогу пройти такой непростой путь?

От человека к полукровке. От гонимой миром высших — к истинной паре сильнейшего из демонов. От одинокой, не знающей жизни девушки — к любимой и любящей жене и матери. От той, что боялась системы, к той, что ее изменила.

Мой путь был тяжелым, полным опасностей и испытаний. Но если бы мне пришлось пройти его еще раз, я бы не сомневалась — повторила бы свои шаги след в след. Ведь в конце концов они привели меня к Кеорсену, к счастью, к свободе и новому миру.